

Екатерина Дей

**Я
однажды
приду...**

Часть II

Екатерина Дей

Я однажды приду... Часть II

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33392381
ISBN 9785449082756*

Аннотация

«...Второй лабиринт я ещё осознавала, помню, как вошла, и как в огненном круге опять появилась дорога, остальные уже не понимала, просто шла и смотрела под ноги, чтобы не упасть. А потом под ногами стали попадаться острые как ножи камни, и я порезалась...»

Я однажды приду...

Часть II

Екатерина Дей

© Екатерина Дей, 2018

ISBN 978-5-4490-8275-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Дом напоминал постройки известного, не то бразильского, не то мексиканского архитектора Нимейера – всё в изогнутых линиях. Этажи переходили один в другой, и невозможно было определить границу этого перехода. Окна тоже были изогнутыми, но при этом украшены прямыми полосами, ещё более усиливающими эффект кривизны рамы окна. Дополняла всё это крыша в форме дамской шляпы с большими полями, а трубы выглядели как перья шляпы. Весь футуристический вид дома был настолько чужеродным на фоне гигантских деревьев и удивительных цветников перед домом, что казался нарисованным ожившим кадром из фантастического фильма. И это – дом Аарона?

Нас встречал Самуил, он стоял на ступеньках лестницы,

которая тоже смотрелась набором волнистых линий.

– Катенька, дорогая моя, как я рад тебя видеть, Глеб, наконец-то ты приехал. Охраны, конечно, много, но с тобой спокойнее. Наташенька уже тебя ждёт, она мне сразу после обеда сказала, что ты едешь.

Глеб остановился на лестнице и посмотрел на меня, высоко приподняв бровь. Самуил смутился, но уже сказал, деваться некуда, пришлось продолжить:

– Она всё о ней знает, что ты песню пела, что утром у тебя сердце от боли разрывалось. Глеб, я поэтому тебе звонил, спрашивал, как Катенька себя чувствует.

Глеб опустил на ступеньку ниже, и было непонятно – то ли хотел посмотреть мне в глаза, то ли собирался вернуться в машину и ехать домой. Глаза потемнели и скулы напряглись. А я уже была готова к тому, что он, не спрашивая, закинет меня в машину и отправит в сейф, а девочку уничтожит. Но Глеб спросил:

– И ты всё ещё хочешь с ней встретиться?

– Да, Глеб пойми...

– Я понял. Идём.

И что же заставило его так быстро со мной согласиться? Какая-то собственная мысль – он что-то для себя решил по дороге, поэтому и молчал.

К счастью, внутри дом был обычным, без этих гнутых линий. Всё в доме оказалось обставлено уютно, очень просто, и очень дорого. Мебель из непонятного дерева, я, проходя

мимо стола, задела стул, и если бы Глеб меня не поддержал, то упала бы. Стул был как привинчен, настолько тяжёл, пожалуй, синяк будет. Глеб косо на меня посмотрел и взял на руки. С высоких потолков свисали люстры, состоящие из миллиона маленьких хрустальных, или бриллиантовых частичек, светящихся от собственного света. А со стен нас приветствовали величественные средневековые господа и дамы, борзые и прекрасные кони, сцены охоты и войны. Внутреннее убранство совершенно не соответствовало внешнему виду дома. Изящество непонятных линий снаружи и средневековая грубоватая простота внутри.

Когда Самуил повернул в боковой коридор, навстречу нам с громким криком выскочила Наташа:

– Катя, ты наконец приехала! Я знала – ты едешь!

Но резко остановилась, увидела меня на руках Глеба, и замолчала. Наташа рассматривала нас, наклоняя голову в разные стороны, то слева, то справа, а потом взлетела и опустилась мне на руки.

Конечно, для Глеба её вес вкуче с моим ничего не значил, но удивился сильно – ведь она его совсем не боялась. Он сделал лицо генерала, однако Наташа совершенно не обращала внимания на него, обняла меня за шею и зашептала на ухо:

– Хорошо, что ты приехала, мне тебе надо про тебя сказать. Ему тоже знать надо.

И небрежно махнула в сторону Глеба одной из рук. Надо сразу выяснить тревожащий Глеба вопрос, да и отвлечь его

от взмаха руки перед носом, и я спросила:

– Почему ты сказала, что это мой приказ – привести Аарона к Норе?

– Но ты же хотела помочь Аарону найти его любовь, настоящую, навсегда, единственную. Ты сама это знаешь, только они ещё не знают. Ты сегодня разрывала своё сердце из-за него.

Она опять махнула ладонью в сторону Глеба, но он успел увернуться и в его глазах появился интерес.

– А он ещё ничего не понял, ему всё надо ещё понять, он только про себя думает. А этот, другой, большой, он думает о тебе, потому что любить хочет, а не знает кого. Он настоящую только тебя видел. А Нора совсем не знает ничего, но она будет его любить, я знаю. Только долго они понимать друг друга будут, она может не дожить, времени у неё мало без любви. С любовью больше.

Мы так и стояли в коридоре, Самуил присел на какой-то диванчик и смотрел на нас большими глазами, даже вздохом не смел прервать Наташу.

– А почему мало времени у Норы?

– Если любить он её будет, по-настоящему, пусть даже не скажет, она узнает и будет долго жить, ждать, когда он поймет всё. А с любовью совсем много времени, больше, чем у людей. Ты для этого её спасла, через своё страдание прошла, чтобы её спасти.

Она внимательно на меня посмотрела и вздохнула:

– Ты отдала очень много, сердце твоё ещё не наполнилось, кровоточит.

– Я что – продолжаю отдавать энергию?

– Да всем подряд! Подумаешь, кого пожалеешь, тому и отдаёшь, этому больше всех, только он не всегда чувствует.

Опять взмах руки в сторону Глеба, она так ни разу на него и не посмотрела.

– А как мне восстанавливаться? Меня сейчас каждый день энергией накачивают, несколько раз в день.

Наташа рассмеялась, весело так, колокольчиками.

– Да ты её за один раз сочувствия отдаёшь всю до дна. Ты сегодня, когда сердце рвала, совсем пустая осталась, но тебе мальчик помог и Али. Али молодец, он всё может, только ничего про себя ещё не знает. Я ему скажу потом, когда он ко мне придет.

Глеб не выдержал:

– Он к тебе придет?

– Ты сам его ко мне пошлешь, скоро. Я вижу.

Она резко оттолкнулась от меня и полетела по коридору, от толчка я даже задохнулась и закашлялась. Глеб поставил меня на ноги, и Самуил помассировал спину, чтобы я смогла дышать.

– Интересная девочка.

Я не поняла, чего в тоне Глеба было больше – действительно интереса или подозрения. Когда я смогла дышать, Глеб обнял меня, и спросил Самуила:

– Катя отдает мне энергию?

Побледнев, Самуил даже не сразу смог ему ответить, таков был тон Глеба. Я попыталась шевельнуться в его руках, но Глеб только сильнее прижал меня к себе, и я решила не сопротивляться. Он ведь и без меня может учинить разнос Самуилу, без меня даже круче.

– Глеб, я не могу тебе этого сказать, мы давно Катеньку не обследовали на энергию, она чувствует себя хорошо, никогда не жалуется. Явных признаков не было, она сама регулирует передачу, тогда она увидела вас без сил и перестала у вас её брать, выбрала Али. Глеб, я не знаю, что делать, Нора здесь одна, её тоже надо лечить, и Кате нельзя сюда.

Самуил совершенно растерялся. Глеб не стал особо задумываться:

– Ты возвращаешься с нами. Дома полное обследование.

Нора его совершенно не интересовала. Я поняла, что он сейчас посадит нас в машину и увезёт домой.

– Глеб, я хочу увидеть Нору и Лею.

Точно, они уже не входили в его планы – по взгляду видно. Но сегодня Глеб много надумал, пока ехали сюда. Он повернулся к Самуилу и грозно приказал:

– Веди.

Самуил суетливо пошёл вперед. Ну, зачем так? Подумаешь, отдала сколько-то энергии, чувствую я себя очень даже хорошо, да и Андрей меня сегодня накачал по самую крышку.

Комната, в которой лежала Нора, оказалась очень светлой и уютной. В ней собрали самые разные мягкие пуфики, которые было странно видеть в этом доме, разноцветные подушки и стульчики. В центре стояла большая кровать, окруженная различной медицинской техникой и какими-то стойками. Наташа висела на руках где-то у потолка и улыбалась нам. Рядом с кроватью сидела худенькая девочка, но не бледная, с длинными светлыми волосами, её огромные прозрачные глаза сразу улыбнулись нам. Лея, как ей подходит это имя. Она встала и поклонилась нам, это было так странно, совсем не по правилам поведения в кланах, ну, я так думаю. Лея подошла ко мне и что-то сказала на неизвестном языке. Глеб вдруг наклонился к ней и ответил на том же языке, потом удивленно повернулся ко мне:

– Она знает древний арабский язык.

– Я и русский знаю, и ещё пять языков, мне нравится их изучать.

Она взяла меня за руку и неожиданно поцеловала её, чем привела меня в состояние шока. Я хотела отнять у неё руку, но не смогла, она держала очень крепко. Глеб положил свою ладонь на её руку и жёстко сказал:

– Отпусти.

– Ты не понимаешь, она совсем без энергии, скоро может умереть. Я ей помогаю.

У меня даже ноги подкосились, Глеб подхватил меня на руки, но Лея мою ладонь не отпустила, посмотрела без-

донными глазами и предложила своим нежным голоском:

– Там кресло, положи туда.

Глеб усадил меня в кресло и Лея села рядом со мной, с толка соскочила Наташа и тоже взяла меня за руку.

– Я же сказала, что всё отдала, а ты не верила.

– Наташа, я же хорошо себя чувствую, почему так?

– Ты себя обманываешь, хочешь его обмануть, а себя обманываешь. Тоже, испугалась за него, и решила опять ему отдавать, только отдаёшь больше, чем берёшь. Ты помни – если ты умрёшь, ему ещё хуже будет.

В меня вливался огненный поток, он бушевал внутри, и мне казалось, что я сейчас потеряю сознание от этого буйства энергии. Лея улыбалась милой улыбкой, но сила потока в её руках была значительно сильнее, чем у Наташи.

– Девочки, хватит, мне уже хорошо, у вас ещё Нора, ей больше надо.

– Ей достаточно пока, мы с ней, а ты уедешь. Нам не жалко, мы сильные, поедим и хорошо. А ты его не жалея, он сильный, сильнее, чем думает, только понимает мало, тебя не понял, пока тебя не поймёт, силу свою тоже не поймёт.

Наташа не обращалась к Глебу напрямую, она всё время говорила о нём в третьем лице, как будто его не было рядом. Глеб, бледный до синевы и с плотно сжатыми губами, внимательно слушал её, хотя взгляд был очень строгим и глаза приобрели стальной цвет. Самуил сидел на пуфике и не сказал за это время ни одного слова, я обернулась к нему и по-

пыталась улыбкой приободрить его, но он только горестно покачал головой.

Лея улыбнулась мне своей нежной улыбкой, и я поняла – ничего в жизни не бывает случайным. Я могла не выбрать её в школе, а Глеб мог отказаться взять её в клан. А сейчас она спасала меня, держа за руку. Наташа тоже улыбалась – только, если лицо Леи было нежным, ещё совсем детским, то Наташа выглядела ребенком с очень взрослыми глазами, которые видели что-то своё, совсем не здесь. Мне стало жарко, и я сняла шубу, надеясь, что девочки уже не возьмут мои руки, но они продолжили, и я вскоре уснула.

Когда я проснулась, ни Глеба, ни Самуила в комнате не было, только Лея и Нора. Оказалось, Наташа свернулась калачиком на пуфике, и я её не сразу увидела. Лея, заметив, что я проснулась, улыбнулась мне:

– Они скоро придут, не переживай.

– Ты вообще ни о чём не переживай. Я знаю, он любит тебя, только боится, себя боится. Он много страдания тебе принёс и помнит об этом, простить себе не может. Вот тебя поймёт, сильнее станет. Только энергии ему не давай, не жалей его, убьёшь себя – убьёшь его.

Тяжело вздохнув, я встала и подошла к кровати. На ней лежало нечто, полностью обмотанное бинтами и какой-то странной серой тканью, гипсы на ногах и руках, даже лицо закрыто маской. Наташа перепрыгнула на стул рядом и погладила по тому, что должно быть руками.

– Завтра гипсы будут снимать, Самуил сказал.

– Так быстро?

– У неё всё хорошо заживает, быстро, энергии много, без гипсов ей будет лучше, всё быстрее будет оживать.

– Глеб хочет увезти Самуила, а кто гипсы снимет?

– Он нам всё уже показал и рассказал... мы сможем, Лея лучше, чем он сделает, он уже и не нужен. Хочешь на лицо посмотреть?

Увидеть будущую любовь Аарона очень хотелось, и я закивала головой. Наташа сняла маску и под ней оказалось лицо молодой женщины с впалыми глазами, явная блондинка, судя по бровям, но не белесая, а русая. Черты лица определить сложно, так как отёк разошелся по всему лицу. Глаза должны быть светлыми, но они были закрыты, и я решила уточнить у Наташи, вдруг она знает, но спросить не успела, она как прочитала мои мысли:

– Серые.

– Как это – серые?

– Не голубые и не зеленые, и не прозрачные. Серые.

Я пыталась вспомнить, но ужас перекрывал цвет – помнила огромные глаза, но не помнила цвет этих глаз.

– Я ей сказала, что ты её спасла.

– Она приходила в себя?

– Да, но она пока ничего не понимает, только потом вспомнит тебя.

– Это Глеб с Олегом её спасли, не я.

– Ты, они бы не стали её спасать, ты знаешь.

Не стали, она права. Но они убили тех, если бы Олег не поехал туда, то её бы убили. Следующая фраза Наташи подтвердила моё подозрение, что она читает мысли.

– Олег хороший, всё понимает, он всё понял, когда я ему сказала, он умный. Ты ему верь, он много боли видел, столько не могут вынести, он тебя понимает в твоей боли. Он и силу свою прячет, как этот, не хочет её использовать, ты её снова разбудила.

Она засмеялась своими колокольчиками, пролетела по комнате и приземлилась на кресле, махнула рукой в сторону коридора.

– Уже идут.

Вошли Глеб с Самуилом. На Глеба я только взглянула и поняла – недоволен всем, категорически. Самуил подошёл к Норе, вздохнул и обернулся к Лее.

– Лея, я тебе всё показал, ты сумеешь, я знаю, мы с Катенькой разберёмся, и я приеду. Норе сейчас нужен покой и помощь энергетическая, всё будет хорошо, Олег где-то близко, он поможет.

– Самуил, ты не переживай, Лея всё сделает, да и я помогу, всё хорошо, ты Катю спаси.

Глеб превратился в статую, недовольную всем статую. Он мрачно посмотрел на Наташу, потом на Лею. Нора для него не существовала, мне показалось, что он даже не посмотрел на кровать в центре комнаты.

– Поехали домой. Самуил, мы едем.

Наташа подбежала ко мне и обняла.

– Ты не забудь, пошли Али сюда, он сам поймёт, ты ему помоги понять, что Али надо сюда отправить. Лея всё правильно сделает.

Она чмокнула меня в щеку и отбежала, я подошла к Лее.

– Спасибо тебе за всё.

– Приезжай, я тебе помогу, береги себя, так больше не делись, можешь не выдержать.

Она опять, совершенно неожиданно для меня, поклонилась мне и поцеловала руку.

– Лея, я не понимаю, зачем ты мне руку целуешь, ты мне ничего ни за что не должна.

– Я помню твои глаза, когда ты в школу пришла. Ты за кого-то меня выбрала, жизнь мне изменила, я бы там погибла, я знаю. Ты тогда вину заглаживала, которой не было, ты так решила, но её нет, твоей вины. А меня спасла, я бы не была такой как сейчас, я знаю.

Глебу всё не нравилось, он подошёл ко мне и обнял.

– Поехали.

Ещё раз попрощавшись с девочками, я вышла, подталкиваемая Глебом. Чем же он так недоволен? Глеб для быстроты передвижения взял меня на руки и мгновенно оказался у машины, посадил меня и закрепил ремень безопасности. Это что – он думает, я останусь и никуда с ним не поеду? Он сел в машину и стал ждать Самуила. Ещё осталось двери

защелкнуть, что он и сделал, как мысли услышал.

– Глеб, что опять случилось?

Он мрачно на меня посмотрел, отвернулся и стал смотреть в окно.

– Мне не нравится Наташа со своими предсказаниями.

– Но она пока ни в чём не ошиблась. Глеб, она предсказывает, но не решает судьбу. Если Нора была предназначена Аарону, то я тут не причём.

– Ты её спасла.

– Надо было там оставить?!

Он ничего не ответил, но мрачно насупился. Почти бегом появился Самуил и сел в машину. Не сказав больше ни слова, Глеб включил скорость истребителя.

Дело было не в спасении Норы. Наташа сказала, что он меня не понимает, поэтому ничего не получается. И ещё то, что я продолжаю терять жизненные силы и больше всего отдаю ему. Он обвиняет себя в этом – что я опять чуть не умерла, и он этого не заметил, а девочка-мутант заметила и спасла меня. Девочка-мутант, которую я выбрала взамен убитой им Алисы. Какой клубок неслучайных случайностей.

В своих размышлениях я даже не заметила, как мы добрались домой. Ужинать я не хотела и сразу заявила об этом Глебу. Он ещё больше помрачнел, кивнул и ушёл. Это была настоящая ссора от непонимания друг друга.

Полночи я прокрутилась на кровати: продумала всё, что думалось, триста раз вздохнула, десять раз вставала и сно-

ва ложилась в кровать. Так нельзя, завтра Глеб куда-нибудь уедет, чтобы энергию у меня не забирать, Самуил начнёт проводки ко мне присоединять и вздыхать от безнадёжности. А мы опять с Глебом будем долго друг друга не понимать. Надо успокоиться и найти его.

Успокаивалась я долго. Продумывая наш разговор, я всё больше и больше волновалась. Неожиданно в комнату вбежал испуганный Самуил, и крикнул:

– Перестань, Катенька, перестань, ты не должна этого делать, ты опять всё отдашь, мы тебя можем не спасти!

Я смотрела на него удивленно и ничего не понимала – я же никому не передаю энергии, я просто думаю.

– Самуил, я не понимаю, о чём ты говоришь?

В комнату практически влетел Андрей и сразу взял меня за руки, побледнел и сказал:

– Когда ты успела?

– Что успела, о чём вы говорите?

– Да ты совсем без энергии, ты приехала нормальная, я чувствовал тебя.

А я поняла – волнение, я волновалась, представляя наш разговор с Глебом, и, видимо, в этот момент и разрядилась как батарейка. И отдала всё ему.

– Где Глеб?

– Да он как почувствовал тебя, сразу уехал, даже не знаю куда. Сказал: «Подальше».

Всё. Ничего у нас не получится, никогда. Истерика дли-

лась совсем недолго, сил не было, и я просто сидела, закрыв глаза, а Андрей держал меня за руки. Он сначала пытался меня успокоить, но ничего не получилось, и он просто сидел рядом.

– Хватит Андрюша, мне уже хорошо, правда, я себя нормально чувствую, да и Глеба нет, он далеко уехал. Для вашего спокойствия можете Али позвать.

– Катенька, так его Глеб с собой забрал.

– Али? Зачем?

– Не знаю, как тебя почувствовал, сразу позвал его и уехал.

Зачем ему Али? И я только махнула рукой, уехал и уехал. Устала я сегодня, слишком много всего произошло за один день. Андрей ещё посидел немного, но видимо энергии уже было достаточно и он, пожелав мне спокойной ночи, ушёл. Самуил тоже почти сразу ушёл. Истерика помогла, я чувствовала себя значительно лучше, спокойнее. Завтра, всё завтра, будет день – будет радость.

Утром я долго не вставала с кровати. Проснулась очень рано, проспала всего несколько часов и чувствовала себя совершенно разбитой. Мир продлился один день, и то не весь. И как нам понять друг друга? Один выход остается – скотч. Навсегда. Если я и буду чего-то там мычать, то никто не поймёт. Обидно, зато безопасно для всех, кстати, для себя тоже. Только целоваться неудобно, но, пожалуй, меня тогда и целовать-то никто не будет: Аарон в бегах, а Глеб в обиде. Глав-

ное, я никак не могу понять, за что он на меня обиделся? Наташа не нравится, а обиделся на меня, правду она сказала, а я виновата. Вот тебе и замужняя жизнь. Может, сесть на диету и не завтракать, ужин я уже пропустила, почти голодание оздоровительное. Вот буду стройная и красивая, ещё пожалеет, что так со мной поступает.

В дверь постучали, и в комнату вошла Лея.

– Доброе утро.

– Доброе, как ты сюда попала?

– Меня Глеб привез.

– Глеб?

– Он сказал, что тебе плохо, оставил Али, а меня привёз.

Лея смотрела на меня своими бездонными глазами и улыбалась. Она быстро подошла ко мне и взяла за руку, огненный поток понёсся по венам.

– Тебе нельзя так, это плохо, думай в первую очередь о себе. Научись контролировать свои чувства, твой организм не выдержит таких мгновенных потерь энергии. Я знаю твою историю.

– Кто тебе сказал?

– Наташа, она всё знает. Она про тебя рассказала всё, только что будет, не говорит.

– Лея, ты тогда сказала, что я чувствовала себя виноватой, ну, тогда, в школе. Я действительно виновата. Из-за меня Алису убили.

– Глеб, я знаю, но ты не виновата, она сама такая была.

Она не могла понять, как Глеб тебя выбрал, настоящей женой сделал.

Она опять улыбнулась, погладила меня по руке и отошла.
– Пока хватит. Отдыхай, лучше поспи. Я рядом буду.

И я сразу уснула. Ощущение полной жизни, так можно назвать мое состояние, когда я проснулась. Я выпалась, чувствовала себя как ребенок, который радуется от того, что проснулся. Со мной такого не было уже очень давно, даже не помню – когда.

Лея сидела рядом и задумчиво смотрела в окно. Она сразу обернулась ко мне и улыбнулась.

– Как ты себя чувствуешь?

– Удивительно, так не было уже давно.

– В тебе силы остались, не ушли, поэтому ты чувствуешь себя так, как должна.

– И что теперь, мне так и лежать на кровати и экономить энергию, не видеть никого, Глеба в особенности?

– Он здесь был, сидел долго, но с тобой ничего не произошло.

– Глеб приходил?

Почему-то я была абсолютно уверена, что Глеб опять уехал далеко-далеко, и мне придётся долго вызволять его из добровольного заточения. Лия тихонько засмеялась, она даже смеялась тихо, как бы стеснялась своего смеха:

– Наташа ему сказала, что если он сейчас от тебя уйдёт, то потеряет навсегда.

Ох, эта Наташа, пошла на откровенный шантаж, она же знает – я его сразу прошу, надо ему только объяснить всё, он поймёт. Я радостно улыбнулась, Глеб дома, всё хорошо. Надо умыться, собраться и идти на завтрак. В дверь постучали, и вошёл Андрей.

– Доброе...

У него было такое лицо, будто его ударили по голове, и он пропустил этот удар, что в принципе невозможно. Он так и остался стоять у порога.

– Привет, Андрюша, ты с Леей не знаком?

Он даже не сразу понял мой вопрос, недоумённо посмотрел на меня, и снова повернулся в сторону Леи. Мне так понравилась эта сцена, что я рассмеялась. Вот так и рождается первая настоящая любовь. Он не отрывал глаз от девочки – тоненькой, как тростинка, с длинными распущенными русыми волосами и огромными, в пол-лица пронзительными глазами. Ну, это я решила, что любовь, жизнь покажет. Лея грациозно встала и протянула руку Андрею.

– Лея.

Андрей долго смотрел на изящную руку, пока догадался, что эту руку надо пожать, или хотя бы коснуться. Когда он это понял, то едва тронул пальцы Леи и с трудом проговорил:

– Андрей.

Лея улыбнулась своей мягкой улыбкой и отошла к окну. Андрей растерянно посмотрел на меня.

– Лея приехала мне помочь с энергией. Завтракать идём?

Он только покивал мне головой и исчез. Придётся идти самой без сопровождения.

– Лея, пойдём, посидишь со мной в столовой, пока я есть буду.

– Нет, я подожду тебя здесь.

– Почему, ты не хочешь ни с кем видеться?

– Мне хорошо в твоей комнате.

– Как хочешь, я скоро вернусь.

Она как-то странно посмотрела на меня и кивнула. Оказалось, Андрей ждёт меня в коридоре. Он сразу взял меня на руки, но пошёл спокойно, не понёсся как вихрь. Мне очень хотелось узнать, понравилась ли ему Лея, но я сделала вид, что совершенно этим не интересуюсь. Он сам не выдержал и спросил:

– А Лея надолго приехала?

– Пока мне не станет лучше, она Нору лечить помогает. Ты же её видел, мы с Глебом её вместо Алисы привезли.

Андрей помолчал, видимо вспоминая, потом сказал задумчиво:

– Она очень изменилась, совсем ребёнком была.

И я вдруг поняла, что он прав, это я её воспринимаю как ребёнка, а она изменилась, сильно изменилась. Она ещё не девушка, но уже не ребёнок. И Андрей, как самый молодой по их меркам возраста, сразу на это обратил внимание. Они очень подходят друг другу, оба нежные, спокойные, даже внешне похожие чем-то друг на друга.

Глеб сидел в столовой на диване и разговаривал с Самуилом, судя по лицу Самуила разговор был тяжёлым. Андрей усадил меня на стул и сразу исчез. Я сказала:

– Сезам.

Мне принесли завтрак, и я начала есть, не обращая внимания на занятых разговором Глеба и Самуила. В то, что Глеб меня не заметил, поверить было невозможно, Самуил, понятно – весь в разговоре, но Глеб всегда всё видит и чувствует. Здраваться с ними я не стала, не видят, значит, меня нет.

– Катенька, я не заметил, как ты вошла, доброе утро, дорогая моя, ты прекрасно выглядишь. Как ты спала? Вижу, что хорошо.

– Доброе утро, Самуил, всё хорошо, спасибо Лее.

И продолжила поедать кусок торта, как будто Глеба нет. Самуил засмутился, быстро допил свой чай и ушёл. Наступила напряжённая тишина. Я пыталась спокойно пить чай, но у меня это плохо получалось, как только ушёл Самуил и мы с Глебом остались одни, я сразу почувствовала напряжение Глеба. Но решила, что раз меня нет, значит – нет, опустила глаза и старательно доедала торт, который сразу стал невкусным.

– Доброе утро.

Голос Глеба оказался глухим, как будто он сильно волновался.

– Доброе утро, Глеб.

Он что, имя моё забыл? Напоминать не будем, забыл, так

забыл.

– Как видишь, я исполнил поручение Наташи.

Глупый генерал, он её подозревает, он думает, что она это специально устроила чтобы мне плохо было, и он при-
вёз Али, как она и предрекла. Чашками я ещё не кидалась,
а сковородок, видимо, в этом доме нет, еда по волшебному
слову появляется. Я долго рассматривала чашку – красивая,
жалко бить, небось, какой-нибудь восемнадцатый век, судя
по рисунку и фарфору. Ничего, новую купит. Я высоко под-
няла чашку и уронила её на пол, она разбилась на несколько
осколков. Какое-то время я рассматривала их на полу, потом
подняла глаза на Глеба.

– Глеб, я нарушаю твои непреложные принципы?

Он ожидал чего угодно, но не битья посуды и этого вопро-
са. У него были совершенно чёрные глаза, которые по мере
осознания моего вопроса, сначала стали серыми, потом си-
ними, и снова серыми. Многоцветный мыслительный про-
цесс. Я сидела совершенно спокойная и ждала ответа на свой
вопрос.

– Почему мои принципы?

– Наташа не давала тебе поручения, она лишь видит бли-
жайшее будущее, моё будущее. Она знала, что я могу в лю-
бой момент отдать... неважно. Глеб, посади меня в сейф, бу-
дет легче всем, тебе в первую очередь, а ещё скотчем меня
обмотай всю, вдруг ещё что скажу или сделаю.

Высказавшись, гордо встала, во мне всё кипело, вулкан

извергался, и я поняла – надо молчать, а то ещё скажу чего-нибудь, и девочкам будет плохо. Неожиданно в столовую забежала Лея, схватила меня за руку и почти крикнула:

– Перестань, не нужно, перестань. Андрей!

Появился Андрей, схватил меня на руки и перенёс в комнату. Я не успела ничего понять, меня уложили в постель, и оба – Лея с одной стороны, а Андрей с другой, взяли за руки.

– У меня всё хорошо, Лея, всё хорошо! Андрей, скажи ей, зачем, я должна ему сказать, он не понимает.

Андрей вдруг улыбнулся и, взглянув на Лею, ответил:

– Что ещё ты можешь сказать? В сейф ты уже попросилась.

Лея не стала отвечать на его улыбку и была очень серьёзна.

– Катя, не нужно сердиться, волноваться и переживать, тебе это сейчас совсем нельзя. Ты опять ему всё отдала до дна, пустой сосуд. А ещё нам пыталась отдать, мне и Наташе, ты о нас подумала?

Я только кивнула головой.

– Глеб нас не тронет, он понимает, что мы сейчас тебе нужны, мы должны тебя спасти.

А потом? Что потом? Мою попытку встать Лея остановила громким криком:

– Катя, перестань, не смей! Твой организм этого не выдержит, ты понимаешь! Андрей, позови Самуила, надо укол

сделать, пусть лучше спит пока.

Но Андрей даже не успел встать, как в комнату вошёл Глеб с Самуилом на руках.

– Катенька, что это, почему, что делать с тобой, так нельзя, вечно ты за других, ну почему, зачем? Всё будет хорошо, укол сделаю, и ты поспишь.

На Глеба я не смотрела, плотно закрыла глаза и ругала себя последними словами, опять истерику закатила, Самуил прав – уколы и спать, чем дольше, тем лучше. Глаза я так и не открывала, почувствовала укол и просто ждала, когда усну.

Просыпалась я тяжело: голова как чугун, мысли тоже примерно такие же, руки и ноги ватные. Надо открыть глаза, тогда будет легче, почему, непонятно, но я так решила. У кровати сидела Лея с той же ласковой улыбкой, у окна опустив голову, стоял Глеб.

– Привет.

Я сказала это, только чтобы показать, что проснулась. Глеб головы не поднял, а Лея ответила:

– Привет, ты долго спала, молодец. Теперь просто лежи, я скоро приду.

И она ушла, оставив нас вдвоём с Глебом. Он сразу поднял голову, и я быстро закрыла глаза.

– Теперь ты можешь перебить всю посуду в доме и сердиться на меня хоть всё время, даже побить.

От удивления я открыла глаза и увидела перед собой два

совершенно синих глаза.

– Али перекрыл твою способность всем всё отдавать, мне тоже.

2

Глеб был спокоен, но не улыбался. Он наклонился надо мной, руки в карманах, а губы плотно сжаты.

– А посуды хватит?

– Хватит, я ещё из других дворцов привезу.

Резко выпрямился и отошёл к окну.

– Неси.

Он повернулся ко мне и переспросил:

– Что?

– Неси посуду.

Хитро взглянув на него, я улыбнулась: один раз комнату я уже разгромила, теперь наступила очередь посуды – скоро действительно переплюну Глеба в объёме разрушений. Глеб удивлённо смотрел на меня, он не ожидал от меня такой решимости настолько быстро, наверное, надеялся, что хоть до столовой дойду. Я медленно встала, ноги были совершенно недвижимые, я даже покряхтела, с трудом разогнула спину, сладко потянулась и ушла в ванную.

В воде я лежала долго, из комнаты не доносилось ни звука, может за шумом воды и не услышала, как Глеб ушёл за посудой. Выйду – а там горы посуды. Но в комнате был только

Глеб, посуду не принёс, просто так же стоял у окна. Я была обернута полотенцем и не сразу поняла, что мне надо одеться, а он так и стоит, смотрит на меня своими синими озерами и улыбается.

– Где посуда?

– Ты здесь собираешься её бить?

– Да.

– По какому поводу?

– Сейчас придумаю, без посуды сложно повод придумать.

– Как придумаешь, сразу принесу. Хотя, вот ваза стоит.

Он показал на изящную вазу цветного венецианского стекла, в ней стоял букет цветов. Неужели эти цветы растут в нашем саду? Они были такие разноцветные – эти небольшие бутоны, ещё не совсем раскрывшиеся, едва выпустившие стрелки лепестков: белые, красные, фиолетовые, синие, жёлтые. А аромат! Надо спросить у Самуила, как они называются, это просто невозможно, что может создать природа. Я наклонилась над цветами и всем лицом вдохнула аромат.

– Жалко, цветы погибли, пусть остаётся. Да и повод я не придумала.

Глеб взял букет в руки и цветы стали раскрываться на глазах, я широко открыла глаза от удивления – через минуту все бутоны раскрылись и в его руках уже был удивительный многоцветный букет с совершенно раскрывшимися цветами. Он его протянул мне и сказал, улыбаясь:

– Бей вазу, цветы я спасу.

Я взяла букет и полной грудью вдохнула усилившийся от скоростного развития цветов аромат.

— Глеб, как это у вас получается, какая красота, а пахнет...

Вазу бить не стала, в ней букет смотрелся удивительно, и я долго с удовольствием раскладывала цветы. Пусть стоят и меня радуют в неразбитой вазе. Рассмеявшись, повернулась Глебу и призналась:

— Повод пока не придумался.

— Тогда идем завтракать?

Но мне нужно одеться, а Глеб никакой попытки выйти из комнаты даже не делал, стоял и улыбался. Ах, так! Я скинула полотенце и повернулась к шкафу. От волнения руки почувствовала только тогда, когда Глеб взял меня за плечи и развернул к себе, даже перестала дышать, смотрела на него и ждала. Он не обнял меня, только смотрел мне в глаза, и я сразу утонула в этой синеве. Глеб вздохнул и провел пальцами по моей щеке, потом рука опустилась ниже, и пальцы коснулись шеи, затем, едва касаясь, груди. Он как бы пытался ощутить мою кожу, почувствовать её, а я вспыхнула и с трудом сдерживалась, чтобы не обнять его, не прижаться к нему всем своим пылающим телом. И вдруг пальцы, мягкие и нежные, стали как мрамор, твёрдыми и холодными. Глеб как-то длинно и тяжело вздохнул, отступил от меня, сжал кулаки и глухо сказал:

— Я смог.

Он медленно повернулся и вышел из комнаты. Смог —

что? Я вся горела и дышала как паровоз, наконец-то смогла дышать. По мере успокоения моего организма мысли задвигались медленнее, и я стала их осознавать. Он смог удержаться, он изо всех сил сдерживался и смог. Только мне от этого какая радость? Я медленно одевалась, вся в сомнениях и в попытке успокоиться даже не поняла, что надела. И как мне себя с ним сейчас вести? Бить посуду? Сама спровоцировала, полотенце, видите ли, скинула перед мужем. Тяжело вздохнув, я встала с кровати, где сидела в задумчивости, и пошла завтракать.

Глеб стоял у окна в коридоре и ждал меня. Я подошла к нему и посмотрела в эти синие озера, смог да? Он поцеловал меня, удерживая мою голову и прижимая меня так, что я не могла двинуться, но объятия были нежными, очень мягкими. Когда он меня отпустил, тихо рассмеялся и сказал шёпотом:

– Я смог, я удержался.

И ещё несколько раз коснулся моих губ, совсем нежно. Я прижалась к нему всем телом, хотя умом понимала, что опять его провоцирую, но оторваться от него не могла, ну никак. Глеб сам медленно отнял мои руки от себя и опустил голову.

– Глеб, прости, я не смогла, прости...

Он поднял голову и покачал головой, попытался улыбнуться, но улыбка получилась грустной.

– Посуду будешь бить?

– Обязательно, завози.

Я счастливо улыбнулась и хитро на него смотрела.

– А теперь завтракать, целуешься ты хорошо, но есть я хочу всё равно.

– Хорошо?

– Изумительно, превосходно, бесподобно, но завтрак я отменять не буду!

Глеб схватил меня на руки и мгновенно оказался в столовой. Мы были одни и счастливо смотрели друг на друга. Интересно, насколько хватит этого счастливого мира и сколько посуды мне понадобится перебить, чтобы этот мир сохранить.

В столовую вошёл Самуил и радостно прижал руки к груди.

– Катенька, доброе утро, как хорошо ты выглядишь! Вот видишь, как стала энергию сохранять, так всё хорошо стало, молодец Али.

– Доброе утро, Самуил. А где Али, я хочу с ним поговорить, сказать спасибо.

– Он уехал к Норе, Лея же здесь, он сразу уехал.

– А как он это сделал, отключил меня от всех?

– Не знаю, это совершенная тайна, он подошёл к тебе, положил руку на голову и всё – поток прекратился сразу.

Самуил даже руками взмахнул от удивления, покачал головой и обратился к Глебу:

– Надо его обследовать потом, как он смог это сделать,

откуда такое умение, раньше за ними такого не наблюдалось.

– А кто-нибудь их обследовал, пытался узнать их способности?

Самуил задумался и опять посмотрел на Глеба.

– Катенька, видишь ли, они ведь даже не бойцы, их только как охрану использовали, никто их в другом качестве даже не представлял. Это Наташа сказала, что он может, и так получилось, да, если бы она так не сказала, мы бы и не узнали никогда, что он так может, кто знает, как бы мы спасли тебя.

При упоминании Наташи счастливый взгляд Глеба потемнел, но он ничего не сказал, только голову опустил, чтобы я его взгляд не увидела. А я себе говорила – молчи, только молчи, может же Глеб себя сдерживать в своей гигантской силе, ну, хоть раз ты сама попытайся, молчи. Я сделала над собой героическое усилие и спросила Самуила напряжённым голосом:

– Как себя чувствует Нора, ты туда звонил?

– Хорошо, всё хорошо. Я говорил с Наташей, она сказала, что Лея пока не нужна, они с Али всё сделают, но я хотел бы туда съездить, сам посмотреть. Глеб, у Кати сейчас всё хорошо, да и Лея здесь, мне очень интересно поговорить с Али, узнать, что он сделал, анализы и исследования, надо узнать, да и Нору посмотреть...

Самуил говорил и говорил. Я слушала его, а сама смотрела на Глеба и видела, что он понял меня: заметил, как я сдержала себя и не стала говорить о роли Наташи в моём очеред-

ном спасении, и он рад этому. Мне очень хотелось показать ему, что настроение моего мужа мне важнее, чем обсуждение способностей Наташи, как бы я сама к этому не относилась.

– Самуил, а ты видел Лею?

– Они с Андреем что-то обсуждают, он ей программы показывает, пусть их, она сразу почувствует тебя, как что, так сразу почувствует, изумительная девочка, просто прелесть.

– Ты прав, Самуил, хорошая девочка.

Глеб сказал это улыбаясь мне и глаза оставались синими. Он действительно так думал, они не могут обманывать, эти глаза, не умеют, сразу цвет меняется, это не мы, люди, всё что хочешь можем сказать. А я удивлялась, когда увидела их вместе утром у моей постели.

У Глеба зазвонил телефон и он, продолжая улыбаться, ответил. Глаза изменились мгновенно и лицо закаменело. Он сказал несколько слов на английском и Самуил, уже вставший со стула, сел и прошептал:

– Нет, только не это...

И я испугалась сразу, страх пронзил меня как молния, хотя ещё даже не знала о чём речь. Неожиданно появилась Лея и взяла меня за руку. Я смотрела на Глеба и ждала – он должен мне сказать, что случилось, а он смотрел на меня и молчал. Самуил качал головой, говорить не мог, только закрыл рот ладонями.

– Аарон ушёл. Олег пытается его остановить. Андрей.

Глеб сказал это спокойно, как генерал, уже решивший, как будут двигаться войска. Андрей, оказывается, уже стоял рядом с нами.

– Ты здесь, полная охрана. Слухачи по периметру. Катя и Самуил в сейф.

Подумал немного и добавил:

– Лея тоже.

Андрей стоял как оружие, грозное оружие, и я уже не удивилась этой перемене.

– Глеб, дай мне минуту.

Я боялась, что Глеб не услышит меня или отмахнётся в своём стремлении, но он встал и кивнул Андрею, тот схватил Самуила на руки, и они все исчезли. Подойдя к Глебу, я прижалась к нему и прошептала:

– Береги себя, я буду тебя ждать.

– Не волнуйся, я сильнее его.

Он обнял меня, быстро поцеловал, мгновение – и я осталась одна. Я ещё чувствовала губы Глеба, когда появился Андрей и перенёс меня в комнату-сейф, там уже были Самуил и Лея. Уходя, Андрей широко улыбнулся, сразу превратившись в привычного нам всем Андрея, и сказал:

– Не волнуйтесь, это ненадолго, ужинать будем в столовой.

Он весело нам подмигнул и с лязгом закрыл дверь. Лея подошла ко мне и спокойно сказала:

– Ты не переживай, он очень сильный, сильнее сейчас ни-

кого нет. Наташа должна почувствовать опасность.

Но Самуил только покачал головой, странно на меня посмотрел и закрыл лицо руками. Я сразу заподозрила неладное, подошла и опустилась перед ним на колени:

– Самуил, что-то не так, правда? Он идет не к Норе? Он идёт ко мне...

Он убрал руки с лица и тихо ответил:

– Да, Катенька, он идёт сюда.

Вот и наступила битва титанов. Поднявшись с колен, я стала стучать в дверь и звать Андрея.

– Катенька, он тебя отсюда не слышит, отсюда ничего не слышно, не надо стучать. Катенька успокойся, не надо, он тебя никуда не пустит, поэтому и сейф.

Я обернулась к Самуилу.

– Катенька, дорогая моя девочка, как ты не понимаешь, Глеб нас сюда не от Аарона посадил, он не хочет, чтобы ты рванулась его спасать. Он его перехватит далеко отсюда, ко дворцу Аарон подойти не сможет, такая здесь охрана, что ему подземный ход копать придется. Они втроём смогут его остановить, я думаю, Виктор тоже в пути. Хотя Глеб его один сможет остановить, силы позволяют.

Меня силы покинули, и я опустилась на пол у двери. Лея сразу подошла ко мне, неожиданно легко взяла на руки и перенесла на диван, я даже не успела удивиться. Она улыбнулась мягкой улыбкой и сказала:

– Я сильная, очень сильная.

Думать о том, что сейчас может происходить за стенами дома, я уже не могла, и, стараясь отвлечься, через какое-то время спросила:

– Лея, а как ты попала в клан, ну, в школу?

– Меня продали родители, когда узнали о вирусе, они меня боялись с рождения. Тогда мне было три года, я очень сильная с детства, да и глаза им мои не нравились, я это всегда чувствовала.

Она говорила спокойно, тон совершенно не изменился, голос был таким же нежным. Как могут не нравиться эти глаза – ясные, совершенно прозрачные, добрые и такие ласковые? Лея погладила меня по руке и улыбнулась:

– Когда ты в школу пришла, мы все очень удивились, людей к нам никогда не пускали. А ты пришла, такая спокойная, нас не боялась, относилась к нам как к человеческим детям. Только ты вину чувствовала, боль какую-то, и меня вдруг выбрала.

Она опять поцеловала мне руку, и я поняла – ей ласки не хватает, обычной ласки, ребёнка никто никогда не гладил по голове, не целовал от радости, что он есть этот ребёнок. Поэтому она говорила, что погибла бы в этой школе, из неё делали бойца клана, в ней никогда не видели обычного ребёнка, только силу и процент вируса. А то, что в клан её привела я, жена командора, дало возможность получить немного свободы и отдельное отношение, вот ребёнок и ожил хоть немного. Да и Элеонора обратила на неё внимание, я вспом-

нила наш разговор в примерочной. Поэтому ей было хорошо в моей комнате – это дом, не клан.

Лея перебирала мои пальцы и улыбалась, я погладила её по голове, и она замерла, окаменела вся.

– Хочешь, я тебе волосы заплету?

Она побледнела и только кивнула. Какие удивительные волосы, мягкие, густые, блестящие и коса получилась богатая, я ещё вспомнила пшеничное плетение и гордо продемонстрировала своё творение Самуилу. Он даже покачал головой от восхищения:

– Мастерница, Катенька, как ты всё умеешь. А ты, Лея, просто красавица!

С убранными в косу волосами глаза Леи стали ещё больше и выразительнее, и так большие, они стали совсем в пол-лица и сияли как драгоценные камни.

– Тебе нужна красивая лента в косу, а то расплетётся.

Недолго думая, я стала отрывать кружевную отделку с подола платья.

– Катенька, что ты делаешь?

– Ребёнку нужен бант, из кружева мы его и сделаем.

Бант получился очень красивым, даже по цвету подходил к волосам Леи. Я обняла её и прижала к себе, девочку-подростка, которая легко подняла меня с пола и обладает огромной силой. Девушку, которая поразила Андрея прямо в сердце, и он теперь не только нас с Самуилом защищает, а её тоже.

– О чём вы с Андреем разговаривали?

Ну, и куда я лезу? Зачем ввела ребёнка в краску, куда её спокойствие делось.

– Андрей у нас умница, хороший мальчик, добрый, а какой музыкант, Катенька, ты расскажи, как вы песни пели, романсы.

Лея смогла поднять голову:

– Он поёт?

– Лея, он играет великолепно, а голос какой, всё закончится, и он тебе споёт. Мы заставим, меня же он заставил петь, с полным отсутствием слуха и голоса.

– Катенька, ты зря, всё было очень красиво.

– Может и красиво, но звучало ужасно, как у русалок.

– Разве русалки некрасиво пели, откуда ты это знаешь, Катенька?

– Глеб рассказал, он с ними был знаком.

Самуил сделал такое лицо, что мы с Леей рассмеялись. Вот я и услышала её смех, оказывается, она умеет смеяться, не тихо улыбаться, а весело смеяться, откинув голову, звонко, до слёз. Бедный ребёнок, как это страшно, не смеяться в её возрасте. От нервного напряжения я боялась впасть в истерику от смеха, но голосок Леи вывел меня из этого состояния. Как был прав Глеб, поместив нас в сейф вместе с ней. Мне очень хотелось спросить, о чём они говорили с Глебом, пока я спала, но отказалась от этой мысли, мало ли что он мог ей сказать в раздражении. Но она как почувствовала, по-

смотрела на меня и сказала:

– Глеб очень любит тебя, он так переживал, всё спрашивал, как ты себя чувствуешь, хватит ли у меня энергии спасти тебя.

Самуил даже побледнел от такой вольности Леи, но ничего не сказал, просто отвернулся, дескать, не видел ничего и не слышал. А я замерла от этих слов, застыла вся, кровь отхлынула от лица, а сердце забилося сильно-сильно. Лея сначала заволновалась, даже взяла за руку, но потом поняла моё состояние, улыбнулась и просто пожала мне руку. Она оказалась очень мудрой, эта девочка. Наконец я справилась с собой и спросила:

– О чём вы ещё говорили? Кроме меня...

– Мы говорили только о тебе.

Она оглянулась на Самуила и прошептала:

– Он спрашивал меня, могу ли я продлить тебе жизнь своей энергией, но я не знаю ничего такого о себе. Я сказала ему, что жизнь тебе может продлить только он.

Она улыбалась весело и таинственно, как будто это был секрет, о котором кроме нас с ней говорить больше никому нельзя. Я опять замерла, он хочет продлить мне жизнь, чтобы я жила дольше, чем мне дано моей человеческой природой. Эта мысль поразила меня, он думает о будущем, нашем будущем, а я продолжаю сомневаться в нашем настоящем. Лихорадочно вздохнув, я опять поблагодарила про себя Глеба за то, что он отправил Лею с нами, иначе я никогда бы

не узнала о его стремлении к нашему будущему. Погладив по голове, я поцеловала её в макушку. Лея опять замерла как статуя, а потом осторожно тронула меня за руку и прошептала, заглядывая мне в глаза и покраснев как маков цвет:

– Тебе уже хорошо, ты уже не болеешь, но можно мне ещё на день у вас остаться? Я не знаю... Глеб не согласится...

– Нужно, Лея! Не просто можно, нужно, девочка моя, я уеду сразу, как Глеб вернётся, а Катеньку оставить одну ну никак нельзя, опять придумает разборки, кто знает, во что это может вылиться, надо, чтобы ты была рядом.

Это Самуил перестал делать вид, что ничего не видит и не слышит, не выдержал.

– Конечно, оставайся, я поговорю с Глебом, он согласится. Концерт, ты должна послушать концерт, и может быть, даже я чего-нибудь рискну спеть. Кстати, а ты поёшь?

– Я не знаю, я никогда не пробовала.

– Надо с Андреем поговорить...

– Нет, зачем с ним, не надо...

– Лея, из нашей компании только у него есть настоящий музыкальный слух, только он может правильно напеть мелодию, меня слушать тебе нельзя.

– Можно, девочка моя, можно, Катя хорошо поёт, я слышал.

Я только махнула рукой – Самуилу всё хорошо, когда в доме мир, даже то, что моим пением называется.

Так мы и сидели в комнате- сейфе, вели беседы ни о чём,

а мой мозг буравила одна мысль -, как там за стенами, что произошло. Я понимала, что Глеб сейчас силён как никогда и легко должен справиться с Аароном, но ушёл же он как-то от Олега. Или воспользовался правом непредупрежденной услуги? Меня аж холодом обдало от этой мысли: только так мог Аарон уйти, никак иначе я не могу объяснить его освобождение. На Глеба совсем непохоже, чтобы он мог устроить Аарону заточение, из которого тот смог уйти. И что теперь? Глеб убьёт Олега? И ещё больше похолодела, Лея настороженно на меня оглянулась, но я погладила её по плечу и снова задумалась. Нет, он знает о данном слове, значит, готов к возможной ситуации, и всё-таки оставил Олега присматривать за Аароном. Олег самый сильный после Глеба, только он сможет догнать его или просто удержать на какое-то время, пока Глеб не появится. Значит так, жена командора, ты не начальник штаба, ты только жена, сиди в сейфе и жди мужа, песню репетируй. А что, хорошая идея, только надо выбрать что-нибудь совсем простое по мелодии, здесь меня точно никто не услышит, кроме Самуила.

– Лея, сейчас песню будем петь.

Она вся напряглась.

– Я не сумею, я не знаю.. как.

– Слушай, я один раз спою тихонько, а ты запоминай слова, потом будем вместе петь.

И я негромко запела, обнимая Лею и поглаживая её по голове.

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина,
Головой склоняясь до самого тына.
А через дорогу, за рекой широкой,
Так же одиноко дуб стоит высокий.
Как бы мне, рябине, к дубу перебраться.
Я б тогда не стала гнуться и качаться.
Тонкими ветвями я б к нему прижалась
И с его листьями день и ночь шепталась.
Но нельзя рябине к дубу перебраться,
Знать, ей, сиротине, век одной качаться.
Что стоишь, качаясь, тонкая рябина,
Головой склоняясь до самого тына.

Лея сидела, замерев, мне кажется, она даже не дышала, так её поразила песня. Самуил тоже загрустил, сидел, уперев щёку, и задумчиво смотрел в одну точку. Как только я закончила петь, послышался лязг дверей и вошёл улыбающийся Андрей:

– Заточение закончилось, можно идти обедать или ужинать.

– Андрюша, нам надо с Леей пять минут, мы сейчас, ты дверь не закрывай, мы песню репетировать будем.

Лея категорически замотала головой, что петь не будет, но я подмигнула Андрею и сказала:

– Лея, ты не переживай, Андрей с Самуилом уйдут, а мы

с тобой тихонечко, вдвоём, ты же хотела научиться петь, мы совсем тихо. Андрей уходи подальше и не слушай нас.

И опять подмигнула ему, он улыбнулся, понял меня, и сказал громко:

– Мы с Самуилом в сад уйдём, вас там не слышно.

И вышел, даже полязгал незакрытой дверью. Лея, убедившись, что Андрей вышел, смущённо посмотрела на меня.

– Я совсем не умею.

– Ты сначала просто повторяй слова и мелодию слушай, она совсем незамысловатая, и начинай звуки повторять, само и получится.

Но неожиданно для меня Лея запела сразу со второй строчки чистым, высоким голосом и я замолчала. Она запомнила все слова и со слухом у неё все в порядке, только учитель ей нужен другой. Песня лилась плавной рекой по всему дворцу, и Андрей должен был её услышать. Но услышал её не только Андрей: у входа в сейф стояли Глеб с Виктором. Я заметила их первой, грозно свела брови и покачала головой, Лея пела с закрытыми глазами, и я не хотела, чтобы они ей помешали. Лея закончила петь и вздохнула, так и не открыв глаза.

– Лея, тебе надо обязательно петь, у тебя удивительный голос, только не я тебя должна учить. Андрей найдёт для твоего голоса песни, у нас концерт скоро должен быть по заявкам, мы им такое приготовим с тобой, аншлаг будет!

Лея открыла глаза, хотела что-то у меня спросить и сразу

увидела слушателей. Она вздрогнула всем телом и побледнела до синевы, я не ожидала от неё такой реакции на Глеба и попыталась прижать к себе, но она убрала мои руки медленным движением и встала, опустив глаза. Глеб смотрел на неё очень внимательно, но совершенно без угрозы, и чего она так испугалась? Я беспомощно посмотрела на Глеба, но он только улыбнулся.

– Хорошо, Лея, мне понравилось.

Она опять вздрогнула и подняла на него глаза, не веря словам, но он продолжал улыбаться. У меня появилась надежда, что он оставит её в доме, и я облегчённо вздохнула. Виктор, который стоял бледный до прожилок на лице, тоже, казалось, первый раз вздохнул.

– Катя, ты меня поражаешь и поражаешь, второй раз песня вернувшимся с войны мужчинам, нервы могут не выдержать.

Я увидела его серьезные глаза и поняла, что он не шутит – эта песня так же на него подействовала, как и прошлое моё действо, сильно подействовала.

– Ну, всё, пока концерт окончен, мы тут в ожидании вас весь день провели, есть пора. Как я рада вас видеть, вы не представляете.

Глеб подошёл ко мне и взял на руки.

– Обедать, так обедать.

Он шёл медленным шагом по дворцу и прижимал меня к себе, но на меня не смотрел. Мне хотелось спросить, что

с Аароном, но его молчание останавливало, и я только положила голову на его плечо – сам расскажет.

Но и в столовой они с Виктором сели на диван и что-то долго обсуждали, пока мы с Самуилом ели. Самуил только пожал плечами на мой немой вопрос, он тоже ничего не понимал, но вопросы задавать генералу не решался. Я уже начала выбирать тарелку для разбития, когда Глеб ко мне обратился:

– Катя, а почему ты ничего не спрашиваешь?

– Тарелку выбираю.

– Глеб, а что, она уже тарелками кидается, я так много интересного пропустил за время своего отсутствия? Катя, тарелки, между прочим, из сервиза Марии Медичи, давай я из запасов Аарона тебе привезу. Там посуда значительно дешевле. Он и не заметит, когда вернётся, а сидеть ему ещё долго, всё равно забудет.

Виктор уже ослепительно улыбался и глаза сияли. Как мне не хватает его постоянного шутливого тона, иронии по любому, даже очень серьёзному поводу. Глеб улыбался, но глаза были серьёзными. Решив быть пайнкой хоть на время, я мило улыбнулась:

– Как ваши мужские дела? Как себя чувствует Аарон?

– Всё хорошо, Аарон уже вне досягаемости, мы поговорили, и он вернулся к себе.

– Катя, он во всём честно признался, покался во всех грехах, клан мне сам поручил, говорит, только мне может

доверить своих ребят, другим не доверяет, не справятся, мол. Олег согласился посидеть с больным, пока не поумнеет. А завтра я к нему в гости поеду, отчитаюсь за клан, бухгалтерию покажу.

Что-то было не так, я не понимала – что, но слишком у Глеба были глаза серьёзные, несмотря на улыбку. А вот и объяснение:

– Он тебе привет передавал.

Глеб сказал это как-то уж очень растягивая слова, у него не получилось спокойно.

– Какой привет?

– Он убьёт Нору и заберет тебя к себе. Он любит тебя и готов за тебя бороться.

Ну да, за этим и приходил. Я смотрела на Глеба и понимала, как ему было сложно это мне сказать, не стал говорить один, специально при Викторе как свидетеле.

– Мог сначала меня спросить, прежде чем борьбу устраивать.

– Так он, Катя, говорит, защиту тебе предлагал, даже поклялся тебе в вечной верности. Вот и решил, что отказать ты ему уже не сможешь.

Они договорились с Виктором, как себя вести, раз тот может себе позволить такой комментарий, чтобы я не подумала, что Глеб на меня давит, как на жену, мол, жена – никуда от меня не денешься. Опять он со своей свободой выбора: то говорит, не бросай, я без тебя не могу, вечность с тобой

готовов провести, а как сосед позвал, так и отдать готов.

– А как муж скажет, так и будет. Скажет – иди, куда денусь, пойду, а скажет не пушу, так я радостно дома и останусь.

Я говорила и смотрела прямо в глаза Глеба, хочу знать процесс многоцветного принятия решения. Но глаза были совершенного синего цвета, ни разу никаким другим цветом не замутились. Неужели не сомневался во мне ни минуты, или уже готов был принять любое моё решение. К сумасшедшему Аарону идти? Неожиданно Глеб рассмеялся и сказал:

– А не пушу, сиди дома, жена.

– Неужели без битья тарелок обойдёмся? Катя, ты хоть одну разбей! Пожалуй, нет, я привезу другие, придётся подождать.

Виктор опять ослепительно улыбнулся, глаза посветлели, и я поняла – он рад вернуться домой, именно сюда, к нам всем, ему здесь хорошо. Думаю, что он сильно поработал в клане Аарона, по полной программе организации работы в кланах Глеба, но здесь ему хорошо, как нигде. Улыбаясь Виктору, я видела, как Глеб опять опустил голову и о чём-то сильно задумался, а допустить тяжёлых мыслей в этой голове я никак не могла.

– Глеб, мы так переживали за тебя, за вас всех, как всё было, встреча с Аароном. Виктор, я поняла тебя, но Глеб поменял костюм, значит, не так уж благостно прошла эта встреча.

Глеб поднял голову и удивлённо посмотрел на меня, та-

кого вопроса он от меня не ожидал, да и Виктор тоже. Они переглянулись, и Глеб ответил:

– Встреча прошла несколько напряжённо на первом этапе.

– На сколько километров?

Виктор захохотал, хлопнул ладонями по коленкам, даже Глеб улыбнулся и покачал головой.

– Катя, там деревья чуть пострадали, кустов не осталось совсем, ничуть не лучше бывшего сада Аарона, то есть – голое поле. Я видел, правда, в это напряжение разговора вступить не смог, не успевал, Олег тоже, мы рядом постояли. Только когда Глеб своими доводами убедил Аарона успокоиться, мы с Олегом подошли.

И опять ослепительная улыбка Виктора, и напряжённый взгляд Глеба. Самуил всем лицом пытался дать мне понять, что это не моё дело, разбираться в военной стратегии, но мне на самом деле было интересно.

– Олег сдержал своё слово? Которое называется в переводе непредупрежденная услуга.

Они опять переглянулись, а Самуил даже привстал от возмущения на меня – зачем я опять лезу в мужские дела. Глеб кивнул головой:

– Сдержал.

Я облегчённо вздохнула, теперь ему уже ничего не грозит, больше Аарон ничего не сможет от него потребовать. А я оказалась права, иначе Аарон бы не смог выбраться из заточения, которое ему организовал Глеб. Теперь уже точно ни-

куда не сможет уйти, пока Глеб не решит, что его можно выпустить на белый свет без опасности, что он нападёт на кого-нибудь, особенно на Нору. Лея, надо поговорить о ней с Глебом.

– Самуил, а ты поедешь к Норе?

– Да, Катенька. Глеб, я хотел с тобой поговорить... ты здесь, Кате хорошо, Лея тоже здесь, я бы съездил к Норе, Али обследовал, всего на пару дней...

Вот почему Глеб сразу решил, что это опять моя очередная авантюра? Смотрит на меня и пытается понять, зачем мне это нужно, хотя это желание самого Самуила. Улыбается своим синим сиянием, но молчит. Самуил заволновался, стал чашку двигать, лицо протирать, я этого не выдержала, и хотела уже сама обратиться к Глебу – сказать, что к решению Самуила не имею никакого отношения, как он ответил:

– Поезжай, но только на один день, ты мне будешь нужен здесь. Утром Виктор отвезёт, а вечером Олег привезёт домой.

А всё не так просто, как хочет показать Глеб, зачем Самуилу такая охрана? Не просто бойцы, которые его всегда сопровождают, а именно Виктор и Олег. Я подняла глаза на Глеба, он продолжал улыбаться, и глаза были спокойные. Может, я ошибаюсь и всё хорошо, просто испуг сегодняшнего дня ещё не прошёл? Нет, меня такое ощущение ещё ни разу не обманывало.

Виктор встал и официально обратился ко мне:

– Катя, я тут случайно про концерт услышал, прошу пригласить меня, очень хочется ещё раз тебя послушать.

– Виктор, сам слышал, у нас появилась исполнительница значительно лучше меня, я буду организатором концерта Леи и Андрея.

– Нет-нет, без тебя это уже не концерт, ты у нас prima, с тебя всё началось, деваться теперь некуда, остальные на подпевках.

Откуда он знает такие слова? Аналитик, оно, конечно, но слишком уж специфическое слово – подпевки. Глебу идея концерта нравилась изначально, и он согласно кивнул головой.

– Ты хотела петь завтра.

– Глеб, ты что? Песни надо выбрать, сначала самой спеть, без зрителей, Лее подобрать песни, нет, я сама назначу дату. Тем более, что Виктора не будет.

А вот и повод Лее остаться в доме, концерт – это очень серьёзно, судя по настрою Глеба. Хотя, как можно петь в этом доме без слушателей, когда все всё слышат? Я развеселилась и заявила:

– Мы с Леей придумаем настоящую программу из разных песен, у неё получится.

– Ты хочешь оставить Лею в доме?

Вопрос Глеба застал меня врасплох, я вдруг заволновалась, а имею ли я право на это – приводить в дом постороннего, ведь ещё вчера она была никто для всех. Для Глеба в осо-

бенности.

– Глеб, хотя бы до концерта, да и Самуил уезжает...

Неожиданно он улыбнулся, встал и подошёл ко мне:

– Жена, если тебе нужна эта девочка, пусть остается до концерта.

Вот так, ладно, пусть хоть до концерта и то хорошо, Андрей обрадуется, да и Лея тоже, и мне хорошо. Я с благодарностью посмотрела на Глеба и удивилась серьёзности его взгляда, несмотря на улыбку.

– А теперь тебе пора отдыхать, нам нужно кое-что обсудить с Виктором.

Он мгновенно перенёс меня в комнату, легко коснулся моих губ, обнял и сказал:

– Что бы ни случилось, ничего не бойся – ты в безопасности.

Я не успела спросить, что случилось, как он исчез.

3

Какое-то время я стояла посередине комнаты в задумчивости, потом решила найти Глеба и спросить, что же случилось? Но за дверью уже стоял шестирукий боец и настоятельно мне посоветовал никуда не ходить. Приказ командора. Как интересно, чутьё меня не обмануло. Они что, с Аароном на чужой территории разборку учиняли? Теперь надо расплатиться? А моя безопасность какое имеет к этому от-

ношение? Я села на кровать и пыталась думать, но ничего из этого не получилось. Пищи для мыслей не было никакой. Никаких подозрений, Глеб на этот раз скрыл любую возможность мне понять угрозу. Никто ни одним словом не проговорился, я только почувствовала, но не поняла. Он не хочет, чтобы я понимала. Самуил ошибся, не для того нас Глеб посадил в сейф, чтобы я не рванулась его спасать – я бы и так не смогла выйти из дворца. Какая-то другая опасность нас поджидала за стенами, не только Аарон.

Походив по комнате в задумчивости, я так ничего и не придумала. Люди? Зачем им я? Или Самуил? Тем более – Лея. И какую могут представлять угрозу для Глеба и его боевиков люди? Что-то другое, опасность могут представлять только кланы и то в полном боевом составе, то есть все сразу. Но почему? Глеб же обещал защитить их от Аарона и сохранить его клан. Зачем приехал Виктор? Явно не для того, чтобы послушать моё пение, что-то они должны обсудить такое, что можно решить только лично, в сейфе. Клан Аарона взбунтовался? Но он без него не представляет опасности. И я вспомнила полки, которые видела. Нет, это тоже не та опасность. Глеб их может уничтожить сам или поручить кланам Элеоноры и Виктора. И вдруг я поняла, о чём думаю и, главное – как. Неужели это я? Полки, уничтожить, бунт и опасность. Я рухнула на кровать, не буду думать ни о чём, обещал мне безопасность, значит, будет безопасность. Останавливать его бесполезно, он не серый кролик, сотни

лет так существовал и вышел победителем, а я пытаюсь понять его действия и как-то на него влиять! Слабая человеческая женщина, одумайся и молчи, от тебя требуется только не мешать генералу заниматься своим генеральским делом. Ты можешь только ждать и радоваться его возвращению.

А ещё целовать и обнимать, это то, что ты можешь ему дать, и что он ждёт от тебя. Стихи и песни, прав Виктор, как бы я их не пела, ужас какой, им важно само исполнение, что это им поют, для них читают. Они все как Лея – недолюбленные и недоласканные. Сегодня утром Глеб, может быть, впервые касался меня, моей кожи, пытаюсь понять её ласку для себя, не страсть, когда внутренний огонь стирает ощущения, а именно нежность человеческой женской кожи. Как он тогда отреагировал на то, что я коснулась его волос, теребила их своими руками, он сразу потерял над собой контроль. И я теперь не касаюсь их, боюсь повторения этой неконтролируемой страсти. А может он ждёт, только не хочет просить, не умеет? Ну, какая же я глупая, даже не подумала об этом, я ведь только позволяю ему себя изредка коснуться. А сама?

Я уже двадцать раз легла и встала с кровати, обошла комнату неизвестно сколько раз. В дверь постучали и вошли Андрей с Леей. Ну, хоть кто-то! И сразу кинулась к Андрею.

– Что случилось?

– Катя, всё хорошо, ничего не случилось, Лея о тебе беспокоится.

Андрей улыбался, но я уже знала эти глаза и состояние грозного оружия, которое он ещё не умел скрыть так, как Глеб.

– Я ей говорил, что всё у тебя хорошо, но она тревожится, говорит, ты волнуешься.

– Андрей, говори, что случилось? Почему у двери охрана, куда Глеб уехал?

– Никуда не уехал, просто у нас гости.

– Гости?

– Ты не волнуйся, всё спокойно, не переживай ни о чём. Хочешь, Лея останется с тобой?

– Хочу, много гостей?

– Не переживай, всё хорошо, Глеб не один, да и один он мощная сила.

Он опять улыбнулся, быстро посмотрел на Лею и ушёл. Тяжело вздохнув, я села на кровать, хоть дома, уже хорошо. Может действительно, зря я всяких опасностей надумала и Андрей прав, всё хорошо. Лея села рядом со мной и взяла за руки.

– Ты не волнуйся, он сильный, его все боятся.

– Глеба боятся?

Лея засмеялась тихим смехом и погладила мои руки.

– Ты его совсем не знаешь, он так тебя бережет от всего, от себя тоже, что ты не понимаешь его. Он всегда был очень сильным, о нём ходят легенды, а сейчас он получил от тебя так много энергии, что равных ему уже нет. Наташа так го-

ворит.

Она улыбнулась мне своей ласковой улыбкой, но в глазах затаился страх.

– Ты его тоже боишься?

– Да.

– Не бойся, он тебе ничего не сделает, ты будешь у нас до концерта, а дату назначаю я, поэтому, когда он будет, не знает никто. Я его не боюсь.

– Я знаю.

Но страх в глазах остался, бедная девочка, как мне тебя защитить от собственного мужа, которого оказывается все боятся кроме меня. Значит, будем бороться, а там видно будет.

– Не бойся, ты со мной, если надо будет, я упаду в обморок, и ты меня спасёшь.

– Нет, не надо в обморок, значит, я тебя плохо лечила, энергии тебе мало отдала, значит, я виновата.

Как мне это знакомо! Роза меня уколола, потому что я взяла не свою розу, значит – виновата! Ну, нет, я теперь совсем другая и я обещала быть сильной, значит буду.

– Лея, ничего не бойся, ты со мной и всё будет хорошо.

Она улыбнулась мне, но улыбка больше напоминала горькую усмешку, которую скрыть не сумела.

– Ты не переживай обо мне, я так здесь счастлива была, что мне уже ничего не страшно.

Она сказала это и покраснела так, что стало ясно, откуда

столько счастья.

– А почему была? У тебя ещё много дней счастья, верь мне.

– Я тебе очень благодарна за всё... что ты меня выбрала, что послала Нору лечить, что в дом к тебе попала, за песню очень благодарна.

Я обняла её, стала гладить по волосам, и поцеловала в щёку. Она вздрогнула всем телом и окаменела, даже дышать перестала. Да что за родители были?! Свой же ребёнок, своя кровинка, пусть и с вирусом. Погладив по щеке, я ещё раз её чмокнула.

– Тебе Андрей понравился?

Она сразу пришла в себя и опять покраснела до яркого свечения, сказать ничего не смогла, только кивнула головой.

– А ты ему как понравилась, сразу видно по нему, он хороший мальчик.

Лея вдруг тихо рассмеялась, посмотрела на меня и выдала тайну:

– Ты говоришь мальчик, а он сейчас двух глав кланов одним движением остановил в коридоре. Когда мы к тебе двигались, они шли не туда, так ему показалось, Андрею.

Тоже улыбнувшись, я догадалась: он перед ней свою силу показал, главы просто под руку попались. Надеюсь, это поможет переговорам Глеба. Главам надо понять, что рядом с ним и соратники многого стоят.

– Тебе надо отдохнуть, уже ночь. Можно мне остаться

с тобой? Я посижу у окна.

– Конечно, мне будет спокойнее.

Уснула я сразу и спала очень спокойно, Лея своим присутствием успокоила меня.

Проснувшись утром, я увидела Лею, так же сидящую у окна.

– Привет.

– Доброе утро. Как спалось?

– Очень хорошо. Как у нас дела?

– Всё хорошо, главы уехали, Виктор с Самуилом тоже. Глеб дома, они с Андреем сидят в сейфе с тех пор, как уехали главы.

Видимо, есть что обсудить. А мы, жена, готовимся к встрече с мужем, который командор и генерал. Я готовилась тщательно, наряд мы выбирали вдвоём с Леей и развеселились от этого процесса как две девчонки, как вдруг Лея резко выпрямилась и сказала:

– Глеб идёт сюда. Мне лучше уйти, можно я пойду к Андрею?

– Конечно, иди и ничего не бойся, всё будет хорошо.

Она грустно на меня посмотрела и ушла. Я огляделась в зеркале и осталась довольна своим внешним видом, насколько это возможно в моём возрасте и с моей мягкостью. Платье мне выбрала Лея, и я с ней согласилась. Светлое, с вышивкой по подолу, и рукавами до локтя из чистого кружева, очень тонкого и совершенно прозрачного. Когда вошёл

Глеб, я пыталась изобразить чего-нибудь на голове, но мне всё не нравилось, и я уже собиралась причесаться как обычно.

– Привет.

– Привет, привет, как дела с утра?

– Ночь прошла, утро наступило.

Глеб смотрел на меня через зеркало и улыбался утренней улыбкой, обещающей поцелуй. Я обернулась к нему, обняла и подняла лицо для поцелуя. Он вздрогнул всем телом, когда я коснулась его волос, очень осторожно, как бы случайно, а потом погладила его по шее. Она произвела на меня большое впечатление. Я, конечно, знаю, что он очень сильный, но это был остов робота, представить, что это просто мышцы нельзя, хотя кожа была теплой, а потом даже горячей. Объятия стали сильнее, и я поняла, что эксперимент нужно заканчивать, иначе Лее придется меня очередной раз спасать, Самуил ведь уехал. Как только я опустила руки, Глеб остановился и отошёл от меня.

– Я сделал тебе больно?

– Нет, всё хорошо, только воздуха не хватило.

Я действительно тяжело дышала, но только от того, что легкие в таком зажатом виде дышать не могут. Остановиться в своём эксперименте мне было сложно, и я опять его обняла, прижалась к нему и постучала кулаком по спине.

– Металл, это не спина, это бетон.

– Что бетон?

– Твоя спина, ты даже не почувствовал, как я тебя коло-
тила.

– Почувствовал. Я чувствую все твои движения, твои ка-
сания, но только твои.

– А остальных, в смысле людей?

– Биение сердца и ток крови.

– А ваших?

– Силу.

Как странно, мои касания он чувствует все, а у остальных
только биение сердца и ток крови. Почему странно – пища,
хищнику нет необходимости чувствовать касания жертвы.

– Но это я такой бетонный, и Аарон. Мы самые монстры.

Подняв голову, я долго рассматривала его, потом вынесла
вердикт:

– Симпатичный. Даже красивый, очень. А другие, Андрю-
ша, например, они чувствуют?

Глеб, весь напрягшийся от нашего разговора, посмотрел
на меня внимательным взглядом.

– Ты о чём?

– Просто спрашиваю. Ну, про тебя я всё уяснила, монстр,
так монстр, смирилась и не переживаю, давно, между про-
чим, это только тебя волнует, меня совсем нет.

Я хотела спросить, как он чувствовал Анну, но остано-
вилась и замолчала, даже глаза опустила.

– Так что Андрей?

– Пусть не он, Виктор или Олег, они встретят себе жен-

щину, не человека, из ваших, они почувствуют друг друга?

– Если уровень вируса невысок, да, они чувствуют. Ещё зависит от уровня агрессии.

Он провёл пальцами по моей щеке и вздохнул.

– Первое время я тебя совсем немного чувствовал, только слышал сердце.

– Я помню, когда ты меня почувствовал, сильное было впечатление в моём организме. Буря прошла, а потом мне стало хорошо, я сразу восстановилась.

Глеб вдруг рассмеялся облегчённо, видимо ждал, что я скажу о санатории.

– Я об Андрее спросил, что ты имеешь в виду?

– Вдруг он встретит девушку, когда-нибудь потом, в нём много вируса, он её будет чувствовать?

Зря я об этом заговорила, поторопилась на радостях – генерал, опять генерал. Но у генерала оказалось хорошее настроение.

– Когда концерт?

– Нескоро, ты не ответил.

– Его обратили, это иное, он будет чувствовать.

Меня это обрадовало, значит, у них с Леей будет всё хорошо, когда она вырастет. Пора идти завтракать, а то я не могу оторваться от Глеба и могу похудеть от голодания, мягкость уйдёт. Да и Глеба надо отвлечь от вопросов об Андрее.

– Завтракать я сегодня буду? Или так и будем стоять до обеда?

– Будешь.

Мгновение и мы уже были в столовой. Меня так и подмывало спросить, зачем приезжали главы кланов, если с Аароном уже всё в порядке, но я героически держалась, старательно набивала рот едой, чтобы молчать. Естественно, за чаем я не выдержала.

– У нас были гости?

– Лея?

– Она обо мне волновалась и по дороге заметила глав, а сам понимаешь, я устроила допрос, и она вынуждена была...

– Катя, не оправдывай, по дворцу везде стояли слухачи, и я знал все передвижения. Они пришли вместе с Андреем.

Он тяжело на меня посмотрел, но потом улыбнулся.

– Он по дороге двух глав чуть не прибил, я их потом успокаивал, объяснял, что Андрей их случайно чуть не убил. Ошибся.

Не гневается – уже хорошо, по глазам видно, по синеве. Пусть лучше меня подозревает, чем будет Андрея воспитывать. Я уже открыла рот, чтобы объяснить, что Лея волновалась за меня, но Глеб, продолжая улыбаться, сказал:

– От Андрея очень многое зависит в этом доме, вся безопасность на нём, твоя в том числе. Если он будет забываться из-за этой девочки, её не будет.

– Глеб, я не хотела, чтобы...

– Катя, это твоя безопасность.

Улыбки не стало, передо мной сидел генерал всех войск. Он не воспитывал меня, он меня предупреждал, хотя мог этого и не делать. Лея бы просто исчезла из моей жизни, из жизни вообще.

– Так нельзя, это его жизнь.

– От него зависит твоя жизнь. Андрей.

Я даже привстала, но Глеб так на меня посмотрел, что пришлось сесть и не двигаться. В столовой появился бледный до синевы Андрей.

– Ты всё слышал.

Андрей кивнул, потом справился с собой, выпрямил плечи, поднял голову и спокойным голосом сказал:

– Я всё слышал и всё понял.

– Ты знаешь всё.

– Знаю.

– Глеб, я...

– Катя, Глеб прав. Я готов.

Готов к чему?! Глеб что, сошёл с ума, это же Андрей! Я вскочила и встала перед Андреем.

– Что ты собираешься делать?

– Ничего.

Обернувшись к Андрею, я уточнила:

– Что значит готов? К чему готов?

Андрей молчал. Смотрел на меня потухшим взглядом и ничего не говорил. Я опять повернулась к Глебу и крикнула:

– Глеб!

Неожиданно в столовую влетела Лея. Андрей весь встрепенулся, но не тронулся с места. Лея остановилась на мгновение рядом со мной, посмотрела горящим взглядом, стремительно подошла к Глебу, встала на колени и опустила голову как на казни. Я ужаснулась настолько, что не могла двинуться с места, только прошептала:

– Глеб, не смей.

Он даже не посмотрел на меня. Неизвестным мне голосом приказал:

– Встань.

Лея встала не сразу, она почти распласталась по полу, но потом медленно поднялась, опустив голову.

– Пока в доме. Ты знаешь, кто дал тебе жизнь. Иди.

Андрей облегченно вздохнул, но на Лею не смотрел, опустил глаза и превратился в статую. Лея ничего не ответила, повернулась и вышла из столовой, на нас она не посмотрела, так и шла, опустив голову. Тем же голосом Глеб отпустил Андрея:

– Свободен.

Андрей повернулся как солдат и исчез. А я начала падать, но сразу оказалась на руках Глеба. Сознание я не потеряла, хотя было страшное желание, хоть обморок, а лучше на пару дней. Глеб сел на диван, посадил меня на колени и попытался обнять, но я так отбивалась, что он решил не причинять мне физического ущерба и опустил руки. Говорить я не могла,

поэтому только прошипела:

– Не смей меня трогать, никогда, как ты мог, это Андрей, наш Андрей, а Лея? Она меня спасла.

Даже плакать я не могла, ни одной слезинки, только ужас и возмущение. Глеб смотрел на меня серыми глазами и слушал, но мне казалось, что не очень слышал. Неожиданно он встал и мгновенно перенёс меня в комнату, уложил на кровать и голосом генерала сказал:

– Отдохни. Лея.

Через пару секунд, я даже не успела возмутиться, появилась Лея и встала у двери.

– Ты здесь до моего приезда.

Посмотрел на неё тяжёлым взглядом и приказал:

– Объясни все.

Оглянулся на меня без улыбки и ушёл. Я попыталась встать с кровати, но Лея меня остановила:

– Тебе нужно полежать, не вставай.

– Не хочу лежать, я что, у меня всё хорошо, никому ничего не отдаю и не отдам уже никогда.

– Не вставай, в тебе всё бурлит, я не знаю, каково воздействие Али, насколько оно действует.

Но меня остановили только её слова, сказанные почти шёпотом:

– Если тебе будет плохо, он меня убьёт.

Я так и замерла, до меня, наконец, дошло всё, что произошло сейчас в столовой. Самое главное – это моя безопас-

ность и моё здоровье. Глеб за это убьёт кого угодно, в наказание и в назидание. И сразу всё поняла: эти главы шли ко мне, за мной, а Андрей их пропустил, он был с Леей, поэтому их пропустил. А Лея почувствовала что-то и заволновалась, по дороге Андрей смог их остановить, а может эти слухачи его уже предупредили. И Глеба тоже. Я закрыла лицо руками, меня задавил ужас, не страх за себя, а эта ответственность всех окружающих за мою безопасность. Лея оказалась рядом, мягко коснулась горячими пальцами, и мне пришлось открыть лицо и посмотреть на неё.

– Ты не переживай ни о чём, тебе надо себя беречь.

Покачав головой, я снова закрыла лицо, но взяла себя в руки и посмотрела на Лею.

– Что ты должна мне объяснить?

Она побледнела и встала с кровати. Безжизненным голосом, опустив руки и закрыв глаза, сказала:

– Андрей не обеспечил твою безопасность из-за меня, я ему помешала, поэтому должна понести наказание. По закону клана это карается смертью.

Лихорадочно вздохнула и продолжила, сжав кулачки:

– Приговор должен был исполнить Андрей, но я молила Глеба, чтобы это сделал он, чтобы он меня убил, а не Андрей.

Во мне всё окаменело – Алиса, он её убил за шипы на розе, за каплю моей крови. А за возможность реальной опасности? Только за возможность? Лея отвлекает Андрея от исполнения его задачи обеспечения моей безопасности и по-

этому Лею надо убрать, Андрею же и убить. На это был готов Андрей? Я с ужасом смотрела на Лею, из-за меня её мог убить Андрей, для которого её появление в доме оказалось величайшим счастьем: видно же, он счастлив от одного её взгляда, только от того, что он знает – она где-то здесь в доме. А она? Девочка ожила, глаза светились, а как пела? А как относится к Андрею, краснеет как алый мак, в ней же всё поет от одного его присутствия.

– Ты меня опять спасла, если бы не ты, он бы не стал нарушать закон.

Да всё это из-за меня! Я смотрела на эту девочку и не знала, что делать, как спасти её, и Андрея спасти, ведь если бы он её убил, то всё – мальчик бы погиб, он бы не смог после этого жить. Почему готов, как он мог так сказать? А как теперь Лея его простит? А она его уже простила, сама его хотела спасти от этой боли, была готова умереть, но только не от его руки, она Глеба об этом молила. Взяв Лею за руки, я притянула её к себе и обняла.

– Я тебя спасу, ещё не знаю – как, но спасу.

Она покачала головой, слабо улыбнулась.

– Не надо ничего делать, ты не думай, это закон. Во всех кланах Глеба жизнь человека поставлена значительно выше наших жизней, и это правильно. Человеческая жизнь настолько хрупка и коротка, что её надо беречь от таких, как мы. Особенно твою, ты жена командора, ты дала ему энергию, и теперь он силён и сможет сохранить кланы и защи-

тить их. Теперь он может продолжать спасать детей с вирусом и мутациями, как я. Он поверил мне, допустил меня так близко к тебе, он прав, я не оправдала его доверия.

– Я не понимаю, Лея, я тебя не понимаю. Ты так помогла мне, без тебя я бы уже пять раз погибла, ты дала мне столько энергии, если бы не ты...

Лея робко тронула мои волосы и, едва касаясь, погладила их.

– Это моя задача, мой долг, который я должна исполнить любой ценой. Такие как я не могут так близко подходить к людям, особенно к жене командора. Моя жизнь ничего не стоит по сравнению с тобой, если бы у меня их было много, я бы их отдала за тебя. Глеб прав, моё поведение могло привести к прямой опасности для тебя, а это недопустимо. Андрей не виноват, я его отвлекла от работы.

А Глеб придумал для Андрея за его отвлечение страшное наказание. Вот о чём они говорили в сейфе, чтобы Лея не слышала. Глеб пощадил её, не стал при ней Андрею условие наказания объяснять, она это только в столовой услышала, а Андрей уже знал, поэтому был готов. Весь разговор был для меня, чтобы я поняла свою ответственность, она жизней стоит – жизней Андрея и Леи. И ещё один момент я поняла: Глеб это ещё и кланы, сотни таких как Лея и Наташа, не будет его, не будет и их, а будут акции и ещё много того, что я даже представить не могу. Поэтому непреложный закон поведения для всех, для ближнего круга тоже. Он не стал уби-

вать Андрея, понимая, что наказание страшнее, чем смерть. Это такой удар, который слабого убивает, а сильного учит жизни. Жизни в их мире.

А Лея молодец, я только сейчас осознала её поступок, она думала о чувствах Андрея, как он будет жить потом, поэтому молила Глеба, не за себя, за Андрея. Мне очень хочется думать, вопреки всему, что я понимаю и знаю, что Глеб не собирался на самом деле убивать Лею, что это просто показательный номер для меня. Только я опять точно знаю – это не так, я себя обманываю. Не смог бы он стать таким и спасти бы меня не смог. Только одинаковый закон для всех, для себя тоже, никаких ошибок, никогда. Я же не знаю, каким образом он решал те проблемы, которые образовывались из-за меня, и чем он занимается теперь. Он что-то слушал, когда я сидела у него на коленях, не меня, он слушал кого-то и вынужден был сразу уехать. А ещё Аарон, его клан, Нора, Самуил и я.

Лея так и стояла, обнимая меня и поглаживая по волосам. Я вздохнула и решительно встала.

– Ты посиди здесь, а я погуляю немного.

– Нельзя, пока Глеб не вернётся, тебя из комнаты не выпустят, там уже охрана стоит. Андрей сказал.

Молодец, Андрей, смог, да и Лея молодец. У них всё получится, они смогут, главное живы. От меня тоже многое зависит, правда, это уже сложнее, но я буду стараться.

– Лея, нам надо репетировать концерт, скажи Андрею,

чтобы он подобрал для твоего голоса романсы, а сейчас про рябину ещё раз вдвоём, у меня голос ниже и хриплый, надо звучание подобрать. Война войной, а концерт генерал не отменял, приказ будем исполнять.

Лея удивлённо на меня посмотрела, но глаза посветлели, и она улыбнулась. Вот и хорошо, сколько бы ни было времени, оно наше. Охране тоже полезно иногда песни послушать, особенно когда жена командора поёт, хоть и ужасно, но зато статус позволяет любые звуки исполнять, и всем будет нравиться. Я несколько раз напела эту песню в разной тональности исполнения и с разной скоростью произношения слов, объяснила Лее, как от этого меняется смысл песни. Спела про виноватую, которую проорала Глебу от волнения, и тоже в двух вариантах: один, как тогда, только тише и мелодичней, а второй жалобный, страдающий. Занятая объяснениями о тональности песни, я не сразу заметила, что Лея насторожилась и отпустила мою руку, которую всё время держала. Только когда она встала и отошла к окну, я поняла – Глеб вернулся.

– Глеб вернулся?

– Да.

– Хорошо, ты же должна его здесь ждать, вот и сиди. Мы делом заняты, его приказ исполняем. Песни слышал?

Лея кивнула, показала два пальца, значит вторую, вот и хорошо, она ему полезна для понимания женской души. Да и пусть знает, мы работаем, от приказа не отлыниваем. Он,

небось, надеялся, что мы тут в слезах и думах о тяжёлой жизни, а мы песни поём. Правда, тоже о страдании, но о любви, что страдаем о любви. Я даже решила ещё что-нибудь этакое исполнить, но не успела, вошёл Глеб. Он мельком глянул на Лею и приказал:

– Свободна.

Лея быстро вышла. Я села на кровать и опустила глаза. У меня промелькнула мысль устроить ему представление, но не решилась, слишком опасно, возьмёт и передумает Лею прощать. Будем покорной женой, как в гареме, решение султана – закон. Глеб оказался передо мной, наклонился и взял за руку.

– Посуду нести?

– Зачем?

– Бить на мелкие осколки.

– Нет, посуду я бить не буду.

Глеб поднял моё лицо и посмотрел в глаза, я была спокойна, песни помогли, поэтому выдержала его синий взгляд. Он вздохнул тяжело, ничего не сказал и встал.

– Глеб.

Решительно вздохнув, я спросила:

– Может меня действительно в сейф поселить безвылазно? Будете обеды с ужинами туда приносить, иногда в гости ходить. Я привыкну, я же из дворца и так редко выхожу, пространство ограничится, но я привыкну с годами. Да и песни мои никто слышать не будет, можно сколько угодно подвы-

вать, даже громко.

Взяв его за руку, я погладила ладонь, приложила к своей щеке.

– Ты тоже иногда приходить будешь между своими войнами, я буду тебя ждать.

Он мгновенно опустился передо мной на пол и внимательно стал рассматривать.

– Что ты придумала?

– Ничего, правда, ничего. Я всё поняла, только ведь меня не изменить, понимаешь? Я уже такая, если бы мне было двадцать, то ещё можно перевоспитать как-то, а я уже взрослая. Даже старая. Кто знает, сколько мне осталось жить, я не хочу, чтобы в остатке этой жизни были погубленные из-за меня жизни, чьи бы они ни были. Особенно такие, как Андрей и Лея.

Глеб опустил голову, но я взяла его лицо ладонями, подняла и сказала:

– Я тебя понимаю, как тогда с Алисой, но допустить гибели Леи не могу, лучше посади меня навечно в сейф.

Слёз не было, хотя внутри меня всё разрывалось, сердце несло как поезд и руки подрагивали. Если он сейчас меня не поймёт, тогда всё бесполезно – нам никогда не соединить два наших мира. Я провела пальцами по его глазам – синим невероятно, они, казалось, светились – он их закрыл, и я пожалела об этом, губам, но поцеловать не позволила, сразу убрала пальцы. Вздохнула и взяла его за руку:

– Пойдём.

– Куда?

– В сейф, проводи меня.

Но Глеб не встал, поцеловал мою руку, приложил к лицу, как будто вдохнул мой запах и тихо рассмеялся:

– Ты бесподобна, нет в целой вселенной другой... Хорошо.

Он резко встал, но остановил меня, положив руку на плечо.

– Лея.

Я вздрогнула от его голоса, так он изменился. В дверь постучали, и вошла совершенно белая Лея.

– Ты остаёшься в доме. Отвечаешь за мою жену. Личная ответственность за безопасность и здоровье.

Лея ничего не смогла сказать, только лихорадочно вздохнула и посмотрела на меня огромными совершенно прозрачными глазами.

– Свободна.

Она исчезла мгновенно. Я хотела встать, но Глеб опять не позволил.

– Андрей. Личная ответственность за Лею.

Посмотрел на меня сверху вниз и улыбнулся немного печально. А у меня сразу ноги отнялись, не могу встать и всё, я взяла руку Глеба и приложила к лицу, как бы повторила его жест, рука оказалась мягкой и тёплой, совершенно не соответствовала тону приказов. Он мгновенно опустил передо

мною в невероятной позе и посмотрел в глаза.

– Такой как ты нет. Ты оказалась именно такой, о какой я мечтал все годы, и которая помогала мне в сумасшествии агрессии, когда уже казалось – осталось только найти способ убить себя, чтобы прекратить это существование. Ты такая хрупкая, что я боюсь тебя коснуться, но ты готова пожертвовать собой и это делает тебя невероятно сильной.

Неожиданно он улыбнулся и глаза стали ещё ярче, он взял меня за руки и поцеловал каждый пальчик, а я тихо заплакала от его слов, он признался мне в любви, по-своему, но это признание.

– Почему ты плачешь?

– Я думала, всё, теперь у нас нет шансов, никаких. Я, правда, понимаю тебя – наверное, в вашем мире нельзя иначе, но и погубить их жизни нельзя. Мы за них отвечаем, они рядом с нами, рядом с тобой у них есть возможность, а вот моё присутствие очень опасно для них. Это не вас надо бояться, сверхчеловеков, а меня.

Глеб странно на меня посмотрел, потом на лице появилось непонятное выражение, и он рассмеялся. Он радостно смеялся, негромко, как смеётся ребенок, которого родители обрадовали каким-то очень важным для него подарком.

– Чем я тебя так рассмешила?

Он провёл кончиками пальцев по моей щеке, едва коснувшись губ и сразу опустил руку.

– Я совсем не рассчитывал, что ты меня поймёшь, думал,

что никогда не простишь, и у нас с тобой нет шанса понять друг друга. Благодаря тебе в них проявляются человеческие качества, а я монстр и гублю их жизни.

Глеб опустил голову, и я не выдержала, обеими руками погладила эти густые блестящие волосы, нагнулась и коснулась их губами, а потом обняла эту прекрасную умную любимую голову.

– Ты не монстр, ты пытаешься меня защитить, и ты прав. Ты нашёл выход и все живы, теперь у меня появился ещё один защитник, защитница. Мы приготовим вам концерт, будем петь и радовать вас. Только всех подождем, Олега и Виктора.

Отпустив его голову, я подняла лицо к себе.

– Ты единственный в мире, только ты смог меня понять, как человек, настоящий человек. Поэтому ты монстр среди своих, потому что ты человек. Лучший в мире человек.

Ещё немного подумала и грозно заявила:

– Но посуду ты завози, как человеку тебе будет доставаться значительно больше, чем монстру.

Глеб замер, как только я коснулась его волос – казалось, он каждой клеточкой ощущает мои прикосновения, а от поцелуя, едва ощутимого, он вздрогнул и перестал дышать, как только я его обняла. Я не осознавала в этот момент, что прижимаю его к своей груди, думала только о том, что он настоящий человек, и за свою жизнь в человеческом мире я не встретила ни одного человека, хотя бы немного похоже-

го на него. Но он услышал меня, хотя буйство в глазах показало, что и моё объятие произвело сильное впечатление. Хриплым голосом он повторил:

– Человек.

Я кивнула и поняла, что если я его сейчас не поцелую, то от этого человека останется только монстр. В свой поцелуй я вложила всё, что произошло за сегодняшний день: все свои страхи, особенно страх возможного одиночества, непонимания и ту радость, которая меня поразила. Непроизвольно, вся отдавшись поцелую, я продолжала теревить его волосы. И Глеб не выдержал – он вскочил и обнял меня так сильно, что я мгновенно задохнулась и застонала от боли. Он сразу разжал руки и подхватил меня, так как мои ноги не успели за его стремительным движением, и я стала падать. Глеб тревожно смотрел на меня, продолжая тяжело дышать, ещё находясь во власти огня страсти. Я улыбнулась ему и, едва дыша от боли и отсутствия кислорода, сказала:

– Если меня накормить, то сил будет больше, на второй поцелуй хватит.

Глеб нежно меня обнял и тихо рассмеялся.

– Тогда надо тебя чаще кормить.

Мгновенно перенесся в столовую, Глеб бережно посадил меня на стул. Я смогла ему весело улыбнуться, хотя, далось

мне это с трудом – ребра болели сильно. Два поцелуя подряд они не смогут выдержать, пока. Глеб резко сказал:

– Сезам.

И я очередной раз поразилась этой его способности менять тон обращения. Генерал, опять генерал. Я старалась лишний раз не двигаться, Глеб это заметил, и куда делся генерал, тихим голосом спросил:

– Больно?

– Немножко. Глеб, учти, от поцелуев отказываться я не собираюсь, даже если ты от меня по дворцу бегать будешь, поймаю. Поэтому, никаких «прости, я больше не буду», посуду завёз? Всю перебыю.

Глеб сидел на диване и улыбался, крепко сцепив руки на коленях. Явно идея второго поцелуя ему понравилась, но боль в моих ребрах его сильно останавливала, и рассчитывать на него было бесполезно. Пока не решит, что ребра уже зажили. Я ела всё подряд, даже не очень понимая, что ем и не сразу заметила, что Глеб сидит с таким странным лицом и задумчивым взглядом, что меня это стало тревожить. Закурив сигарету, я не выдержала и спросила:

– Глеб, что-то не так?

Он поднял на меня глаза, и я даже перестала дышать от синевы – таким синим может быть только небо, прозрачным и одновременно глубоким. Человек таких красок создать не может.

– Почему ты назвала меня человеком?

– Потому что ты человек, по жизни человек, независимо от твоей физической природы, масса людей на самом деле хищники пострашнее тебя будут. Я не говорю о твоих физических возможностях, это важно, но ничего не решает в определении. И самое главное – я так думаю, тебе этого мало?

Глеб рассмеялся, и я обрадовалась этому смеху, мне совсем не хотелось, чтобы он начал сомневаться в моих словах, не в определении понятия человека, а в моём отношении к нему. Но вот он опять задумался, и когда я уже хотела встать и подойти к нему, поднял на меня глаза и спросил:

– Тебе тяжело постоянно находиться во дворце?

– Почему ты так решил?

– Ты сказала, что редко выходишь.

– Нет, не очень, хотя иногда хочется прогуляться куда-нибудь с тобой.

Он задумался, но качнул головой и признался:

– Пока это нежелательно.

Вопросов я задавать не стала, только посмотрела на него встревожено.

– Переживать не о чем, но пока нежелательно.

– Клань?

– Клань, их встревожил побег Аарона.

– Поэтому они вчера здесь были?

– Да.

– А Олег? Они обвиняют его?

– Нет, его нет.

– А кого? Они же должны искать виноватого, раз ты обещал их от него защищать.

Глеб кивнул, но не ответил, и я поняла.

– Они обвинили тебя. И что теперь будет?

Ну, конечно же, он промолчал о самом главном, занимаюсь мной и моими переживаниями, умолчал о такой мелочи, как война со всеми кланами.

– Глеб, не молчи, я насочиняю себе страхов и буду бояться за тебя. Лучше сразу скажи правду, чтобы я боялась настоящей проблемы.

– Ничего страшного, всё будет хорошо, переживать не нужно.

– Ты сказал им, что сам отпустил Аарона? Я правильно поняла, защищая Олега, ты принял огонь на себя? Раз ты за него отвечаешь, то только ты мог его отпустить. Он успел много, ну, кого-нибудь, по дороге сюда...

– Нет, Олег не позволил, но их заметили и сообщили в кланы. В доме тебе совершенно безопасно находиться, но выходить пока не стоит, на всякий случай. Я не смогу тебя сопровождать, может получиться так, что мне придётся срочно уехать.

Я встала и подошла к нему.

– Глеб, скажи правду, это очень опасно для тебя? Я верю, что ты самый сильный, умный и всякое такое, но когда толпа, тоже не слабых, а много толп, то совсем страшно таким как я.

Глеб ответил сразу, и я этого испугалась, поняла, что он что-то от меня скрывает.

– Для меня это совсем не опасно. Им придётся поднять всех боевиков и ещё кого-нибудь, а столько они без меня не соберут. Меня волнует другое.

Глеб решил поделиться со мной своим волнением? Я вся напряглась, это совсем на него не похоже.

– Я обещал Аарону, что позволю ему с тобой встретиться, когда это будет возможно.

– Конечно, если ты так решил, я поговорю с ним.

Глеб подозрительно посмотрел на меня, даже глаза прищурил. Он, что, ревнует меня? Я даже улыбнулась этой мысли. Подозрение в глазах Глеба усилилось.

– А ты сама разве не хочешь с ним поговорить?

– Глеб, я хочу с ним поговорить, но только тогда, когда он будет в состоянии понимать значение Норы в своей жизни. Слушать его измышления о любви ко мне я не хочу.

Мой ответ поразил Глеба – он долго смотрел на меня, пытаясь осознать моё откровенное признание в своём равнодушии к Аарону. В нём, видимо, ещё оставалось воспоминание о моём поцелуе в благодарность за камень. И то, что я не стала бросаться спасать его в борьбе со своей агрессивностью, тоже удивляло его. Я только что согласна была запереться навечно в сейф из-за совершенно незнакомой девочки, но не бросаюсь спасать Аарона. И я решила помочь Глебу понять меня:

– Аарон сам решил пойти на отказ от живой крови, он знал процесс, понимал все сложности. Ты прошёл это сам без чьей бы то ни было помощи. Говорить мне, что он сделал это из-за меня – слабость. Получается, что я виновата в его страданиях, должна оценить поступок и броситься ему на шею? Он знал, что я его не люблю, ценю его помощь, уважаю, но не люблю и не полюблю никогда. Обсуждать это с ним я не хочу. Но если будет необходимость, я скажу всё, что думаю.

Глеб рассмеялся несколько облегчённо, уж в этом он точно не сомневался. У него зазвонил телефон, и я опять напряглась, пора нервы лечить. Глеб слушал внимательно, но лицо не изменилось, значит не страшно, мне не страшно. Неожиданно Глеб рассмеялся и сказал несколько слов на каком-то языке, похожем на финский, или другой из скандинавских. Ну, наконец-то, он по телефону говорит, и лицо не меняется, даже смеётся, у меня на сердце стало легче. Действительно, когда он закончил говорить, то улыбнулся и весело сказал:

– Я сейчас уеду и вечером вернусь с гостем. Он не смог быть на нашей свадьбе и сейчас приехал поздравить нас. Мы заедем к Аарону. Не скучай.

Оказался рядом со мной, неожиданно страстно поцеловал и исчез. С трудом оправившись после поцелуя, я облегченно вздохнула – тот, кто приехал очень значим для Глеба. Впервые он так рад гостю, и этот кто-то должен был быть на нашей

свадьбе, значит, ему можно доверять, очень хочется в это верить. Ещё одно радует, вечером вернутся Олег и Самуил. Итак, уже хорошо, что меня не отправили в комнату и не поставили охрану, значит, я могу поговорить с Леей и Андреем. Но мне надо собраться с силами для этого разговора, нет, пока я буду собираться, надумаю всякого, только хуже будет.

– Андрей.

Он появился сразу, как будто стоял у двери, подошёл ко мне, встал на колени и взял за руку.

– Андрюшенька, что ты, немедленно встань, не смей так делать, я...

– Катя, я хочу тебе сказать, что ты спасла меня, я бы не смог, Лею не смог, я виноват перед тобой и Глебом, но Лею не смог. Я это потом понял...

– Андрюшенька, дорогой мой мальчик...

– Катя, я должен тебе это сказать, выслушай меня. Глеб прав, он как всегда совершенно прав, иначе нельзя, в нашем мире нельзя, иначе всё равно смерть. Только так, с законом, который для всех одинаков, он тоже себя так держит. Когда он уходил, я просил его убить меня вместо Леи, это я виноват, не она, я их пропустил, а он отказал. Он как знал, что ты просить за нас будешь. Прости меня.

– Андрюша, ничего не произошло, ну посидела бы в сейфе, вам же легче было бы, проще, проблем меньше. Зато теперь у меня ещё защитница появилась, концерт будем готовить. Андрей, только береги Лею, а то Глеб посуду скоро за-

везёт, я тебя тарелками по дворцу гонять буду, если её обидишь. Ты меня и так всегда защитишь, я знаю, верю тебе. А этих глав я сама покусать могу, не переживай.

Андрей поцеловал мне руки и облегчённо рассмеялся. Бедный мальчик, боец силы невероятной, гений всех талантов, да как это можно допустить, чтобы он любовь свою своими же руками убил. А, оказывается, Глеб ждал от меня, что я кинусь их защищать – я не я буду. Правильно подумала, это была бы для него уже не я, уже другая, жена командора, для которой собственная безопасность дороже жизни мутанта. Андрей поднялся и ещё раз поцеловал мне руки. Чтобы остановить процесс покаяния я решила сразу направить его мысли в нужном направлении:

– Между прочим, я это серьёзно требую, найди песни для Леи, я их сначала послушаю, нам концепцию – какие слова я говорю, ужас – концерта определить надо. Это серьёзное событие, может гости будут. Лея должна быть готова в любой момент что-нибудь исполнить, сам понимаешь, мне сложно, жена командора, это я своим могу вопли изобразить, а гостям такое нельзя.

– Катя, совсем неплохо ты поёшь, только нервничаешь, а когда ты в сейфе пела, то совсем хорошо, да и первый раз тоже.

– Подхалим.

Я ткнула ему пальцем лоб и заойкала:

– Точно, сталь, палец сломать можно. Иди, скажи, чтобы

Лея пришла, мне с ней тоже поговорить надо.

Он кивнул и исчез. Лея появилась почти сразу, и я оставила её:

– Никаких коленопреклонений, не смей. Это Андрею можно, он мужчина, ему даже полезно, пусть тренируется. А тебе нельзя, особенно передо мной нельзя, я тебе не хозяйка, не барыня. Запомни это навсегда. Я для остальных, чужих, жена командора, а для тебя Катя, и только так, нам с тобой в одном доме жить, надеюсь, что долго.

Лея стояла передо мной, смотрела на меня своими огромными глазами, и вся дрожала, неожиданно прижала руки к груди и прошептала:

– Моя жизнь тебе принадлежит.

– Лея, твоя жизнь принадлежит только тебе. Ты меня только охранять будешь, ну, может, ещё иногда придётся меня из всяких болезней энергетических выводить, да песни слушать, деваться некуда – мы с тобой всего лишь две женщины в доме. Ты только Глеба перестань бояться, он, конечно, командор и генерал, это само собой, но бояться его не надо, ты свой страх из сердца изгони.

Она кивала головой, но я понимала, страх этот так в ней плотно поселился, что сделать это будет очень сложно.

– Лея, тебе на концерте петь придётся, как ты это сделаешь, если будешь Глеба бояться?

Глаза стали ещё больше, но в них появилась радостная, пока очень маленькая, звездочка.

– Я буду петь?

– Конечно, для всех, может и гости будут. Поэтому, пока Глеба нет, немедленно иди к Андрею, и ищите песни и романсы, вечером у нас гость, и я хочу, чтобы мы с тобой что-нибудь исполнили. Посмотрим по ситуации, но ты должна быть готова.

Она опять закивала головой, и я не выдержала, встала и обняла её, юную девушку, мою охрану и врача. Пусть лучше идёт и занимается делом, чем страдать из-за своей вины и, тем более переживать обо мне, как она передо мной виновата.

– Я тебя в комнату провожу как твоя охрана, а лучше отнесу.

– Ну, уж нет, провожай, но носить себя тебе я не позволю. Ниоткуда появился Андрей и подхватил меня на руки:

– А мне позволишь?

– Молодым и интересным, всегда пожалуйста.

И остаток дня я благополучно проспала, успокоившись за молодежь и в ожидании Глеба. Мир в доме.

Лея разбудила меня, легко коснувшись руки.

– Привет.

– Привет, привет.

Она немного успокоилась, в глазах уже не было такого дикого страха.

– Ты песни нашла?

– Да, несколько даже напела.

Вот и хорошо, песни ей помогут изжить страх перед Глебом. Интересно, кто-нибудь уже явился к ужину и как мне одеться перед гостем, официально или по-домашнему?

– Кто-нибудь уже появился?

– Приехали Олег с Самуилом, Глеба пока нет.

Я быстро встала и собралась на ужин, оделась в простое льняное платье, раз Глеб не предупредил – будем домашней женой, а не женой командора. Только надела ожерелье Глеба, оно мне очень нравилось и подходило к платью.

– Катенька, дорогая моя девочка, как я рад тебя видеть, у меня столько новостей. Нора хорошо восстанавливается, но я её пока держу во сне, гипсы сняли и кости зарастают хорошо, Али с Наташей стараются. А Али, ты знаешь, у него оказалось столько возможностей, его надо срочно изучать, я хочу с Глебом поговорить.

Самуил говорил о необычных способностях Али и пророческом даре Наташи, хотя так ничего и не сказал, что она такого наговорила, а я наблюдала за Олегом. Он очень изменился – всегда мягкое выражение лица, очень спокойное, исчезло. Все черты стали резче, как высеченные из гранита, только взгляд остался прежним, спокойным, глаза продолжали улыбаться и очень диссонировали с жёстким выражением лица. Наконец, Самуил отвлёкся на еду, и я смогла спросить у Олега:

– Олег, если я спрошу, как дела, ты ответишь, что хорошо, если я спрошу, как там Аарон, ты тоже ответишь, что хоро-

шо. Будем считать, что я это всё уже спросила, и ты ответил. Как надолго он в таком состоянии?

Олег улыбнулся, пожал плечами, неожиданно встал и пошёл ко мне.

– Этого не знает никто, процесс сложный, у каждого происходит по-своему. Но он пока ни разу не сорвался.

– Благодаря тебе?

– Нет, он держится сам.

Он помолчал, продолжая разглядывать меня странным взглядом.

– Он просил тебе передать, что надеется встретиться с тобой, когда всё закончится. Просит не бояться.

– Я его не боюсь, ты знаешь, я его никогда не боялась.

Олег усмехнулся и чуть изменившимся голосом сказал:

– Он сейчас другой, за себя не отвечает.

– Глеб же смог.

– Глеб. Да, он смог, Аарон тоже пытается.

И так странно произнёс имя Глеба, что я тоже встала.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Катенька, девочка моя, с Глебом совсем другая история, он же долго к этому готовился, он же другой, совсем другой.

Разглядывая Олега, я понимала, что он хотел сказать что-то мне, что-то очень важное, а я не поняла пока – что. Взгляд Олега неожиданно стал жёстким, и он взял меня за руку, я вздрогнула, но руки не отняла.

– Ты сказала Аарону, что приняла его клятву?

– Нет, ты что, Олег, никогда.

Почему он в этом засомневался? Он же сам тогда был и всё слышал. Олег держал меня за руку и внимательно смотрел в глаза. Он слушал моё сердце и читал мысли, пусть читает, непечатно я не выражаюсь, но и этих слов ему хватит! Олег улыбнулся и глаза помягчели. Он поцеловал мне руку и спокойно сказал:

– Прости.

И я закипела как чайник.

– Ты что, ему поверил, он что угодно с голода придумает, а ты и поверил!

Олег спокойно слушал мои вопли и продолжал держать меня за руку.

– Он мне картинку показал.

– И я на ней принимаю клятву, эту, в украшении которая?

– Да, клятву ассасина.

– Олег, да мы с ним вдвоём не были никогда, ну почти, и то в доме, все всё слышали!

Вот почему в глазах Глеба было подозрение и сомнение, Олег ему сказал.

– Ты сказал об этом Глебу?

– Нет, Глебу сказал сам Аарон. Он просит встречи с тобой.

И Глеб сразу согласился и заподозрил меня! Битва титанов продолжается, и любимый муж опять меня подозревает в непонятной измене.

– Олег, я никакой клятвы Аарона не принимала, ниче-

го ему не обещала, Глебу сказала, что не хочу видеть Аарона, пока он мозги на место не поставит, и к его поведению не имею никакого отношения! Если Глеб мне не верит, это его дело, пусть думает, что хочет, если ему кажется, что я ему изменяю, пусть так и думает, мне всё равно! Ничего я ему доказывать не буду!

Я даже задохнулась от своей гневной тирады, и мне пришлось остановиться и попытаться отдышаться.

– Катя, что случилось?

Обернувшись, я увидела Глеба с гостем, как всегда, не вовремя явился, но пусть слушает, ему это полезно, и пусть гость тоже знает про него всё! Но немного отдышавшись, я поняла, что пока гость увидел только сварливую тётку, учинившую непонятный скандал. От стыда я грозно посмотрела на Глеба, разборку решила отложить на потом и постаралась улыбнуться гостю, но улыбка у меня плохо получилась. И совершенно неожиданно для меня гость рассмеялся, громко, с удовольствием, не ехидно, от подсмотренной тайны соседа, а понимая суть вопроса, как муж, который это проходил многократно со своей женой. Я даже села от удивления и, наконец, рассмотрела гостя. Викинг, настоящий викинг, большой, высокий и сильный, с гордой посадкой головы. Блондин северным цветом волос, не русский, но и не альбинос, а именно блондин, короткая стрижка только это подчеркивала. Глаза синие, но не такие как у Глеба, а прозрачные. И черты лица грубее, правильные, но как бы рубленые

и подбородок жёстче.

– Глеб, познакомь меня с твоей очаровательной женой.

Голос тоже соответствовал викингу – глухой, но сразу понятно, что его будет слышно далеко в море. Немного ошалевший от неожиданной встречи Глеб, сначала удивлённо смотрел на меня, но потом махнул рукой, даже не пытаясь понять мой выпад, подошёл ко мне с гостем и представил его.

– Катя, познакомься, Олаф, глава клана из Норвегии.

Я уже успокоилась и смогла улыбнуться естественней, встала и руку подала величаво, пытаюсь рассмотреть гостя подробнее.

– Катя, рада с тобой познакомиться.

– Олаф. Наконец-то я смог тебя увидеть и теперь понимаю, действительно, ты – необыкновенная женщина.

Скандал, который я учинила на пустом месте произвёл впечатление. Не зря говорят, настоящая женщина должна уметь из ничего создать скандал, обед и туалет на торжественный выход. Первое у меня получается лучше всего. Олаф поцеловал мне руку и оставил в своей ладони, слегка пожимая пальцы, я посмотрела на Глеба и с удивлением поняла – поступок гостя его не удивляет и не возмущает. Всё ясно, меня опять сканируют неизвестно на что. Драгметаллы исключаются за ненужностью, значит на энергию. Её сейчас тоже с избытком. Подержав мою руку, Олаф оглянулся одобрительно на Глеба и снова поцеловал.

– Катя, ты поражаешь меня, но об этом я хотел бы по-

говорить немного позже, а пока позволь мне поздороваться с Олегом и Самуилом.

Он слегка наклонил голову и отошёл. Олаф поразил меня ещё и тем, что обнял Олега и Самуила. Они обнимались радостно, как друзья, чего я никогда не замечала с другими главами кланов, с которыми Глеб встречался. Гость начинал мне нравиться, он вёл себя как друг семьи, настоящий, человеческий. Он обернулся к Глебу:

– А Андрей в доме?

– Андрей.

Тот появился сразу и радостно заулыбался.

– Олаф, как я рад тебя видеть!

Андрей ещё скованно чувствовал себя в присутствии Глеба, но гостю обрадовался совершенно искренне, и Олаф тоже его обнял со словами:

– Возмужал, совершенный боец.

Самуил, встревоженный моей выходкой, наконец, пришёл в себя и гордо заявил:

– Олаф, ты ещё не знаешь, на что способен этот мальчик, муж практически.

– Догадываюсь, что твоими стараниями.

– Я помог немного, но он уже сам развивается.

Они радовались появлению Олафа в доме, а я с удивлением поняла, что я тоже довольна, несмотря на неприятную сцену, которую Олафу повезло лицезреть. Глеб подошёл ко мне и обнял. Он слегка коснулся губами моих волос и тихо

прошептал:

– Я не думаю, что ты мне изменяла с Аароном. Я верю тебе, а не ему.

– Правда?

– Правда.

– А почему Олег так говорит?

– Олег говорил не так, я слышал ваш разговор.

Подняв голову, я попыталась заглянуть ему в глаза. Глеб, не обращая внимания на остальных, наклонился ко мне и поцеловал нежно-нежно, а потом спокойно сказал:

– Олег видел картинку, но я ей не поверил.

Я смутилась и спрятала горящее лицо у него на груди. А Глеб, обнимая меня, сказал Андрею:

– Андрей, приготовь все записи по передаче энергии для Олафа. Самуил, а ты всё по крови. У Олафа мало времени.

Андрей с Самуилом сразу вышли. Немного успокоившись, я посмотрела на гостя и не смогла двинуться с места. В глазах Олафа была такая пронзительная тоска, что у меня сердце сжалось. Непроизвольно я прошептала:

– Олаф, что с тобой?

– Катя, Олаф недавно потерял жену, она была человеком. Неожиданно глаза Олафа изменились, и тоска исчезла.

– Ты неправильно сказал, Глеб, она ушла от меня.

Ушла, от него ушла жена? Жена-человек? Моё изумление даже развеселило Олафа.

– Катенька, почему ты удивляешься? Разве у людей жёны

не бросают своих мужей?

– Бросают, но я не понимаю...

– Всё просто, она знала кто я, и решила, что такой муж ей не нужен. Она стала одной из нас.

– Она не была человеческой половиной для тебя?

И сама испугалась этого вопроса: если она уже не человек, то значит у Олафа нет шанса.

– Нет, она была обычной женщиной.

Олаф грустно улыбнулся, но глаза опять стали весёлыми, и он продолжил уже другим тоном:

– Катя, я узнал, что ты поёшь, можно ли мне тебя послушать?

– Олаф, это очень громко сказано, это пением назвать нельзя, случайно вышло и меня теперь все шантажируют.

– Олаф, Катя поёт хорошо, я могу это утверждать, у нас концерт готовится, я тебя позову.

– Глеб, как ты можешь позорить жену, вот Лея хорошо поёт, голос изумительный. Лея!

Я решила любым способом отказаться от пения, два позора за один день, это даже для меня много. Лея появилась совершенно спокойная и поздоровалась с гостем. Молодец, справилась с собой, и на Глеба без страха посмотрела.

– Лея, спаси меня, гость хочет услышать моё пение, а я не в голосе, совсем. Ты что-то хотела мне показать, что вы с Андреем подобрали, давай мы вместе слушаем.

Глеб провёл меня и усадил на диван, сам сел рядом, Олаф

примостился с другой стороны, я ощущала себя как между двух колонн. Но мне было не до своих мыслей, я ободряюще покивала головой Лее и даже подмигнула, покажи им, что мы не лыком шиты. И Лея смогла, она опустила голову, вздохнула, сложила руки как оперная дива, и запела. По всему дворцу растеклись серебристые волны чистейшего звука, они переливались всеми цветами радуги, и даже грусть песни не смогла заглушить этой красоты.

В лунном сиянье снег серебрится, вдоль по дороге троечка мчится.

Динь-динь-динь, динь-динь-динь – колокольчик звенит,
Этот звон, этот звон о любви говорит.

В лунном сиянье ранней весною помнятся встречи, друг мой, с тобою.

Динь-динь-динь, динь-динь-динь – колокольчик звенел,
Этот звон, этот звон о любви сладко пел.

Помнятся гости шумной толпою, личико милой с белой фатою.

Динь-динь-динь, динь-динь-динь – звон бокалов шумит,
С молодою женой мой соперник стоит.

В лунном сиянье снег серебрится, вдоль по дороге троечка мчится.

Динь-динь-динь, динь-динь-динь – колокольчик звенит,
Этот звон, этот звон о любви говорит.

Лея так головы и не подняла, закончив петь, только опустила руки. Я подошла к ней, обняла, поцеловала в щёчку.

– Молодец, девочка, удивительный голос, просто восхитительный и песню подобрали с Андреем в соответствии. Молодцы.

Гордо обернувшись к сидящим на диване, я замерла. Два каменных изваяния, статуи греческих богов. Олаф, понятно, он Лею ещё не слышал, но Глеб? Он-то почему в статую превратился? Осознал, кого погубить хотел? Но они смотрели не на Лею, они оба смотрели на меня, опять как на приведение. На всякий случай я решила Лею отправить из столовой.

– Лея, спасибо, можешь идти.

Лея исчезла мгновенно, всё-таки много сил у неё ушло на выступление перед Глебом, я это поняла по едва слышному облегченному вздоху. Хорошо держалась девочка, не гость её пугал – Глеб. Первым в себя пришёл Глеб, усмехнулся и одобрительно улыбнулся мне.

– Хорошо, Лея.

Я подошла к нему.

– Спасибо Глеб, девочке это важно, я не хочу, чтобы она тебя боялась.

Олаф округлил глаза и смотрел на меня уже как на медузу-горгону, по крайней мере, мне так показалось. Мне ничего не оставалось, как вздохнуть и спросить потухшим голосом:

– Олаф, тебе совсем не понравилось? Она очень стара-

лась, мне её голос нравится, она ведь петь начала только недавно, а как поёт, и слух идеальный, один раз услышит и уже поёт. Она даже после моего исполнения, без слуха и очень без голоса, и то может правильно спеть.

Олаф смотрел на меня и даже морщил лоб, пытаясь понять что-то во мне или для себя, но процесс проходил очень сложно, даже болезненно. Я посмотрела на Глеба, а он почему-то гордо улыбался. Наконец, Олаф встряхнул головой и сказал:

– Катя, я поражен.

От неожиданности я даже отошла на пару шагов, такая мощная энергия волной коснулась меня. Глеб сразу встал и повёл меня к столу, практически прикрывая своим телом. Но он не боялся Олафа, просто тоже ощутил поток этой энергии.

– Катя прости, Глеб я не ожидал, ты рассказал о Кате, но я не ожидал, что это так...

Он даже не смог сформулировать, что – так и как это – так, замолчал и снова глубоко задумался. Глеб держал меня за руку и слегка поглаживал пальцы, потом обнял и прижал к себе, мягко, но я ощутила его руки очень плотно. Так делают, когда подтверждают собственность: это моё, эта ценность моя. Олаф вскочил, но подходить к нам не стал, энергия от него была слишком сильной для меня, и он это понял, Глеб встал передо мной и опять прикрыл собой.

– Олаф, осторожней, Кате это слишком сильно.

Олаф сделал какое-то движение руками, и энергия исчезла, но глаза светились ярким синим цветом.

– Катя, я читаю мысли, ты действительно переживаешь за эту девочку-мутанта, за их любовь и ты бы ушла в сейф из-за них, себя бы с Глебом погубила, но пошла.

Глеб сильнее прижал меня к себе – не позволил бы, это он мне показал, что не позволил бы.

– Всё действительно так, жертвенность, то, что ты сама отдала свою жизнь Глебу. Таких я ещё не встречал. В твоих мыслях нет ни капли лжи, ни капли притворства, всё искренне, всё настоящее. Мне надо всё посмотреть, как происходил обмен, что было потом, как ты смогла выжить физически, прости, но твой человеческий возраст не позволяет тебя даже обратить, как ты смогла выжить, совершенно непонятно.

Неожиданно послышался голос Олега – странная способность, он как бы умудряется исчезать, растворяться в пространстве. У меня было ощущение, что он уходил, я его совсем не замечала с того момента, как появилась Лея, даже не помню его реакции на песню.

– Олаф, ты не знаешь ещё, что Катя нам сильно сочувствует и защищает. Виктора от рабства у Аарона спасла. А защищая меня тому же Аарону пощечину дала, не задумываясь, подошла и вlepила. Между прочим, в подругах у неё мутант четырехрукий и друг Али из внешнего круга охраны.

– Из внешней охраны? Глеб, она видела внешнюю охрану?

– Да он меня спас! Если бы не Али, то я уже давно умерла.

Ну и что, внешняя охрана, он же мне и отключил весь поток, я всем отдавала энергию, чуть всех не погубила.

Глеб улыбался и кивал головой, ему доставляло истинное удовольствие выражение лица Олафа. Он только сильнее меня прижал к себе, когда я возмутилась на слова про внешнюю охрану.

– Олаф, тебе лучше посмотреть на записи, проще будет понять. А выступление перед главами посмотри отдельно.

– Глеб, я не понял тебя.

– А что ты удивляешься? Катя у нас подвиги через день совершает, Глеб угрожает в сейф посадить, а она сама туда просится. Говорит: отдохните, пока я там посижу.

Неожиданно для меня Олег выдал это почти как Виктор, с улыбкой и иронией. Может это его мечта, на пару недель меня туда отправить, чтобы успеть с Аароном разобраться?

Олаф кивнул, видимо понимая, что мои подвиги со слов не понять, надо самому посмотреть. Он подошёл к нам, улыбнулся, взял меня за руку.

– Катенька, я пойду смотреть твои подвиги, мне придется забрать с собой Глеба, чтобы он мне объяснил некоторые моменты. Утром мы встретимся и сможем поговорить. Но подарок я хочу вручить сейчас.

Он достал из кармана костюма сложенный документ.

– Глеб, ты дворцы восстанавливаешь, поэтому я надеюсь тебе понравится небольшая крепость на севере Норвегии. Правда, я её уже восстановил по своему вкусу. Я очень на-

деюсь, что вам с Катей понравится.

И вручил Глебу документ. Крепость. Как раз для меня, на севере Норвегии. И далеко и крепость, и море вокруг. Северный Ледовитый Океан.

5

Утром я проснулась как от толчка. В комнате никого не было, вечером я отпустила Лею, не нужно меня охранять круглосуточно, Глеб в доме, Олег с Андреем, да и гость норвежский. Но меня что-то разбудило, я проснулась не сама. В дверь постучали, и вошёл Глеб.

– Привет.

– Привет. Как спалось?

– Хорошо. Как ваши дела, всё теперь обо мне Олаф понял?

Глеб рассмеялся и сделал такие глаза, что я тоже засмеялась. Приятно поразить такого, даже пока не знаю какого.

– Вы давно с ним знакомы?

– Лет сто. Он мне очень помог, я тогда по миру бегал, однажды к нему попал. Он отказался от живой крови раньше меня.

– А как это, тогда же не было институтов крови?

– Животные, верные слуги, он научился останавливаться, и они сами отдавали ему кровь. Никто не предал.

– А жена, ты её знал?

Глеб помрачнел, взял меня за руку, и молчал так долго, что я поняла, что говорить о ней он не хочет.

– Знал.

Не хочет говорить и не надо, какое мне дело до чужой жизни. Но потом какая-то мысль заставила его говорить:

– Она его не любила. Признавала его силу, богатство, но не любила.

Значит, поэтому и ушла. Сама захотела быть сильной, как Анна. Олаф нашёл её и полюбил, а она только приняла его любовь.

– Хочешь посмотреть подарок Олафа?

– Хочу, а когда мы сможем туда поехать?

– Разберусь с кланами, и поедем, скоро. Олаф тебя ждёт, я зайду за тобой через пару минут.

Пока я принимала душ и одевалась, всё время думала о трагедии Олафа. Это трагедия, настоящая. Таким как Олаф и Глеб очень важно осознавать, что их любит именно человек. Судя по отношению Глеба к Анне, она сразу перестала для него существовать как женщина, как только стала одной из них. Для Олафа тоже – она ушла всего скорее потому, что он не захотел с ней быть. А может быть, действительно сама ушла, захотела быть свободной и сильной. Глеб прав, не любила.

Глеб появился с букетом необычных цветов. Они были на коротком стебле, но яркие, многоцветные, даже лепестки на одном цветке были разного цвета. А пахли! Аромат

был несколько тяжеловатым, но необычным: немного апельсина, корицы, и ещё масса других незнакомых ароматов, соединённых воедино.

– И эта красота растёт в нашем саду?

– Нет, это Олаф привёз, но раскрылись они только утром, и он попросил меня вручить их тебе, как ты проснёшься.

– А почему сам не стал дарить?

Глеб косо на меня посмотрел, но потом улыбнулся, подошёл ко мне и обнял:

– В переводе с норвежского языка название этого цветка – поцелуй. Он сказал, что эти цветы дарит только муж, он их привез для меня.

Поцелуй. Действительно аромат поцелуя, страстного, нежного, робкого, властного, и ещё много какого. У нас получилось, поцелуй был достоин подарка Олафа. Глеб тихо рассмеялся.

– Кто отчитается перед Олафом?

– Придётся мне, ты же мне их подарил.

Ребра зажили, но на второй поцелуй Глеб не решился. Подождём.

Олаф сидел в столовой и что-то весело обсуждал с Олегом, они смеялись, и я поразилась, как Олег изменился за эту ночь. Передо мной был тот самый Олег, спокойный, умный и добрый. Жёсткость лица ушла, глаза светились.

– Доброе утро.

– Катя, доброе утро, прекрасно выглядишь.

– Доброе утро, Катя.

Они мне улыбались, но в глазах Олафа появилось что-то такое странное, что я понять не могла, а Олег смотрел на меня с улыбкой в глазах, как раньше.

– Олаф, спасибо тебе за букет, он нам понравился.

Так как я улыбалась, он понял, что я хотела сказать этими словами и тоже улыбнулся. Быстро встал с дивана и сел за стол, взгляд изменился, стал серьёзным.

– Катя, то, что я увидел, поразило меня, и это мягко сказано. Всё это могло произойти только с вами, именно такими, какие вы есть – ты и Глеб. Только такой как Глеб смог сохранить тебе жизнь, когда ты умирала, и только ты могла ему всё отдать и продолжать отдавать. Возможно, ты и дальше будешь подпитывать его энергией. Такого я никогда не видел, и думаю, больше никогда не увижу. Дело не в твоей крови, дело в тебе. Никакие анализы Самуила не смогут этого объяснить, как и то, как Глеб сумел удержать свою агрессию столько времени. Я думаю, он просто ждал тебя.

Он усмехнулся очень горькой усмешкой и не скрывал её. Глаза потемнели, но он справился и сразу улыбнулся.

– Я гематолог и врач, мы с Самуилом обсудили некоторые вопросы, и, пожалуй, найдём возможность продлить воздействие Али на тебя. Пока процесс непонятен. Ты береги себя, подвигов старайся не совершать.

Олаф рассмеялся неожиданно весело.

– Только посмотрев записи, я понял, что стоит за этим

словом. Действительно подвиги. Олег прав, подвиги надо чередовать с сейфом.

Ну вот, опять сейф, и этого умудрилась довести, одними записями, между прочим, а что, если бы он остался подольше? Сам бы посадил? Виктора нет, тот бы сказал свое веское слово – про магму, например. Ой, Олаф же читает мои мысли, по улыбке поняла – читает.

– Катя, я, пожалуй, посадил бы тебя в сейф в некоторых случаях, но Глеб прав, именно такая ты ему нужна, в сейфе ты быстро завянешь, как цветок без солнца. Даже иногда лишать тебя свободы нельзя – ты птица, которая в клетке не поёт. Ты та птица, которая ещё и других петь заставит.

Олаф улыбался, но эта улыбка опять стала горькой, а глаза невозможно тоскливыми.

– Я никогда даже представить не мог, что мутант может так петь, как эта твоя Лея. Только потом понял – она поёт, потому что с тобой рядом. Ты сама можешь петь и её научила, а научить можно только в свободе, с тобой она свободна. Я видел запись твоего разговора с ней, вчерашнего.

А вот об этом я опять забыла, что кругом камеры и они всё фиксируют, ну и пусть, я ни о чём не жалею.

– И правильно, что не жалеешь. Ты могла поступить только так и никак иначе, ты подтвердила её свободу при тебе. И ещё на один момент я обратил внимание, просматривая записи: ты не помнишь о камерах, ты естественна всегда, а это совершенно не свойственно человеку, так свобод-

но жить под постоянным наблюдением. Я с разрешения Глеба взял некоторые записи, мне нужно многое обдумать. Удивительно, но ты даже забываешь, кто мы по сущности, относишься как к людям. Это самое поразительное в тебе. Даже после того, что видела сама.

Значит, Глеб ему рассказал о Норе.

– Рассказал, я даже был у неё. Но, пожалуй, только ты можешь надеяться на то, что она останется жива, что Аарон будет бороться за неё, как Глеб за тебя и сохранит ей жизнь. Однако ты уже много чудес совершила, кто знает, может, ты и добьёшься своего. Мне нужно ехать, очень рад был с тобой познакомиться. Надеюсь, мы скоро увидимся, вы же приедете посмотреть свою крепость?

– Обязательно, я тоже рада была с тобой познакомиться.

Олаф встал и подошёл ко мне, обернулся на Глеба.

– Глеб, надеюсь, ты не убьёшь меня, если я обниму твою жену?

– Нет, тебе можно.

Олаф обнял меня, нежно, как младшую сестру, я ответила на его объятие, и мне было хорошо, очень спокойно. Глеб улыбался, и его глаза оставались спокойными, он был рад, что мы с Олафом понравились друг другу.

– Катя, я провожу Олафа, мы должны встретиться с некоторыми главами. Вернусь к ночи.

Глеб подошёл ко мне и обнял.

– Не скучай.

– Буду. Но отпускаю тебя. Прощай, Олаф.

– До свидания, Катя.

Они ушли, и мы остались с Олегом вдвоём. Он продолжал сидеть на диване и рассматривать меня, что и делал всё время моего разговора с Олафом.

– Олег, ты действительно веришь, что я могла принять клятву Аарона?

– Нет, но картинку он нарисовал очень правдивую – часть твоего разговора с ним он дополнил своей фантазией.

– Почему же вчера ты так сказал?

– Я спросил, но не утверждал, всё остальное ты додумала сама. Но дело не в этом. Находясь с Аароном всё это время, я ограничил для себя приём крови, частично. Вчера ты видела результат.

Вчера он был голоден. Я с ужасом посмотрела на него: все эти изменения физические и этот странный взгляд, жёсткий, которого я у него никогда не видела – это всё результат частичного голодания. А он держался, даже смог мне руку поцеловать и сидел весь вечер близко от меня.

– Я предупредил Глеба, но он посчитал возможным моё присутствие при тебе. Ты можешь не бояться, сегодня всё в порядке.

– Я тебя не боюсь, ты же знаешь. Но зачем ты это сделал?

– Мне нужно было всё вспомнить, заново всё осознать. Но полностью отказаться я сейчас пока не могу из-за Аарона. Хотя выйти он никак не сможет, я должен быть готовым.

– Ты будешь продолжать отказываться питаться?

– Да, какое-то время.

– Ты сказал, пока не можешь отказаться полностью, значит, ты предполагаешь это сделать. Зачем?

Олег долго молчал, опустив голову, но потом решительно посмотрел на меня.

– Ты заставила меня пересмотреть некоторые моменты моей жизни.

– Но ты можешь погибнуть!

– Нет, совсем меня отказ от крови не убьёт, лишь сделает физически слабым, таким как ты. Мне нужно это почувствовать, физическую слабость, понять ощущения. Вспомнить страх.

– Страх чего?

– Страх убийства из-за крови. Я должен заново его пережить. Вчера я ещё об этом не думал, хотя твоё присутствие меня уже начало волновать.

– Зачем ты мне это говоришь? Ты ничего просто так не делаешь, я что-то должна для себя понять?

– Ты должна нас бояться. Олаф прав, ты относишься к нам как к людям, а это совсем не так. Я всё пытаюсь понять, как Глеб при тебе держался, оставался один, без прикрытия. Иногда я вас сопровождал и видел, что он спокойно себя ведёт с тобой, хотя я представлял, каково ему, с его жаждой и агрессией. Вчера я тебе показал лишь самую маленькую часть нашей жажды, и ты её заметила. Но это не та жажда,

которая возникает при появлении человека, когда ты по-настоящему голоден, до слабости.

Олег прав, я всё время забываюсь и отношусь к ним как к обычным людям. Они все при мне держатся, никто никогда не показал мне своей жажды, никогда я даже случайно пакетика крови не видела.

– Олег, я вас не боюсь.

– Значит, тебе нужно увидеть Аарона сейчас, потом будет уже другой, спокойный, умеющий себя остановить. Он сможет, это только вопрос времени. Олаф ему многое рассказал, как с собой бороться, да и Самуил постарался.

– Олег, вы меня не тронете, я знаю, верю вам, а чужие меня не достанут никогда. Кругом охрана, личная даже появилась.

Олег мгновенно оказался рядом со мной и, рассматривая меня внимательным взглядом, спросил:

– А ты уверена в своей личной охране? Только не говори, что она тебе не причинит зла, ты её не знаешь, не имеешь представления о её способностях сейчас и тех, которые в ней могут проявиться.

– Я верю ей. Даже если в ней проявятся непонятные способности, она сможет сдержаться, я знаю.

– Ты этого не видела, и знать не можешь.

– Олег, Лею я не отдам, не отдам и всё.

Он также мгновенно оказался на диване. Подумал и позвал:

– Лея.

Она появилась почти сразу и осталась стоять у двери.

– Лея, скажи мне, как ты себя держишь в присутствии Кати, как ты чувствуешь её сердце и ток крови, не энергии, а крови.

Она молчала так долго, что я хотела уже подойти к ней, но она остановила меня жестом.

– Я чувствую всё сосуды, силу тока крови и биение её сердца. Когда я сыта, то держусь свободно. Голода здесь не было, настоящего.

– Ты сможешь себя удержать, если будешь голодна? Удерживать себя и защищать её от других?

Лея молчала.

– Ты не будешь принимать крови два дня.

– Олег, мне не нужна эта проверка...

– Мне нужна. Глебу нужна. Лея, тебе нужна?

– Да, мне нужна эта проверка.

– Свободна.

Лея исчезла. Олег спокойно смотрел на меня, ничего в нём не изменилось, а я сникла.

– Катя, только так ты сможешь понять нас.

– Олег, я не хочу вас бояться, не хочу и не буду.

– Ты должна понимать, что мы не всегда можем совладать с собой. Ты должна быть к этому готова.

Он усмехнулся и глаза потемнели.

– Лее это тоже полезно, понять себя и свои силы. Ты

не равняй всех с Глебом, вы оба явления уникальные, таких больше нет. То, что сделал Глеб – не сможет никто из нас, надеюсь, ты это поняла. Ты Андрея спроси, как он при тебе первые дни держался, он у нас самый молодой, неопытный. А Лея тебя совсем недавно рядом чувствовать начала, людей в школу никогда не допускают.

– Олег, мне действительно в сейф сесть придется, чтобы не провоцировать никого своим присутствием?

– Совсем не обязательно, да и Глеб не позволит, но помнить о нашей сущности и быть осторожной всегда.

Я тяжело вздохнула, мне было так хорошо и спокойно после приезда Олафа, а сейчас опять тревога и беспокойство.

– Олег, это невозможно совсем, да? Просто существование рядом?

Он долго молчал, опустив голову, но поднял неожиданно светлый взгляд.

– Исключения есть всегда, легенды у всех народов существуют. Вы с Глебом этому подтверждение.

Рассмеялся весело, даже подмигнул мне:

– Вы даёте нам всем такой шанс, которого не было никогда. Именно поэтому, Катенька, ты должна себя беречь, не лишай нас надежды, подумай о нашем возможном будущем.

И я поняла: если я выжила, не важно, каким образом, и если выживет Нора, а я за неё буду бороться, даже если придётся бить Аарона каждый день, то, может, у Олега с Викто-

ром тоже появится шанс встретить своего человека и не убивать его. Это та самая возможность существования двух миров, о котором я говорю, но имею в виду только нас с Глебом, а вдруг это действительно возможно? А вдруг я смогу помочь им на самом деле, всем им?

– Олег, ты же понимаешь, я сейчас тебе пообещаю всякого разного про безопасность, а завтра выкину фокус и буду считать себя совершенно правой.

– Ты просто начни иногда об этом думать, и Глеба не изводи.

Я тяжело вздохнула очередной раз, почти как Самуил. Кстати, а где он?

– Он опять уехал к Норе и Али. Не выдержал, и Глеб решил его лучше отпустить туда, чем слушать его страдания. Гений, ничего не поделаешь, с тобой всё хорошо, Олаф подтвердил твоё состояние, как устойчивое, пока.

– Ты так легко стал читать мои мысли?

– Их сейчас читать не надо, всё крупными буквами на лбу написаны.

– А Олаф, он тоже силён, как Глеб и Аарон? У него такая энергия, меня чуть не сдуло.

– Нет, физически он сильно уступает им, он даже слабее нас с Виктором, но только физически. Он умеет управлять энергией, и тут ему нет равных. И клан у него очень своеобразный. Глеб создавал клан Элеоноры, договорившись с ним, они не совсем подобны, но близки по задачам. Глеб

всех спасает, у кого позволяет агрессия, а Олаф – по энергетическим возможностям мутантов.

Олег опять улыбнулся, но она преобразовалась в жёсткую усмешку.

– Он сейчас некоторым главам популярно объясняет, что скоро переведёт сюда одну из своих школ, и чем это им полезно.

– Олаф сюда свою школу переведёт?

– Да, Глеб уже отдал ему один из своих укрепленных двorcов.

По усмешке Олега я поняла, что главы вряд ли сильно обрадуются идее Олафа.

– А они могут быть против?

– Могут попытаться, но твоё выступление произвело сильное впечатление на некоторых из них, я думаю, единства среди них нет, и школа будет создана. Да и Глеб веское слово скажет.

– Олег, я не поняла...

– Катя, тебе пока сложно понять какую революцию в умах ты произвела своей речью об отсутствии чуда в их жизни. Олаф вчера её три раза посмотрел. Некоторые записи он смотрел по пять раз.

Ладно, раз сложно понять, значит, и понимать не буду, а пять раз – что?

– Твои дни боли.

– Зачем ему, что они ему расскажут? Больно же было мне.

– Он пытался понять, почему ты потом не отказалась от Глеба и нас всех.

Мне было нечего ему сказать. И в голове пустота. Пусть изучает, будем надеяться, это кому-нибудь поможет. Не хочу думать о боли, я стараюсь вычеркнуть её из памяти, правда, пока плохо получается. Пойду смывать в бассейне тяжёлый разговор.

– Я провожу тебя.

– Ты будешь меня и в доме охранять?

– Пока не разберусь с Леей – да.

– Олег, я же в доме...

– Я надеялся, что ты хоть немного меня слушала.

– Хорошо, пусть будет так.

И весь день Олег ходил со мной и стоял у двери, пока я спала после обеда. Лею я не видела, хотела позвать, но потом передумала – пусть она пока сидит на диете, меня не видит, ей будет легче. Как всё страшно на самом деле, Олег прав, как и Глеб, человеку очень сложно рядом с ними, и им сложно рядом с человеком. Как соединить эти миры?

К ужину Глеб ещё не вернулся, и я сидела в столовой с молчаливым Олегом.

– Олег, а ты видел жену Олафа?

– Я с ней был знаком, пока она была человеком.

– И как она тебе?

Олег посмотрел на меня и неожиданно развеселился:

– Она подвигов не совершала, коллекционировала драго-

ценности и шубы. Очень красива, не уступала по красоте нашим женщинам.

– А зачем драгоценности, если ты в них выйти никуда не можешь?

– Ну, это ты не можешь как уникальный экспонат, она выходила в свет, чаще всего одна, без Олафа. Иногда с ним.

– А как она относилась к Олафу, она же знала кто он?

– Ей было вполне достаточно богатства и влияния Олафа. А сейчас она к этому добавила силу и долголетие.

– Но она же ушла от него?

– Олаф обеспечил её по контракту, ты у нас тоже богатая женщина.

– А почему Олаф так удивился, что я Али видела?

Олег смеялся долго и со вкусом, я даже не ожидала, что он так может смеяться.

– Никогда, понимаешь, никогда жена-человек ни у кого не видела внешнюю охрану, тем более с мутантами обниматься и учить песни петь. Это Глеб у нас тоже странный муж, только он мог додуматься тебе внешнюю охрану показать у Элеоноры и мутантов. А ты не испугалась, даже пожалела. Так что – легенды о вас уже написаны.

Я только рукой махнула, написаны, так написаны.

– А развод у них возможен, если она от него ушла?

– Брак аннулируется с момента обращения, она уже не человек.

– А ты был женат? Или гражданским браком?

– Был.

И опять это было сказано так, что больше ни о чём лучше не спрашивать. Был женат или гражданским браком? Что такое – был? Но по лицу件нятно, что больше я о его семейной жизни ничего не узнаю. Олег посмотрел на меня и позвал Лею. Но прошёл всего лишь день, вряд ли она изменилась за такой короткий период.

Изменилась. Лея встала у двери и опустила голову.

– Подойди ко мне, Катю обойди по периметру.

Лея шла вдоль стен и не смотрела на меня, движения слегка замедленные, как у Виктора, когда он был без сил у Аарона.

– Что ты чувствуешь?

– Голод.

– Как ты чувствуешь Катю?

– Ток крови по сосудам, громкое биение сердца.

– Пой.

Лея спела один куплет песни про рябину, и голос уже не был таким чистым и ясным.

– Достаточно, сейчас мы вместе подойдём к Кате.

– Олег, не нужно, ей же уже плохо.

– Ты боишься?

– Нет, но зачем её мучить?

Лея шла спокойно, но очень медленно, Олег шёл рядом с ней, шаг в шаг. Она встала передо мной и подняла на меня глаза. Бедная девочка, всего день, а она уже побледнела

и черты лица стали более жёсткими. Но стояла она совершенно спокойно, даже расслабленно. И взгляд оставался ясным. Неожиданно Олег ударил её, сильно ударил – она отлетела к стене и сразу встала, я даже не успела испугаться.

– Повторить.

Лея вернулась к нам, и походка стала увереннее. Взгляд изменился, стал жёстче, и в глазах появилась настороженность. Олег, конечно, успел её ударить, хотя она и пыталась увернуться, и она снова отлетела к стене.

– Повторить.

Лея вернулась уже мгновенно, как обычно двигалась по дворцу. Следующего удара Олега я даже не заметила, да и как Лея отлетела к стене тоже – она просто исчезла, встала у стены и мгновенно оказалась рядом со мной. Я успела лишь широко открыть глаза.

– Возьми Катю за руку.

Олег заметил, как я вздрогнула, и сразу спросил:

– Ты боишься?

– Нет, не боюсь.

Лея вся напряглась, глаза расширились, но она медленно взяла мою руку совершенно ледяными пальцами.

– Держи, отпустишь, когда я скажу.

Ну, зачем эта пытка? Лея уже превратилась в статую, глаза стали как два прозрачных озера, а лицо напряглось так, что, казалось, кожа лопнет. Но она удержалась.

– Свободна.

Лея медленно отпустила мою руку и улыбнулась.

– Молодец, девочка, ты справилась.

Олег мрачно на меня посмотрел, но ничего не сказал. Лея исчезла. Увиденное сильно на меня подействовало, зачем он её бил так сильно, она ребёнок совсем.

– Она не ребёнок, она очень сильный мутант. И это всего лишь один день, посмотрим, что будет завтра. Она потратила энергию, а крови не получит.

Тяжело вздохнув, я решила идти к себе, кто знает, когда Глеб вернётся. Олег пошёл со мной и уселся в коридоре охранять.

Глеб вернулся утром, когда я уже приняла душ и выбирала платье, хотелось чего-то светлого и яркого. За этим занятием он меня и застал.

– Привет

– Привет, когда ты вернулся?

– Только что, мы задержались в клане. Олаф передал тебе привет.

Приветом оказался интересный камень, разноцветный с чёрными прожилками, основным цветом был розовый.

– Это что за камень?

– Молодой родонит. Он счастье сохраняет, надо только у постели положить или под подушку.

Покатав камень в ладошке, я положила его под подушку, пусть сохранит счастье. Осталось в это счастье окунуться. Завернутая в полотенце после душа, я обняла Глеба.

– Я соскучилась.

Он сразу меня поцеловал в доказательство того, что тоже соскучился. Глеб поглаживал меня по обнаженным плечам, и эти движения заставили меня сильнее прижаться к нему, за что я сразу и поплатилась помятыми плечами. Но, кажется, ничего не сломал. Когда он меня отпустил, то сразу поднял руки и застонал.

– Что я сделал, у тебя будут синяки, тебе очень больно?

Глеб подхватил меня на руки и уложил на постель. Хорошо, что Самуил уехал, вот разговоров-то было. Плечами двигать совершенно невозможно, ещё и распухнут. Надо в воду, желательно холодную, в ванну.

Я лежала в ванне, практически замерзала, но припухлость проходила, пора вставать. Глеб вошёл с огромным полотенцем и достал меня из ванны. Даже не вздрогнув от его рук, я только посмотрела на него и сразу согрелась. Он завернул меня в полотенце и признался:

– Я в ту ночь, перед свадьбой, так боялся тебя, боялся, что тебе неприятны мои прикосновения, но в какой-то момент ты вдруг совершенно успокоилась, сердце забилося ровно.

– Тогда ты ощущал меня?

– Нет, только биение сердца.

А я-то тогда... вот и непонимание.

– Но я мечтал тебя чувствовать, твою кожу, твою мягкость...

Он тихо засмеялся:

– ...едва справился с собой, когда зашнуровывал тебе корсет.

– Да, как узелки развязывал, долго, я помню.

– А ты? Ты испугалась, когда я из ванны доставал тебя, сопротивлялась, но потом просто стояла и терпела мои прикосновения.

– Да я едва стояла, кипело всё внутри!

– А почему ты так неожиданно успокоилась?

– Я поняла, что всё только для свадьбы, для ритуала, а я для тебя только сосуд энергии.

Зачем я ему это сказала, он замер, и прижал меня к себе, но тут же отпустил, вспомнив о помятых плечах.

– Глеб, прости, но это так.

И как тогда, кипевший во мне огонь от его прикосновений угас. Он сразу это почувствовал и поднял моё лицо, но я опустила глаза и на него не посмотрела.

– Ты жалеешь, что вышла тогда за меня замуж?

– Нет, что ты, ни разу не пожалела, даже когда мы с тобой ругаемся я не думаю жалеть.

Подняла на него взгляд и увидела прозрачные глаза цвета льда. Почему? Из-за моего ответа?

– Ты меня никогда не простишь.

– Глупый, это было тогда, я даже помыслить не могла, что для тебя самого это важно, что ты на самом деле на мне женишься, а не просто безопасность обеспечиваешь.

– Ты мне не веришь.

– Я тогда тебе не верила, сейчас верю. А как я тебе могла поверить? Вы только меня спасали, и разговоры только о передаче энергии были. Ты сам не верил тогда, что я выжить могу, вот и женился, зная, что ненадолго.

– Это неправда. Я очень хотел, чтобы ты выжила, я сразу понял, что ты та самая и есть. В тот вечер, когда ты мелодию моря слышала.

Глеб потянулся ко мне, чтобы поцеловать, но тронул мои плечи, и я поморщилась от боли.

– Прости. Придётся мне уехать на несколько дней, чтобы у тебя зажили все повреждения от поцелуев.

– Ни в коем случае! Руки только уברי.

Я сама обняла его, наклонила голову и поцеловала. Глеб так и стоял, убрав руки за спину. Второй поцелуй за утро, уже достижение. Но Глеба такой вариант не очень устраивал, он всё-таки обнял меня, пытаясь не задеть плечи. Но второй поцелуй, это страсть уже разбуженная и удержаться ему не удалось. Я смогла только пискнуть, на большее у меня воздуха не хватило, благо, Глеб меня услышал и отскочил – я сразу стала падать в холодную ванну, но он невероятным образом успел меня подхватить у самой воды. Когда я отдышалась и смогла издавать звуки, то расхохоталась на весь дом:

– Глеб, это цирк, наши поцелуи, это цирковая гимнастика! Он страшно побледнел и отпустил меня, поставил на ноги.

– Прости.

– Глеб, ты не понимаешь, у людей так тоже бывает, я ни

за что и никогда не откажусь от твоих поцелуев, подумаешь, синяков пару штук наставил, это не страшно, зато у нас сегодня второй поцелуй за утро!

– И ты осталась жива.

Он сказал это таким тоном, что я поняла – это первый и последний второй поцелуй.

– Глеб...

– Я подожду тебя в коридоре.

Мы шли в столовую, и я пыталась ему доказать, что страшного ничего не произошло, в доказательство привела пример, как целовалась в молодости до синяков на губах. Глеб остановился на ходу и повернулся ко мне:

– С кем?

– Глеб, это сейчас уже совершенно не важно, прошло тридцать лет. Я даже не знаю, где он, всего скорее, женат и много детей.

Он смотрел на меня так, как будто я только что с кем-то целовалась за углом. Всё, ничего не буду доказывать и ничего объяснять, я обошла его и гордо пошла в столовую. Там сидел Олег и улыбался.

– Доброе утро, Катя.

– Доброе утро.

– Тебе перестали энергию давать, давай восстановим традицию.

Я только кивнула головой, Глеб мрачно сидел на диване и на меня не смотрел. Олег сел напротив и взял мою руку.

Энергия лилась по руке огненным потоком, и мне стало лучше, спокойнее. Надеюсь, синяки заживут, потому что плечам сразу стало хорошо, боль ушла. Олег опять мне улыбнулся.

– Теперь лучше, в обед добавим.

Он сел на диван рядом с Глебом. Зрелище занимательное – два гиганта на диване, только один мрачный как туча, а другой мило улыбается. Но внимательно на меня посмотрев, Олег позвал:

– Лея.

6

Я сразу заволновалась: как она себя чувствует, может не стоит так девочку, зачем Олег придумал это испытание. Но вспомнив наш вчерашний разговор, и снова почувствовав боль в плечах, решила молчать.

Лея вошла совершенно спокойно, выглядела она даже лучше, чем вчера. Бледная, даже очень, двигалась она спокойно, но не замедленно.

– Подойди.

Тон Глеба был таков, что войска должны были вытянуться в струнку, не говоря уже о тоненькой маленькой девочке. Лея пошла к нему прямо, очень напряженно, по спине было заметно, проходя мимо меня, она не обернулась. Я не увидела, что сделал Глеб, но Лея исчезла, а я лишь широко открыла глаза и неожиданно Лея прошла мимо меня из-за спины.

Она шла к Глебу так же спокойно, как и в первый раз. И так несколько раз – Лея исчезала, потом появлялась в разных углах столовой и опять шла к Глебу. Походка не менялась, спокойно, с напряжённой спиной, не оборачиваясь на меня. Глеб даже не смотрел на неё, он сидел, чуть опустив голову и, как мне казалось, даже не двигался, по крайней мере, никаких жестов я не успевала заметить. Олег смотрел на меня напряжённым взглядом, и я понимала, что он окажется рядом со мной, как только посчитает, что мне что-то угрожает.

– Подойди к Кате.

Лея повернулась ко мне, и я ужаснулась – казалось, глаз не было, чёрные провалы и лицо, обтянутое пергаментом. Она проявилась передо мной, и рядом уже стоял Глеб.

– Возьми за руку.

Всё произошло так быстро, что я не успела ничего понять, не говоря уже о том, чтобы заметить движения. Одно только я успела подумать – если она чуть двинется не так, он её убьёт. Но сама я двигаться не могла, вся закаменела, тем более подать руку. Но Лея сама медленно взяла меня за руку совершенно ледяными пальцами и замерла как статуя. Сколько эта попытка продолжалась, я не поняла, моё сердце колотилось о больные ребра и пыталось выскочить наружу, в голове шумело, и я перестала дышать. В лице Леи ничего не менялось, тот же провал вместо глаз и пергаментная кожа, на меня она не смотрела.

– Отпусти, пой.

Петь Лея не смогла, голос звучал хрипло, и мелодия не получалась.

– Свободна.

Наконец я смогла дышать. Я не боялась Леи, но изменения, произошедшие с ней, сильно на меня повлияли, сутки без крови, и она уже похожа на скелет и петть не может. Но держится, она на меня не смотрела, но её пальцы ни разу даже не вздрогнули, пожатие не изменилось. А как тогда держится Аарон? Эта мысль впервые пришла ко мне, и я с ужасом посмотрела на Глеба, который уже устроился на диване. Он удивлённо приподнял бровь, а Олег улыбнулся.

– Катя, вот видишь, зрелище Леи уже помогло тебе понять состояние Аарона. Лея организм растущий, ей мало надо, но часто, Аарону много, хоть и реже.

Показательное действие оказало на меня сильное впечатление, я совсем сникла – а что будет вечером? Беспомощно посмотрев на Олега, я встала и медленно вышла из столовой. Я просто шла по дворцу, совершенно бездумно, подходила к портретам, смотрела на них, но в голове не появлялось ни одной мысли, и я продолжала идти дальше.

А вот и зеркальный зал. В большом зеркале передо мной стояла усталая, задавленная жизнью женщина с потухшим взглядом. Куда делась счастливая влюблённая, которая положила камень родонит под подушку для сохранения счастья в доме? Я задумалась, как пройти в комнату-сейф? Я сама доставлю радость всем жителям этого дома. Лею накормят,

Аарона спасут, Олаф школу построит, а я буду песни разучивать для концерта и никому не буду мешать. На один вечер можно выйти без ущерба для обитателей на время концерта, а потом снова вернуться в безопасное место, для безопасности других. Тяжело вздохнув, я отвернулась от себя в зеркале, лучше не видеть этот ужас, надеюсь, в сейфе зеркала нет. Глеб стоял, опираясь на косяк, совершенно не характерная для него поза, как будто он устал, а он не устает никогда, значит я его довела. Я не стала подходить к нему, пошла дальше, он пошёл вслед за мной.

– Куда ты идешь?

– Я просто иду.

– Хочешь, я отнесу тебя в комнату?

– Нет, не хочу.

Я шла дальше, и не помнила, что Глеб идёт за мной. Действительно, куда я иду и зачем? Куда непонятно и зачем непонятно. Значит, остается только почему. Интересно, почему? Потому, что должна идти, я всегда должна идти, даже тогда, когда неизвестно куда и неизвестно зачем. Куда мы идём с Глебом? И идем ли. А зачем? Лея сегодня расставила все точки. Идти нам некуда. Мы можем только немного продлить своё совместное существование до тех пор, пока я жива, и пока меня кто-нибудь не достанет, даже не специально, просто потому что. Или случайно размахнётся, а я окажусь рядом, и меня не сдует насовсем. Как бы я не пыталась, у меня ничего не получится. Глеб даже не может поцеловать

меня так, как бы ему этого хотелось сделать, это тоже может закончиться для меня кардинально.

Лею сегодня Глеб многократно бил энергией, а она вставала и вставала, даже обескровленная, а при полном питании? Я её не боюсь, но сравнивать с собой даже не стоит. Маленькая девочка, юная девушка. Я их всех люблю, но мне места в этом мире нет, не предусмотрено законом жизни. Зря я не погибла тогда, не было бы так больно сейчас, когда я нарисовала себе надежду и шла к ней, стараясь не замечать ничего вокруг. Всё правильно, Глеб совершенно прав, закон должен быть одинаков для всех. Вопреки всему я выжила, но жить мне закон не даст. Не может серый кролик жить среди тигров, а тем более любить тигра и заставлять любить себя. Я тот самый серый кролик, которого некоторые тигры пытаются защитить от других тигров, но кролик среди них всё равно не выживет, по закону, по определению. Да и жизнь кролика слишком коротка по сравнению с жизнью тигров, стоит ли ему за эту короткую жизнь бороться и портить жизнь тиграм? Пусть живут по своим законам и рассказывают легенды о бесстрашном сером кролике, который пытался жить среди тигров.

Я не заметила, что уже сижу на коленях у Глеба, и он качает меня как ребёнка. Он пытался меня целовать, но я никак не отвечала его губам, даже не замечала их. Я превратилась в «ничто», мое ничто думало о своём и не хотело ничего видеть и слышать. И мое «ничто» ничего не хотело. Зачем?

На этот вопрос ответа у моего «ничто» не было. Появился Олег, долго держал меня за руку, но я ничего не чувствовала, моему «ничто» ничего не нужно. Потом меня отнесли в комнату и положили на кровать, мне было всё равно, «ничто» может лежать везде, место тоже не имеет значения. Появился Андрей, тоже держал меня за руку, и моё «ничто» никак не отреагировало на него. Бедный мальчик, как я ему испортила жизнь, чуть не погубила. Но теперь будет всё хорошо, «ничто» не может длиться вечно, оно – «ничто». Я погладила ему руку, улыбнулась, он весь вострепнулся, но я больше ничего не сделала и его взгляд потух.

А потом я заплакала тихими горькими слезами, это были слёзы обиды, тихой безнадёжной обиды на все усилия, потраченные зря, на своё непонимание закона природы. Глеб обнимал меня, что-то говорил, но мое «ничто» не слышало ничего кроме своей обиды, слёзы лились и лились. Моему «ничто» стало легче, когда вылились все слёзы, и я улыбнулась Глебу. Он обрадовался, что-то мне говорил, но мне было всё равно, ответа на вопрос «зачем?» я в его словах не услышала, я вообще ничего не слышала. «Ничто» не хотело ничем заполняться пока не получит ответа на вопрос «зачем?». Пришла Лея, тоже держала меня за руки, что-то говорила мне, но моё «ничто» не приняло и её, я ей улыбнулась, но слов не поняла. На меня надели какие-то драгоценности, они были очень тяжёлыми и давили, мне было неудобно, но я терпела, им же хотелось это сделать, пусть будет. Так я и ле-

жала, вся в драгоценностях, а они стояли рядом и не понимали меня, моё «ничто». Глеб взял меня на руки и опять стал качать как ребёнка и прижимать к себе, целовать и что-то говорить. Я слушала его, пыталась понять, но мое «ничто» так и не находило ответа на вопрос, и я сразу забывала все слова. От слёз, тёплых рук Глеба я уснула.

Мое «ничто» не хотело просыпаться, но кто-то сильно тряс меня за плечи, и они болели. Наконец я открыла глаза и увидела Самуила. Он смотрел на меня страшными глазами и тряс за плечи.

– Самуил, мне больно, не тряс, больно, пожалуйста.

Услышав меня, он не сразу остановился, только когда я стала сопротивляться его рукам, тогда отпустил.

– Катенька, девочка моя, с Леей всё хорошо, со всеми всё хорошо, что случилось, скажи мне. Ты даже ни слова не сказала, молчала всё время, только плакала, что случилось? У тебя всё нормально с энергией, ты никому не отдаёшь и ни у кого не берёшь, просто плачешь, скажи мне, кто тебя обидел? Глеб? Олег? Для Леи это не страшно, она же мутант, очень сильный мутант. Это даже ей полезно, определить возможности физические, мы это делаем в школе, они все выживают, мы же не монстры какие, всё под контролем, Андрей за ней наблюдал, помогал ей всё правильно пережить. Катенька, дорогая моя, хоть слово скажи.

– Самуил, всё хорошо.

– Что хорошо? Тогда почему ты молчишь и плачешь?

Не хочешь говорить никому? Мне скажи, я никому не скажу, я Глебу ничего не скажу, но скажи что-нибудь.

– Мне нечего сказать. Всё хорошо.

– Может, у тебя где болит? Мне Глеб только про плечи сказал, может он тебе ещё где больно сделал, ты скажи мне, я всё вылечу. Он не подойдёт к тебе никогда, никогда не делает больно, ты его прости, он любит тебя, он не может без тебя, ты его прости.

– У меня нигде не болит, всё хорошо. Глеб ни в чём не виноват.

– А кто виноват? Почему ты молчишь?

– Я не молчу.

– Это Олег виноват, нельзя было тебе это показывать с Лейей, зря он так, ты человек, ты это не можешь понять, нельзя, вот ты и не выдержала, я ему уже сказал, что зря он так с тобой...

– Самуил, он не виноват, он прав, и Глеб прав. Я не права.

– В чём ты не права, девочка, в чём ты можешь быть не права? Ты самая лучшая и удивительная в мире, таких нет, ты во всём права...

– Нет, Самуил, я не права, во всём, я знаю.

– Да скажи, в чём, в чём ты не права! Я тебя совсем не понимаю, что случилось, пока меня не было, Наташа как закричит, немедленно езжай, спасай, она одна, совсем одна, ей плохо, убьёт себя! Я даже не поверил ей сразу, как ты можешь быть одна, ты одна никогда не бываешь, просто не мо-

жешь быть одна. А она всё кричит, одна, совсем одна, спасай! Я уже ехал, когда Глеб мне позвонил. Катенька, скажи мне, почему одна, как ты можешь быть одна?

– Я одна.

– Катенька, девочка моя, как ты можешь быть одна, мы все рядом с тобой, Глеб и все, ты никогда не будешь одна, о чём ты говоришь, это неправильно говоришь.

– Самуил, я одна, Наташа правильно сказала. Вот и ответ.

– Какой ответ, что такое одна, я тебя не понимаю, почему?

– Не – почему, а – зачем.

– Что такое зачем? Катенька, расскажи мне всё, я тебя прошу, я не понимаю, совсем не понимаю.

– Всё правильно, одна, вот и ответ на – зачем.

Стремительно зашёл Глеб и опустился передо мной на колени.

– Ты не одна.

Я улыбнулась ему и погладила по щеке. Если бы у меня оставались слёзы, то от них мне было бы легче, но слёз уже не было.

– Ты ни в чём не виноват, ты есть, я знаю, но я одна и ничего в этом уже изменить нельзя, всё правильно, ты прав, и вы все правы.

– Катенька, скоро Нора поправится, ей уже совсем хорошо, вы будете вдвоём, две женщины-человека, тебе будет совсем хорошо. Она терпеливая, уже в сознание приходит, терпит всё, даже когда очень больно, терпит, всё делает, что ска-

жу, она русский знает немного, я её учить буду, когда ты приедешь к ней, ты увидишь, она хорошая, тебе понравится.

– Она хорошая, я знаю. Но я всё равно одна. Нора для Аарона, закон.

– Ты для меня, а я для тебя, ты не одна, нас двое.

Горько улыбнувшись, я опять погладила его по щеке, прошла пальцами по губам, он попытался их поцеловать, но я убрала пальцы.

– Мне жаль, ты не представляешь, как мне жаль, я даже поверила на какое-то время, но я ошибалась.

– В чём ты ошибалась? Расскажи мне, я пойму, я всё сделаю, только скажи.

Глеб смотрел на меня совершенно чёрными глазами, и я прикрыла их рукой, не могу на них смотреть, люблю я синеву, небесную синеву. Он понял, почему я их прикрыла, и застонал от бессилия, опустив голову. Как он это сделал, что он смог подумать и так в это поверить, чтобы поднять на меня свои синие бездонные озера?

– Прости меня, я не смогла, я долго верила, я думала, что смогу, но не смогла.

– Что ты не смогла? Девочка моя, что ты не смогла? Скажи Глебу, только не молчи.

Но я не могла ничего больше сказать, слов не нашла. Как объяснить им, что нет мне места в их мире, его никогда не было, это только я со своей наивностью и безоглядной любовью могла поверить, что у нас может быть жизнь, что мы

сможем их объединить, эти два мира, наших мира. Я только вздохнула и провела пальцами по его губам, но убраться не успела, он их прижал рукой и поцеловал.

– Я тебя не отпущу, никуда не отпущу, не отдам твоей пустоте. Запомни навсегда – я с тобой, мы вместе, ты и я. Если не веришь ты – верю я.

Глеб меня понял, всё понял, только ничего сделать не сможет, верить надо вдвоём, одному не справиться. Но он был уверен, совершенно уверен в себе, в нас. Таких синих глаз не может быть в сомнении, они не лгут, просто им это не дано.

Он взял меня на руки и властно приказал:

– Андрей, машину, сопровождение. Олег с нами.

В бассейн Глеб меня бросил вместе с одеялом, я чуть не утонула, пока выплывала из-под него, а он стоял и смотрел на меня. Когда я, наконец, выбиралась из бассейна, он подал мне руку и сказал, произнося каждое слово очень чётко и жёстко:

– Я тебя не отпущу. Никуда, никогда. Даже не пытайся ничего придумать.

Глеб одевал меня сам, не позволил ничего, сопротивляться было просто бесполезно, да я и не успевала. Только когда уже шубу надевал, вдруг обнял и прошептал:

– Мы двое, навсегда вместе. Ты никогда не будешь одна, я с тобой.

От скорости купания, передвижения и одевания я ничего

не понимала, но догадалась кивнуть. Попыталась спросить, куда мы едем, но голос меня не слушался, и я только на него вопросительно посмотрела:

– В гости.

Машин было много, сосчитать я не успела. Глеб меня посадил рядом с собой и сам закрепил ремень, значит истребитель, интересно к кому мы на такой скорости поедём? И вдруг совершенно неожиданно для себя я развеселилась: вот что думают простые обыватели, когда мимо них несётся столько огромных чёрных машин на такой скорости? Все-го скорее – мафия, у правительства на такие машины денег не хватит. И полиция даже не пытается нас остановить, тоже думает, что мафия. А Глеб глава мафии и я с ним.

– Прости меня. Я действительно...

– Ты права, бороться надо вдвоём. Я был просто счастлив, я тебе не помогал, не понимал тебя. Теперь бороться буду я, даже если ты мне не веришь.

Я смотрела на него и пыталась поверить, но слишком во мне ещё много оставалось от моего «ничто», и я ничего не смогла ему сказать, только тяжело вздохнула.

– Ты не обедала, заедем в одно место. Тебе там понравится.

Есть не хотелось, но я кивнула. Это был небольшой ресторанчик по дороге и машины сопровождения встали вокруг него так, что казалось, будто ФБР или ЦРУ проводят задержание опасного преступника. Глеб, видимо, предупре-

дил о нашем приезде, потому что в ресторанчике никого не было кроме хозяина, встретившего нас у входа. Он широко и радостно нам улыбался, говорил торопливо, но не подбострастно. Мы вошли вдвоём с Глебом, никто, даже Олег не пошёл вслед за нами.

Маленький, очень уютный ресторанчик, чистенький, с небольшими букетами цветов на столиках из настоящего дерева и стулья, а не скамейки. Хозяин сразу принёс большой поднос с полными еды блюдами. Я с ужасом посмотрела на Глеба: я, конечно, не Дюймовочка, но столько мне не съесть за неделю. А хозяин радостно улыбался, показывал мне на блюда, рассказывал что-то и весь светился от возможности меня накормить. Глеб устроился напротив, одним взглядом остановил хозяина и тот ушёл. Всё было очень вкусно, так вкусно бывает только тогда, когда готовят для своих и радостно. Судя по поведению хозяина, готовил он радостно.

– Ты его тоже от мафии спас?

– Спас, они в Италии везде, проезжал мимо, смотрю – бьют, решил помочь. Он знает, кто я, видел, как с мафией разговаривал.

– Теперь ты его охраняешь?

Глеб засмеялся, но ответил серьезно:

– Нет необходимости, проезжая мимо, я останавливаюсь иногда, для местных этого достаточно.

Ну да, на улице сейчас такое представление, местной ма-

фии надолго хватит.

– К кому мы едем в гости?

– Это человек, женщина.

Интересно, я удивлённо подняла на него глаза. К женщине, человеку, мы едем с таким сопровождением и с такой скоростью?

– Мы едем во Францию, там чужая территория. Скоро граница, но мы пограничников обойдём, не переживай, у нас свои дороги.

Вот и Францию посмотрю. На скорости истребителя и за тонированными до черноты стёклами.

– Мы пойдём на бал, ходим в гости и пойдём на бал.

Бал? Какой бал? Я никогда не ходила на балы. Тем более во Франции, там же всякие богатые и знаменитые, мне надеть нечего, да и не знаю я как себя вести на балу. Глеб рассмеялся, опять у меня все мысли были написаны на лбу яркими красными буквами.

– Платье тебя уже ждёт, у Инессы там есть свой салон. Я хотел поехать немного позже, через неделю.

А я своими рыданиями и молчанием заставила выехать раньше, но у него уже всё готово, даже платье для меня пошито.

– Глеб, я не знаю... не надо думать, что я прошу у тебя балы и развлечения. Я сама не понимаю, почему это всё произошло со мной.

– Я знаю.

Но не стал объяснять, только посмотрел пронзительно и протянул зажигалку. Я курила и смотрела на него, понимала, что во мне ещё дрожит истерика, и я плохо воспринимаю действительность.

Границу я не заметила, Глеб не предупредил меня, что мы, мол, границу пересекли, и я так и не поняла, когда мы оказались во Франции. Глеб неожиданно остановился, предложил мне лечь на заднее сиденье и поспать там. Практически всю Францию я проспала.

Это была не моя постель. Не сразу я осознала, что лежу уже не в машине, а на кровати, очень мягкой и очень большой. В окна светило солнце, и я поняла, уже утро. В комнате не было никого, только из-за двери слышались приглушенные голоса. Вся мебель была белой, стены отделаны светлым гобеленом, с изображениями павлинов и других экзотических птиц. У одной из стен стояло нечто, напоминавшее трюмо, только значительно больше и сложнее по конструкции, но функция ясна – предназначена для наведения красоты с массой косметики на полочках. В комнату вошёл Глеб.

– Привет.

– Привет, как отдохнула?

– Хорошо, а сейчас утро?

– Утро, к твоему распоряжению ванна, бассейна здесь нет, гардеробная и завтрак на столе.

Ух, ты, вот это гардеробная, совершенно по требованиям французских женщин – много всякой одежды и обуви, сумо-

чек и шубок. И это всё для меня? Мы что, во Францию навсегда? Я поняла, что такими темпами рассмотрения нарядов я не оденусь и к ужину, поэтому, закрыв глаза, выбрала первое попавшее под руку платье и надела. Оказалось, кремовое с коричневой отделкой. Из косметики я ничего даже не пыталась рассмотреть, просто постояла перед зеркалом, чтобы иметь представление, как выгляжу. Для такой дальней дороги очень даже хорошо. Для возраста тоже.

В соседней комнате, совсем небольшой, на двух диванчиках сидели Глеб и Олег. Вдвоём на одном диване они бы никак не поместились. Мне даже показалось, что они себя чувствуют неуютно от скромных размеров комнаты.

– Доброе утро, Олег.

– Доброе утро, Катя, как спалось во Франции?

– Не хуже, чем в Италии, надеюсь, я не спала неделю?

Оба рассмеялись, и напряжение, которое я чувствовала в присутствии Олега, спало.

– Нет, ты проспала всего ночь.

Уже хорошо, всё в норме. Теперь завтрак и гости, а может платье посмотреть? Нет, лучше сразу перед балом, вдруг Глеб ещё передумает идти на бал. Но он не передумал:

– Платье на бал доставят за два часа до начала.

Завтракала я круассанами, настоящими французскими. А кофе плохой, жидкий и невкусный.

– А мы долго здесь будем жить?

– Тебе что-то не нравится? Три дня.

– Кофе очень плохой.

Они вдруг дружно рассмеялись, и Олег признался:

– Я Глеба предупредил: кофе тебе не понравится, но он решил угостить тебя парижским кофе. Хочешь, я чай приготовлю?

– Конечно, очень хочу.

Олег исчез готовить чай, а Глеб подошёл ко мне и сел за стол. Он смотрел на меня и улыбался, глаза светились яркой синевой.

– Катя, сегодня у нас посещение графини Русиной Елизаветы Павловны, она потомок древнего рода из России. Очень интересная женщина, ей скоро восемьдесят лет, и она давно просила меня познакомить с тобой. Именно твоему приезду посвящен бал.

– Глеб, а как, а гости будут? Кроме нас?

– Русские и французы. Она любит устраивать балы, но, чтобы попасть к ней, нужны очень серьёзные рекомендации.

Он весело засмеялся, рассматривая мое удивлённое лицо.

– Не переживай, нас только представят, больше мы гостей интересоваться не будем.

– А ваши там будут?

– Да.

Я напряглась, но он ответил спокойно, в его глазах ничего не изменилось:

– Никаких сложностей у меня нет с местными кланами, кое-кто был на нашей свадьбе, и я никогда не вступал с ни-

ми в конфликты из-за территории. Ты здесь защищена мной, графиней и несколькими кланами.

И опять засмеялся:

– С графиней местные кланы не будут ссориться даже ради тебя.

– Она человек и её боятся кланы?

– Уважают, её сыновья возглавляют самые сильные кланы.

И сама она тоже не простая женщина. Лиза очень талантли-
вый вирусолог, всю жизнь вирусом занималась. Самуил счита-
ет её единственным специалистом такого уровня.

– А как получилось, что она человек, а её сыновья...

– Её старшего сына, а их у неё трое, насильно обратили
в детстве и продали в клан. Она сама обратила младших, они
нашли своего брата, а потом создали свои кланы.

Олег принёс чай, и я с удовольствием выпила две чаш-
ки. Он был страшно доволен. Рассказ Глеба произвёл на ме-
ня сильное впечатление. Удивительная женщина, но как она
смогла, сама обратила собственных детей и как теперь с этим
живет? Я вздохнула тяжело и отвела глаза к окну. А я? Она
боролась и до сих пор борется, сама их в этот мир привела
и живет с ними в одном мире.

– Поедем?

Оказалось, Глеб уже стоит рядом со мной и держит меня
за руку.

– А как к ней ехать, может надо как-то одеться подобаю-
ще?

– Она очень демократичная особа.

Особа? Это он о графине? Ладно, какая есть, такая есть.

Во дворе стояла шикарная чёрная машина, нечто среднее между лимузином и джипом. Олег сел на место водителя, а мы с Глебом сзади. В машине Глеб сразу взял меня за руку, а потом обнял и нежно поцеловал. Утренний поцелуй.

Окна в машине оказались не такими тонированными, и я любовалась улицами Парижа. Все куда-то шли, толпа как в обычном большом городе, даже Эйфелева башня казалась не такой уж и большой, а вот дома очень красивые. Мы выехали за пределы города и понеслись по трассе. Правда просто быстро, видимо, машина была без мотора истребителя, или полиция здесь другая.

Дом графини стоял на берегу небольшого очень живописного озера, вокруг росли берёзы, почти роща. Сам дом выглядел как усадьба помещика в центральной России: два этажа, колонны у входа и львы на ступеньках. Как будто я попала в среднюю Россию девятнадцатого века. Но хозяйка этого поместья, встречавшая нас на ступеньках лестницы, выглядела как современная француженка – в шубке, джинсах и футболке. Ей можно дать не больше шестидесяти лет: высокая, костистая, с короткой стрижкой, совершенно седыми волосами и милой улыбкой.

– Здравствуй Катенька, Глеб, я тебя когда просила приехать, а ты?

– Здравствуйте, Елизавета Павловна.

– Здравствуй, Лиза.

– Какая я тебе Елизавета Павловна? Ты что, умом тронулась, меня так никто по жизни не называл, ещё чего, я как была Лизка, так и осталась. Запомни.

И тут же обняла меня и крепко прижала к себе.

– Ты Глеб иди, там тебя мои пацаны заждались, чего-то они хотят от тебя, а мы в саду погуляем, посплетничаем.

И сразу повела меня в сад. Это был настоящий помещичий сад, с фруктовыми деревьями, большими дубами и берёзами, аллеями и беседками. Даже оказался небольшой водопад среди ивовых кустов.

К одной из таких беседок Лиза меня и повела.

– Давай здесь посидим, у меня тут глушитель установлен, чтобы не подслушивали, а то поговорить невозможно, всё ведь, паразиты, слышат. А Глеб твой ещё тот, с ним ухо надо держать остро, непростой.

Рассматривая её, я поражаюсь этой женщине, обычной человеческой женщине, которая не просто живёт в этом их жутком мире, не защищается от него – она им управляет. Лиза вдруг улыбнулась мне доброй, даже ласковой улыбкой, вздохнула и попросила:

– Расскажи мне девочка всё, как ты сама думаешь, не как они хотят, чтобы ты думала, а как ты сама всё видишь.

Я даже не знала с чего начать своё повествование. Поверила ей сразу, доверяла полностью, совершенно непонятно почему, может из-за своей вчерашней истерики, а может гла-

зам поверила вдумчивым, женским, человеческим.

– Ты не думай, иначе не то скажешь, ты просто с первого дня мне всё Расскажи.

И я ей всё рассказала с первого дня, с санатория. Она слушала меня очень внимательно, иногда просила что-то рассказать подробнее, иногда наоборот, просила пропустить, видимо была в курсе. Когда я в своём рассказе коснулась Норы, Лиза не выдержала, вскочила и стала нервно ходить по беседке.

– Ты посмотри, как повезло этому мерзавцу, бывает же такое... ты посмотри, этому гаду и так повезло.

– Почему гаду, Лиза, он мне очень помог, если бы не он, я бы не выжила, и камни Вавилона он мне подарил.

– Что?! Он тебе дал камни? Давай подробно, я чего-то не понимаю.

И я рассказала всю историю с потерей эмоций, камнями, и даже о поцелуе. А потом о своём беспамятстве, восстановлении, историю с Норой и отказе Аарона от живой крови. А вот этого Лиза ещё не знала, по лицу стало ясно, она сильно побледнела и даже осунулась.

– И что, держится?

– Пока да, Олег сказал, что он сможет, это только вопрос времени.

Какая-то своя тяжёлая мысль угнетала её, и решение Аарона как-то было с этим связано. Но она тряхнула головой и бодро спросила:

– А Нора эта, что она из себя представляет?

Когда я всё ей рассказала, как мы её нашли и в каком она сейчас состоянии, Лиза даже взмахнула руками.

– Глеб точно сошёл с ума! Я всегда знала, что он странный, но чтобы тебя туда везти, да чего же он думал, нормальная сразу бы свихнулась, должна была. Как ты смогла?

И тут я рассказала о шубе, что выбросила её из машины, чтобы Глебу было легче. Реакция была совершенно неожиданной для меня. Лиза бросилась ко мне и стала обнимать, в глазах даже слёзы появились.

– Ну, я скажу Глебу, я ему бошку-то отвинчу, и где он такую нашёл...

Неожиданно резко успокоилась и взяла меня за руки.

– А ведь ты его любишь, как человека любишь.

– Люблю, только ничего у нас с ним не получится.

Тут слёзы хлынули у меня из глаз, и я рассказала всё: про Лею, песни, стихи, и свою истерику. Я выпустила из себя все сомнения и страхи, которые мучили меня в последнее время, и никак не могла успокоиться, слёзы всё текли и текли, а я только всхлипывала и утирала их платком, который мне подала Лиза. Она обняла меня и стала гладить по спине, тихонько приговаривая:

– Дурак, вот дурак, мир таких не видывал, как он тебя не понял, как же ему повезло, моим бы так, я уже не знаю, что с ними делать.

Потом отодвинулась от меня и заглянула в глаза.

– Ты его тоже постарайся понять, они ведь не совсем люди... твой Глеб ещё хорошо держится, человеческое смог сохранить. Как он смог, я не знаю, все, кто как он в агрессию впадали, не удерживались никогда. Да и записи я видела, как у тебя всё было, этого он точно себе никогда не простит, он Сару до последнего спасал и так всё время и помнил её, а ты выжила, да ещё так. Не знаю. Я бы сама тебя глубоко в пещере спрятала под большим замком, только кормила да иногда на солнце посмотреть выводила. Любит он тебя, как женщину любит. Повезло дураку на старости лет. Другой бы ни на что не посмотрел, энергия есть и хорошо, пришёл, подпитался и снова под замок. А ещё лучше... ладно, не будем об этом. Ты его прости, но себя в обиду не давай, их в крутых руках держать надо. Гнилые у вас там, в Италии, кланы, Глеб их и так, и сяк, вырезал уже половину, а они опять... как Аарон, ну, посмотрим, может и поумнеет с голода. Ты сможешь Нору от него защитить? Если что, ко мне посылай, у меня отсидится, ко мне он не сунется, а потом что делать мы с тобой вместе подумаем.

– Её Самуил лечит, да и Наташа сильно помогает, энергию передаёт.

Пришлось мне и про Наташу с Али рассказать. Удивлению Лизы не было предела.

– Ну, ты и наделала делов, мутанты, внешняя охрана, а что? Надо подумать, а я удивляюсь, чего это Самуил мне не звонит, а он научным открытием занимается.

Она резко обернулась, посмотрела куда-то и засмеялась.

– Глеб никак не успокоится, всё вокруг ходит, переживает за тебя. Ладно, мы с тобой на балу ещё поговорим, ты здесь и останешься, платье Инесса сюда привезёт, я уже ей сказала. Пойдём, не будем больше Глеба нервировать.

Мы вышли из беседки, рядом со мной сразу появился Глеб и обнял меня:

– Почему ты плакала?

– И он ещё спрашивает, довёл до... потом отдельно скажу. Катя, идите в дом, ты проводи её, а сам приходи, я пока подумаю.

Глеб медленно повёл меня в сторону дома и ничего не спрашивал, просто шёл рядом и молчал. На границе сада, совсем рядом с домом, он остановился и нежно меня поцеловал.

– Не плачь.

– Не буду, всё хорошо.

Он кивнул, ещё раз поцеловал и повёл в дом. Олег стоял у входа и смотрел на нас, он улыбался, но глаза были серьёзными, даже грустными.

– Катя, тебя ждёт торжественный обед.

– А Лиза?

– Она редко ест, говорят, вчера уже ела.

Мой немой вопрос так и повис в воздухе, Олег рассмеялся.

– Она человек, только много экспериментировала над ви-

русом, кровью не питается.

Глеб вздохнул и сказал Олегу:

– Лиза позвала меня поговорить.

Олег кивнул и подал мне руку.

– Пойдём, заодно энергии немного возьмёшь, надеюсь.

Внутри дома было как в музее. Музей усадьба такого-то помещика или писателя XIX века. Светлая мебель, только изготовлена из дуба, по тому, как я не смогла отодвинуть стул, отделка стен ситцем в яркий цветочек, тюли, шторы, зеркала, картины, всё в соответствующем стиле. В центре гостиной стоял круглый стол и на нём сервировка человек на пять. Я посмотрела на Олега.

– Ещё будут гости? В смысле люди?

– Это всё для тебя.

Всё приготовлено по русским традициям, то есть разнообразно и много. И в центре графинчики с водкой и наливкой. Напьюсь. А бал? На бал нельзя в пьяном виде. Олег наблюдал за мной, как я обходила стол по кругу и рассматривала еду. Странно, но есть я не хотела совсем. Всё смотрелось ярко и вкусно, но я даже огурца не взяла.

Олег подошёл ко мне и взял за руку. Так мы и стояли у стола, заполненного едой, а я получала чистую энергию из рук Олега. Волна горячим потоком прошла по мне и взорва-

лась в голове, я даже ослепла на пару секунд, хорошо, что Олег поддержал меня, чтобы я не упала.

– Всё хорошо, держись. Сейчас всё пройдёт.

Действительно прошло и мне стало лучше.

– А теперь ешь, скоро бал, там кормить не будут, только танцы, тебе нужны силы.

– Где будет бал, неужели здесь?

– За домом большой отдельно построенный зал, его уже украсили.

Потихоньку я набрала аппетит и перепробовала много вкусов из русской кухни. Особенно хороши были различные пирожки. Глеба всё не было, интересно, о чём они говорят? Сложно Лизе, у неё проблемы с сыновьями, уж слишком сильно отреагировала на сообщение об отказе Аарона от живой крови. Но уже хорошо, что она предложила защиту Норе, действительно, мало ли что, можно будет её к Лизе отправить.

Олег сидел на широком диване, странно смотрел на меня и этот взгляд меня тревожил. Наконец, он заговорил:

– Я виноват перед тобой.

– Нет, Олег, ты совершенно прав, я не понимаю, не понимаю вашего мира. Я оказалась слишком слаба, чтобы его понять.

Он усмехнулся и покачал головой.

– Неправда, ты много сильнее нас. Никто не смог бы так как ты существовать с постоянным ужасом, каждый день,

изо дня в день. И в этом ужасе находить человеческие отношения.

– Я не живу в ужасе. Вы всегда хорошо ко мне относились. Всё могло быть значительно страшнее, как раз именно вы относитесь ко мне по-человечески.

Олег опустил голову и, не поднимая глаз, спросил:

– Ты должна ненавидеть меня за Лею как человек, но считаешь, что я прав, почему?

– Ты много раз пытался мне объяснить, что я не знаю вашего мира, а я тебя не слышала, значит, надо показать. Ты показал, поэтому ты прав.

– И ты решила, что ты слаба?

– Я поняла, что моих сил не хватит, зачем бороться, если всё равно ничего не получится.

– У тебя уже получилось. Ни у кого не получалось, а у тебя получилось. Ты уже добилась того, что у нас у всех изменилась жизнь – она стала жизнью, а не борьбой за существование. А вот и Глеб, даже не сильно помятый.

Вошёл Глеб и сразу подошёл ко мне.

– Как ты?

– Хорошо, сыта едой и энергией.

– Привезли платье, девушки уже в комнате, они тебе помогут одеться. Олег, есть разговор.

Олег кивнул и остался сидеть, а Глеб провёл меня на второй этаж.

– Я зайду за тобой перед балом.

Сколько времени осталось до бала, мне никто так и не сказал, поэтому просто подождём. Просто не получилось – в комнате уже ждали четыре девушки, не говорящие на русском, поэтому со мной никто особенно не церемонился. Меня уложили в ванну неизвестно с чем, мяли массажем, делали какие-то манипуляции с лицом, мазали разной гадостью, маникюр, педикюр и так далее и тому подобное. Мне удалось отбиться только от косметики, категорически. Вскоре я была практически в невменяемом состоянии. Но когда открыли коробку с платьем, то оцепенела совсем. И это мне?

Бальное платье: корсет, плечи открыты, широкая многослойная юбка неизвестно из чего. Совершенно белоснежного цвета. Баба на чайник. Но оказалось, что это ещё не все. Была вторая коробка и в ней такая же белоснежная накидка, тоже неизвестно из какой ткани, полупрозрачная, украшенная по вороту маленькими бриллиантами. Платье в пол и накидка в пол. Я с ужасом посмотрела на девушек, может коробками ошиблись? Но они что-то прошебетали и начали на меня всё это пенное надевать. Одно радовало, корсет девушки натягивали не сильно, видимо, поняли, что я в моём возрасте и с моей мягкостью в обморок упаду сразу, не дожидаясь бала. В зеркало я смотреться не хотела, боролась до последнего, но девушки весело меня крутили, обсуждали, и мне пришлось на себя посмотреть. Как она это умеет, Инесса, несмотря на белоснежный цвет и многослойную юбку, я не смотрелась как колобок, ткань удивительным об-

разом легла и только подчеркнула мой рост, а не расширила и так круглые формы. Корсет не утяжелил и не увеличил, а только подчеркнул и оформил грудь и чуть сузил то место, где у других талия. Я, конечно, не стала тростинкой, но и смотрелась неплохо, очень даже неплохо. Только сильно смущали совершенно открытые плечи, но есть накидка, она скроет мою не совсем юную красоту рук.

Одна из девушек достала ещё несколько ярких бархатных коробочек и стала открывать их передо мной, бриллианты, то есть украшения. Но критически посмотрела на меня и решила сначала заняться моими волосами. Вот когда меня настигла настоящая паника. Она открыла огромный чемодан, а в нём множество всяких инструментов, которые я бы парикмахерскими не назвала – орудия пыток, это ближе. Я едва пережила процедуру, удерживая себя из последних сил. Радовало одно, девушки уйдут и можно будет это всё зачесать. В зеркало я смотреться не стала, подошла к коробочкам с украшениями. Одно сразу привлекло моё внимание: большие изумрудные капли закреплены на золотой вязи широким треугольником, даже по шее как воротничок из камней поменьше. Вес, конечно, но больше меня ничего не привлекло, остальное было стандартом, никакой фантазии камня. Очень надеюсь, что бал продлится недолго. Девушки опять защебетали, потянули меня к зеркалу, и я увидела кого-то, только не себя. Как это можно было сделать с моими волосами? Как она их так уложила, как они вообще могут так дер-

жаться? Даже шея видна и ожерелье смотрится. Это не могу быть я, этого не может быть, это другая женщина. Пока я рассматривала незнакомку в зеркале, девушки быстро собрались, ещё раз пытались мне предложить косметику, я ещё раз категорически отказалась, и они ушли.

Бал. Я иду на бал в настоящем бальном платье с открытыми плечами, драгоценностями, причёской и маникюром. В этом платье я даже присесть на стул боюсь, вдруг что помнётся или сдвинется. Постучали в дверь, и вошёл Глеб в смокинге.

Мне нельзя даже в этом бальном платье встать рядом с ним, я это поняла сразу. Кого-то удивительным образом меняет военная форма, делает стройнее, значительнее или что-то такое. А Глеб, не знаю, ему хорошо во всякой одежде с таким ростом и фигурой, но смокинг, это уже другой уровень одежды, особенно если он сшит Инессой. В смокинге человек становится таким, каков он есть на самом деле, как бы обнаженным изнутри. Смокинг, это тот костюм, за которым не спрячешься. Он подчеркивает всё, что есть в человеке – слабость, трусость, никчемность сразу видна, как несоответствующая костюму. И у Глеба смокинг подчеркнул всё: абсолютная уверенность в себе, сила, властность и красота. Красота такая, что слепит и смотреть на него я не стала, сразу отвернулась... к зеркалу. Он встал рядом со мной и улыбнулся.

– Жена, твоё кольцо.

Глеб взял мою руку и надел кольцо. Я лихорадочно вздохнула. Жена. Вся моя неуверенность в себе, все страхи рухнули и придавили так, что опустились плечи и голова. Глебу ничего о них не было известно, или он не хотел их замечать, но он поднял мою голову и поцеловал, нежно-нежно.

– Ты прекрасна, самая красивая женщина в мире.

Мне удалось только промычать что-то совсем нечленораздельное.

– Самая красивая женщина в мире моя жена.

– Самый красивый мужчина в мире мой муж.

– Ты действительно так считаешь?

От удивления я чуть не рухнула во всей своей красоте. О чём он говорит? И смотрит так серьёзно.

– А ты не знал?

– Не знал – что?

– Что ты красив как бог.

– Но ты же мне этого никогда не говорила, откуда я могу знать?

– А другие женщины, разве они этого не говорили?

– Они разное говорили, не интересно.

Он смеётся надо мной, стоит и улыбается, хорошо ему с такой внешностью, а мне что рядом с ним делать? Глеб неожиданно подхватил меня на руки и прошептал:

– Самая прекрасная женщина в мире, я тебя недостоин. Но я прошу прекрасная, милости королевской, подари поцелуй, чтобы я смог быть рядом с тобой на балу.

И где научился? Лиза по голове настучала, наверное. Я рассмеялась и поцеловала, сначала нежно, едва касаясь губ, но не удержалась и приникла к нему всем телом. Он был готов, только вздрогнул и чуть прижал меня к себе, но потом спокойно держал на руках и никаких повреждений тела не произошло. Это сильно меня приободрило, но Глеб второго поцелуя не позволил, опустил меня и сказал твёрдым голосом:

– Бал. Нас все ждут.

– Нас?

– Мы гости Лизы. Держись, это церемония.

– Может, не пойдём?

Глеб рассмеялся, даже головой покачал.

– Лиза нас не простит, она Венский оперный бал готовит, всякие простые к ней не попадают, а мы гвоздь программы.

– Мы? А ты уже был на её балу?

– Был.

Я вздохнула тяжело и поняла, деваться некуда, придётся идти на бал. Глеб опять засмеялся, подхватил меня на руки и закружил по комнате, даже ничего не уронил.

– Вальс будем танцевать.

– Вальс?! Глеб, я, конечно, что-то там умею, но сам понимаешь, это не для Венского бала, это для школьного вечера.

– Я умею, ты только держись за меня.

А за кого еще? Оказывается, это очень страшно – бал, настоящий бал в Париже. Глеб шёл уверенно и вёл меня

за руку. Как он это умеет, со своим ростом идти так, что я не должна семенить за ним, а идти совершенно спокойно.

Гигантских размеров зал, в центре площадка для танцев, занимающая почти две трети зала, как раз для вальса, вдоль стен столики, а на них карточки с именами гостей. Все стены и потолок украшены живыми розами разных оттенков, и это придавало всему состояние праздника, не просто танцев, а торжества. Я так и не нашла оркестр, хотя музыка звучала отовсюду, запись на таком мероприятии в принципе быть не могла, значит, где-то оркестр, настоящий и судя по звучанию, полный. Глеб показал мне зал из-за кулисы, так как когда мы вышли из комнаты, к нам подошёл распорядитель бала, судя по карточке на костюме, и предупредил, что запланирован наш торжественный выход. И выход этот состоится с церемониальной лестницы. Глеб усмехнулся, сказал, что знает, как к ней пройти и распорядитель бала быстро ушёл. Мы подошли к лифту.

– Глеб, а что, эта церемониальная лестница где-то в другом месте?

Он внимательно на меня посмотрел и спросил:

– Ты высоты уже не боишься?

– Боюсь.

Лестницу я даже не сразу увидела. Удивлялась, как это повесили вазы с цветами так интересно, потом поняла – лестница стеклянная, совершенно прозрачная и начинается где-то на уровне третьего этажа. Я не смогу, никогда! Я уже упа-

ла бы, если Глеб меня удержит, то смогу вернуться к лифту. Но Глеб не дал мне возможности даже повернуться, он встал у меня за спиной и положил руки на плечи.

– Ты однажды сказала, что нельзя быть одному на такой высоте, мы вместе, ты со мной, ты не одна. Посмотри вниз.

Нельзя, смотреть вниз нельзя, я упаду сразу! Но Глеб так и стоял за спиной и поглаживал мне плечи, значит, не отпустит, только падать или идти. Внизу уже стояла целая толпа гостей, я была не в состоянии различить лица, только белые платья женщин и чёрные смокинги мужчин, белые и чёрные пятна. Где-то на середине лестницы стояла женщина в балльном платье, и я скорее догадалась, что это Лиза, чем узнала её. Она подняла руку в нашу сторону и громко сказала:

– Господа! Представляю вам своих гостей из Италии, Катерина и Глеб!

Глеб чуть пожал мои плечи и подтолкнул на миллиметр, потом ещё на миллиметр, и я подвинулась на эти миллиметры.

– Улыбайся.

– Не могу.

– Улыбайся, ты сильнее всех, ты можешь, вспомни, как ты была Аарона, ты же тогда не думала о его бойцах.

Причём бойцы Аарона? Я попыталась обернуться и посмотреть на Глеба, но он не позволил, положил руку мне на шею и опять подтолкнул меня, уже на сантиметр и поднял руку в приветствии. И совершенно неожиданно для себя я

тоже помахала рукой гостям.

– Молодец, идём.

Как спустилась с первой ступеньки, я не знаю – нога совершила этот подвиг независимо от меня.

– Я могу взять тебя на руки.

– Нет!

Глеб обнял меня, и я пошла. Никогда я бы не сделала этого одна, упала бы сразу, но я чувствовала руку Глеба, понимала, что он в любой момент поддержит меня, подхватит, если только качнусь, и продолжала спускаться вниз. Мы как бы шли по воздуху, я не смотрела куда иду, просто опускала ногу, и она упиралась в стекло. Когда переставляла другую ногу, Глеб поддерживал меня рукой. Моё оцепенение прошло мгновенно, как только я осознала, что полностью доверяю рукам Глеба. Я же знаю его силу и скорость, как я могла сомневаться, что он допустит моё падение? Даже если только качнусь, он сразу подхватит меня на руки, и никто даже не успеет заметить, что я стала падать. Страх ушёл, растворился в цветах, воздухе, музыке и улыбках гостей. И я сразу увидела Лизу в шикарном бальном платье и сверкающем бриллиантовом колье, она напряженно смотрела на нас и улыбалась – она понимала мой страх и беспокоилась. Белые пятна превратились в лица гостей, удивлённые, восхищённые, поражённые, завистливые и ещё разные другие. Помахав рукой, я улыбнулась уже весело и гордо. Лиза удивлённо подняла брови и облегчённо кивнула мне головой. Она

знала о моём страхе высоты, не догадывалась, а именно знала и ждала моей реакции на лестницу из стекла, движения по воздуху. Глеб тоже облегчённо вздохнул и слегка прижал меня к себе, он сразу почувствовал, что я пошла по ступенькам спокойно и уверенно. Уже поравнявшись с Лизой, Глеб неожиданно подхватил меня на руки и закружил на одной ступеньке, слышались восхищённые аплодисменты гостей и голос Лизы:

– Глеб, как ребенок, опусти жену, поставь, говорю!

Я засмеялась, Глеб поставил меня на ступеньку и поцеловал. Опять аплодисменты, но уже значительно тише и реже. Но Глебу было всё равно, он радовался моей смелости, и его волновало только это, все эти гости, люди и не люди, для него ничего не значили. Смокинг это показал сразу – абсолютная уверенность в себе, никаких оговорок и кивков в сторону кого бы то ни было. Для него в зале в этот момент не было больше никого, только я и моя смелость. Он счастлив, счастлив моим доверием ему, что я доверилась ему в своём самом большом страхе высоты.

– Ты смогла.

– Я верю тебе.

Глеб нежно коснулся моих губ, сказал очень тихо:

– Мы вместе, вдвоём, ты не одна.

И повернулся к Лизе.

– Когда будет вальс? Я хочу танцевать.

Глеб хочет танцевать? Он совсем другой, я опять не узнаю

своего мужа, грозного генерала и сверхчеловека. Лиза радостно воскликнула:

– Вальс!

Мы танцевали в центре зала, и Глеб сделал так, что все остальные пары были вынуждены прижиматься к столикам. Он подхватил меня и вел в танце, я почти не касалась пола, но счастливо улыбалась и не боялась, что что-то делаю не так, впервые я чувствовала себя совершенно свободно под взглядами массы чужих людей. Моё доверие Глебу ещё властвовало во мне, и я не боялась ничего и никого. Синева глаз сияла, она закрывала всё остальное пространство вокруг меня, и я уже ничего не видела кроме этих счастливых глаз. Я чувствовала, что в этот момент и для него существую только я, он видит только мои глаза. Когда замолкла музыка, Глеб остановился прямо в центре зала и обнял меня:

– Это твой бал, ты королева бала.

А я спрятала лицо на его груди, счастье переполняло меня, и я боялась этого чувства, привычный страх быть довольной и счастливой неожиданно вернулся ко мне. Глеб сразу поднял моё лицо ладонями:

– Что?

Но я только покачала головой, говорить мешал этот вновь появившийся страх.

– Скажи мне.

С трудом мне удалось пролепетать:

– Я... мне так хорошо, ты даже не можешь представить

как хорошо, но... я боюсь, боюсь, что всё будет плохо.

Глеб улыбнулся, потом низко опустил голову и обнял меня:

– Ничего не бойся, мы вместе и нам ничего не страшно. Ты веришь мне?

– Да. Я верю тебе. Только я... я себе не верю.

– Я верю за нас обоих. Я верю тебе.

К нам подошла Лиза.

– Глеб, ну, Глеб, я всегда знала, что ты такой, но что так, Катя, ты его как терпишь? Всё, иди, нам посплетничать надо, а то ты её как увезёшь стремительно, а я опять жди сто лет, когда приедете. Тут местные с тобой поговорить хотят, тоже сплетен много, от тебя узнать, из первых рук так сказать, они Катю не тронут, не переживай. Да и Цербер твой не даст.

Обернувшись, я увидела Олега, он стоял недалеко и улыбался мне. Однако, в смокинге Олег смотрелся как принц крови, точно знающий, что скоро будет королём. Откуда в нём это? Удивительно, что такая мысль пришла, никогда не думала, что так могу решить про него. Принц крови. Тайна, которая витает над ним, проявилась на балу, в смокинге. Может Лиза знает? Она подвела меня к столику, на котором не было карточек с именами гостей, стол хозяйки бала.

– Катя, как ты можешь всё это от него терпеть? Я как тебя наверху увидела, чуть сама не упала, ты же высоты боишься, сразу понятно. А этот, он знает, ходил по ней, ему что, он хоть по воздуху пройдёт.

– Глеб прав, мне надо со страхами своими бороться. Ты не знаешь, я по скале к морю пошла, чуть не умерла со страху, но прошла.

– Из-за него?

Я только кивнула.

– Нельзя одному на такой высоте стоять.

Глаза Лизы округлились, она качнула головой, но даже ничего сказать не смогла. И в этот момент к нашему столику подошла гостья, женщина лет тридцати, изящная блондинка с тонкими чертами лица и яркими голубыми глазами. Она томно обратилась к Лизе:

– Лиза, представь меня жене Глеба, я с ней давно хотела познакомиться. Как узнала, что Глеб женился, всё хотела посмотреть, кто это смог его заставить свою свободу променять на цепи.

Лиза замахала руками на неё:

– Мари, ты у нас женщина глупая, мозгов тебе не хватило, всё на внешность пошло, тебе с Катей говорить не о чём. Иди, милая, иди.

Меня рассмешила такая откровенность Лизы, а она мрачно окинула взглядом зал.

– А ты как думаешь, они же сегодня все на тебя смотрят, только и думают, чем ты Глеба так проняла, что он на тебе официально женился. Он в Париже личность известная в разных кругах. Эта Мари человек, она в Глеба давно влюбилась, да сразу, как увидела. Она его изводила так, что он,

чтобы шею ей не свернуть от её наглости, уехал. А вот и Надин, это совсем сложно.

Лиза ослепительно улыбнулась подходящей к нам брюнетке. Гостья представляла из себя полный набор всех возможных драгоценностей, даже на платье были пришиты камни, ярко выраженного презрения и высокомерия. Она выглядела принцессой несмеяной, которую в очередной раз не смогли рассмешить, и она от этого только рассердилась. Непререкаемым тоном она заявила Лизе:

– Лиза, что это? Глеб уже ходил по этой лестнице с какой-то девицей, теперь вот жену привёл, да как он мог? Ты как могла его сюда пустить после всего, что он натворил в нашем городе?

Лиза даже глазом не моргнула, продолжая улыбаться, сказала таким же непререкаемым тоном:

– А ты какое отношение имеешь к моему балу? Тебе муж купил допуск, вот и танцуй, а Глеба не трогай, он с тобой не пошёл, вот ты и шипишь, как змея. Иди и молчи, слово услышу, скажу твоему мужу, что к Глебу приставала, и ты уже никогда из своего дворца дальше лестницы не выйдешь.

Надин гордо вскинула голову и ушла. Лиза рассмеялась:

– Твой муж пользуется большой популярностью в Париже, что поделаешь, красавец, терпи. За его глаза не одно личико поцарапали.

– Надин сказала, что Глеб уже ходил по этой лестнице.

– Не ревнуй, это было давно, я сама его попросила одну

девочку вывести в люди, он и согласился, чтобы эти клуши отстали. Хорошая была девочка.

Она неожиданно загрузила, я открыла рот спросить, что случилось с девочкой, но Лиза сама объяснила:

– Сергей не сдержался, обещал отказаться, даже выпустили его уже, думали смог. Мой средний сын.

Я обмерла, он не сдержался и убил девушку. Лиза внимательно на меня смотрела, даже рассматривала.

– Я никак не могу понять, как Глеб держался тогда, да и сейчас держится. Он даже поцеловать тебя может. Да он всегда странный был... хотя своё взял. Ты смотри, помни об этом всегда. Нравишься ты мне, ты тоже другая, на обычных людей непохожа, сила в тебе, ты сама её не понимаешь. Поэтому и выжила.

Она тяжело вздохнула и сделала какой-то знак рукой подходящему к нам распорядителю бала, он кивнул и ушёл. Пары кружились в танце, Олег стоял у стены и смотрел на меня странным взглядом, он слышал весь разговор. Да и другие, наверное, тоже. Пусть слушают, тайн меньше будет, пусть думают, что я такая уникальная для Глеба, только для него. Олег улыбнулся и кивнул мне, значит, согласен. Оглянувшись вокруг, я не увидела Глеба, куда он мог уйти без меня?

– А Глеб ушёл?

– Они в комнате с глушителем разговаривают, всем интересно как Аарон, это важное дело. Кто знает, ещё и как сам Глеб решит жить, он теперь силён и кланы у него стали такие,

что его в друзьях надо иметь. Ты не думай ничего, он тебя как солнце и луну охраняет, Олег вон глаз не спускает с тебя. Как ты только с ними со всеми умудряешься существовать? У меня люди долго не держатся, уходят всё, боятся.

Она опять тяжело вздохнула и погладила меня по руке.

– Ты смогла его к себе привязать собой, характером своим. Он ведь и Сару берёт, Самуил рассказывал, но она никакая была, как тень. А ты можешь держать удар, борешься. Я слышала, как он предложил на руках нести, а ты дрожишь вся, но пошла сама, молодец. А как ты Аарона проняла, это уже совсем тайна, этот совсем дубовый, он только силу всегда и понимал, что-то ты ему такое сделала, одна пощёчина чего стоит, да ещё и не за себя. А Нору спаси, не сможешь сама, меня позови. Я ему мозги вправлю, Аарон меня знает, я ему вторую мировую устрою. А вот и сыновья.

К нам подходили трое мужчин, молодые совсем, не старше тридцати лет, кажется, что близнецы, так похожи друг на друга: все трое светловолосые, темноглазые и высокие. Они мне улыбнулись и представились – Василий, Сергей и Матвей. Имена Лиза явно по русским корням выбирала. Несмотря на улыбку, взгляды мне их не понравились, это конечно не взгляд голодного волка, но слишком жёсткий для бала. Они поцеловали мне руку, но разговора не получилось, и Лиза махнула им рукой, мол, идите, не мешайте нам говорить о нашем, о женском.

– Мне бы с Самуилом поговорить, вирус мутирует, всё

идет не так, не знаю, что делать.

Она тяжело вздохнула, но сразу одумалась:

– Да что это я, бал ведь. Ты смотри, кто к нам идёт, Олег молодец, не надо тебе с этой встречаться.

Оглядевшись, я увидела, как Олег подошёл к молодой женщине, направляющейся к нам, нежно взял её под локоток и что-то прошептал на ушко. Она побледнела и грозно свела брови, но Олег только улыбнулся и повел её к выходу. Ниоткуда появился Глеб и подошёл к нам.

– Катя, извини, ты скучаешь. Лиза, а помнишь, ты лет пять назад меня приглашала на бал зимой, тогда ещё известный музыкант выступал, пианист. Танец под его исполнение был, хорошая мелодия.

– Был такой, русский.

– Оркестр сможет повторить тот танец?

– О чём ты, сейчас сделаем.

Она встала и быстро ушла, а Глеб сел рядом со мной, взял за руку.

– Ты скучала?

– Мы поболтали с Лизой, она представила мне своих сыновей.

Взгляд Глеба изменился, но не почернел.

– Мы даже не говорили, она их сразу отправила. Зато я узнала некоторые твои тайны.

– Тайны?

Сделав паузу, я внимательно посмотрела на него. Ниче-

го не изменилось в этой синеве, даже руки не напряглись. Настолько уверен в себе и своём прошлом, или считает, что Лиза не скажет ничего из настоящих тайн?

– Мари и Надин хотели со мной познакомиться.

Глеб рассмеялся, но несколько облегчённо, всё-таки переживал.

– Я думаю, Лиза их к тебе не допустила.

– Не допустила, категорически. Теперь я точно знаю, что ты пользуешься большой популярностью среди женщин.

Глеб хотел ответить, но заиграл оркестр, он меня сразу подхватил и повёл в танце. Удивительно русская мелодия, немного грустная, но очень прозрачная, с переливами и колленцами, танцевать сложно, но Глеб вёл меня как в обычном медленном танце. Интересно, ему самому нравится танцевать или он меня развлекает?

– А кто была та женщина, которую вывел Олег, не делай вид, что ты не знаешь.

– Она глава клана, здесь во Франции, мы были знакомы ещё... давно.

– Ты любил её?

– Нет, никогда.

Он молчал несколько кругов по залу, потом признался:

– Но отношения у нас были.

И зачем спросила? Сама загнала себя в трудную ситуацию. Ему неизвестно сколько сотен лет, красив как бог, и что, он должен был быть монахом? Сама всегда говорила, что мне

не интересно как он жил раньше, а теперь допытываюсь о его отношениях с женщинами.

– Прости, я не должна была спрашивать.

Неожиданно он меня обнял и засмеялся:

– Да я счастлив, что тебя интересуют мои отношения с другими женщинами, значит, тебе не всё равно на меня. Ревнуй.

Я стукнула кулачком по его железной груди и тоже засмеялась. Нахал, ну, какой нахал.

– Глеб, а зачем ты меня в бассейн кинул?

– Я не знал, как тебя вернуть, решил, что ты любишь воду, она тебя остудит, вымоет твои мысли.

– Ну, теперь я знаю, как заставить тебя вывезти меня на бал. Буду молчать.

– Не нужно молчать, лучше сразу скажи, что ты хочешь. Между прочим, ты никогда не говоришь, ничего никогда не просишь, а я не знаю, что тебе предложить и ты вынуждена жить с нами без всяких развлечений.

– А что ты можешь мне ещё предложить в Париже? Только не нужно больше балов, ожерелье мне уже оттянуло шею, и я три раза запуталась в юбке.

– Мы можем уйти.

– Пошли.

И музыка закончилась. Глеб поцеловал мне руку и повёл к столику, где сидели Лиза с Олегом.

– Лиза, мы уходим. Спасибо, мы ещё заедем к тебе.

– Глеб, я буду ждать Катю, не забудь и не исчезай. Катя, я так рада с тобой познакомиться, очень хочется ещё с тобой поболтать, ты ему скажи, что он обещал.

– Хорошо, до свидания Лиза.

Олег сразу встал и тоже попрощался с Лизой. Когда мы уже выходили из зала, к нам подошла интересная девушка лет двадцати и попросила Глеба, который сразу встал практически передо мной:

– Глеб, познакомь меня со своей женой, я так давно тебя не видела, думала, ты заедешь в гости когда-нибудь.

Не многовато ли для одного городка пассий Глеба? Он демонстративно обнял меня и сказал властным голосом:

– Энн, я не буду знакомить тебя с моей женой, не набирай на свой клан проблем. Уходи.

– Я любила тебя! А ты меня прогнал!

Больше она не успела ничего сказать, появились два дюжих молодца и практически вынесли её, причем один из них зажал ей рот. К нам подошла Лиза и извинилась:

– Прости Глеб, её не должно было быть. Она как-то узнала, что ты приехал. Катя, не обращай внимания, она простой боец, Глеб её готовил когда-то, а она влюбилась.

Я только кивнула головой, не повезло с внешностью моему мужу, все сразу влюбляются, я, кстати, тоже сразу влюбилась. Может в Италию вернуться и посидеть во дворце пару лет безвылазно? Олег рассмеялся, чем вызвал гневный взгляд Глеба.

– Глеб, Катя уже обратно в Италию хочет, от твоих подружек подальше.

Глеб растерянно посмотрел на меня.

– Глеб, просто многовато для одного вечера. Я теперь понимаю, почему ты во дворце прячешься.

– Катя, ты что, он от них бегал рысью, а они за ним, едва успевал. Ты не думай, он всегда скромный был... ну, иногда, сама понимаешь...

Глеб совсем рассердился и взял меня на руки.

– Лиза, прощай.

Обратно мы ехали в полном молчании. Глеб попытался взять меня за руку, но я изобразила взгляд оскорбленной невинности и он, вздохнув, отвернулся к окну. Олег только посматривал в зеркало и улыбался.

8

Утром я проснулась бодрой и довольной. Вечер удался: бал, танцы, стеклянная лестница, мой гордый вид, когда мы вернулись с бала, а продолжение было совсем восхитительным. Неожиданно для себя, я, выйдя из машины, сказала:

– Спасибо за вечер, я спать, устала немного.

Олег сделал лицо консьержа и открыл передо мной дверь с шутливым поклоном, Глеб остался стоять с ошалелым видом. А это тебе за мои страхи и сцену перед зеркалом.

Но как я снимала платье! Самым страшным была шнуров-

ка на спине, её я никак не могла достать, уже думала лечь в платье и надеяться на завтра, когда в комнату постучали, и вошёл Олег.

– Катя извини, ты очень громко думаешь. Я Глебу ничего не сказал, но можно тебе помочь, я не буду смотреть, глаза закрою, на ощупь развязывать буду.

Можно подумать, а кто меня голую из бассейна доставал?

– Тем более, но ты теперь замужняя женщина и Глеб мне голову оторвет с полным правом.

Ну да, и тот ничего не слышит, находясь в соседней комнате. Я рассмеялась и разрешила:

– Тебе я доверяю полностью.

Олег хмыкнул, сделал лицо евнуха в гареме и подошёл ко мне. Расшнуровывал он так же медленно, как Глеб зашнуровывал перед свадьбой. И что там такого интересного на моей спине?

– Всё, помочь снять?

– Не надо, я сам.

В дверях стоял Глеб. Олег усмехнулся и сразу вышел. Глеб подошёл ко мне и помог снять корсет и юбку. Мне было очень сложно удержать строгое выражение на лице, я не выдержала и улыбнулась. Глеб не поддался моей улыбке, и это ещё больше меня развеселило – не смог, даже Олегу не смог довериться, а я значит должна весь вечер знакомиться с его бывшими подружками и мило им улыбаться. Я произнесла недоуменный звук, вроде как удивилась, пожала плечами

и стала укладывать платье в коробку, даже не пытаясь надеть ночную рубашку. И кто же это зрелище сможет выдержать? Да ещё после такого бала. Я даже не успела понять, как оказалась на руках Глеба. Его глаза сверкали, и он поцеловал меня, страстно, как муж у постели. И я сдалась, обняла его изо всех своих сил и ответила его губам, отдаваясь им, как может отдаться мужчине только любящая его женщина. Я впервые гладила его плечи и голову в страсти, отдавая свой огонь, и принимая огонь его рук, которые обнимали меня и гладили по обнажённому телу, впитывая мой огонь и отдавая свой. В моём организме образовался вихрь, и я в пылу жарких объятий представила, как мой огонь соединяется с огнём Глеба и образуется единый огненный вихрь. И они соединились, эти два энергетических потока.

– Нет! Не смей!

Я просто обмякла на руках Глеба, совершенно без сил, не ощущая ничего, даже рук Глеба, от меня осталась только оболочка. И даже не поняла, когда появился Олег, как Глеб положил меня на кровать. Прошло много времени, прежде чем я стала ощущать тепло от рук Олега, потом это тепло стало всё жарче и жарче, наконец, в моей голове взорвался фейерверк.

– Олег, всё, я в норме.

И ужаснулась – Олег был бледен, глаз практически не видно и совершенно пергаментная кожа. Он улыбнулся и сказал:

– Не переживай, всё в порядке.

Встал и вышел из комнаты. Глеб сидел у окна, смотрел на меня и улыбался. Я не ожидала улыбки и таких синих глаз после того, что произошло со мной, после этой неожиданной очередной передачи энергии. Он подошёл ко мне, взял за руку, опять улыбнулся и сказал:

– Всё хорошо, ты быстро восстановилась и больше мне ничего не отдаешь.

Он замолчал, даже прикрыл себе губы рукой, чтобы не сказать ещё что-то, и это что-то было радостным, глаза сияли не только от бушевавшей в нём моей энергии, что-то радовало его помимо этого.

– Чему ты так радуешься?

– Тебе. Я радуюсь тебе, я чувствовал тебя всю, всё твоё тело, каждое твоё движение по своей коже и смог сдержаться. На тебе нет никаких повреждений, я смотрел.

И тут уже я расхохоталась до слёз, наверное, тоже от избытка энергии Олега в себе. Глеб улыбался, глаза сверкали синевой, он наклонился ко мне и прошептал:

– У нас всё получится, мы муж и жена, у нас всё будет.

Нежно меня поцеловал и ушёл.

Утреннее солнце сверкало в окне, а во мне всё пело, Глеб уверен в нас, сам сказал, что у нас получится и всё будет, мы муж и жена. И даже прикрылась одеялом от смущения, опять вся покраснела. В дверь постучали, и вошёл Глеб, я быстро спряталась под одеяло. Неожиданно почувствовала, что меня подняли вместе с одеялом и куда-то несут.

– Глеб, ты куда?

– Бассейна здесь нет, в ванну.

– Глеб! А одеяло, пусти, мокро же пусти, тону!

Но он уложил меня в ванну, включил воду и залил водой вместе с одеялом.

– Ну и как я буду спать ночью?

– Высохнет.

Но одеяло он достал, бросил на пол и включил душ. Ему хотелось касаться меня, и это было не чувственным прикосновением, а просто узнаванием вчерашних ощущений. Он улыбался, глаза светились, прикосновения доставляли ему удовольствие физическое, он прикасался ко мне кончиками пальцев и слушал свои ощущения. Глеб поливал мою кожу тёплым душем, а потом сразу прикасался к этому месту, он как бы слушал ток энергии, исходящей от моей кожи. Я смотрела на него и поражалась, он здесь другой, а может я стала другой, и он это почувствовал? Ведь я доверилась ему вчера на лестнице и изменилась, внутренне изменилась, допустила до себя, до своего сердца. Глеб касался моих рук, плеч, неожиданно коснулся коленки, высунувшейся из воды, и поцеловал её. Тихо засмеялся, снова поцеловал и встал.

– Я буду ждать тебя в столовой.

Выдержка закончилась, глаза стали совершенно прозрачные, только чёткий зрачок. А может нам к утреннему поцелую добавить целование коленки? В ванне. Пожалуй, мне не хватит выдержки, может, всякие сверхчеловеки и смогут,

я точно нет. От этих мыслей я чуть не утонула, сползла в воду и пыталась хихикать.

В столовой сидели оба, совершенно восстановившийся Олег и совершенно счастливый Глеб.

– Доброе утро, Олег, как ты?

– Доброе утро, всё хорошо.

Он мне хитро улыбнулся и спросил:

– Али тебе не объяснял действие своего отключения?

– Нет, я была без сознания.

Глеб, продолжая счастливо улыбаться, заявил:

– Всё будет хорошо, только Катя, ты должна представить крышку на своей голове и никому ничего не отдавать. Олег один, я тебе ничего не могу дать, ты не берёшь, ты мне только отдаёшь. Никаких эмоций.

– Я что, в Париже буду сидеть в доме? Может, хоть к Лизе поедem?

– Сегодня она занята, мы к ней поедem завтра. А сегодня Париж.

Поездка по Парижу превратилась в прогулки по набережным Сены, хоть и холодно, но очень красиво. Олег остался в машине и медленно ехал за нами. Я заявила, что шубу надо выгулять и Глеб терпеливо ходил со мной, не очень понимая прелести такой прогулки. Наконец, он не выдержал и заявил, что я замёрзла и мне пора обедать. А обедать он повёл меня в ресторан, принадлежащий одному из сыновей Лизы. Отдельные номера для своих, и кормят только по предвари-

тельной договоренности, нас уже ждали и обед был вкусным, но непонятным – то ли рыба, то ли мясо. Глеб с Олегом что-то обсуждали на своём неизвестном языке, сразу заявив, что это дела кланов сыновей Лизы и мне будет совсем неинтересно. Сказали так, что стало ясно – интересно мне будет, но они не скажут.

А после обеда мы пошли смотреть Версаль. Лучше бы не ходили. Версаль действительно оказался значительно меньше нашего Зимнего, и комнатки такие маленькие, во дворце Глеба и то побольше будут. Видимо, я уже чувствую себя специалистом по жизни во дворце. Вывод один – в Версале жить было неудобно. Конечно, красиво, много картин и золота, но не так уж и со вкусом. Все короли что-то достраивали и добавляли, появилась мешанина стилей комнат и коридоров, во дворце Глеба значительно удобнее и со вкусом всё нормально. Олег только пожимал плечами на мои замечания, а Глеб резонно заявил, что королям всегда не хватало денег, все деньги на войны уходили и с налогами были проблемы, а у него они есть всегда благодаря финансовому гению в лице Андрея. Смотреть парковый комплекс Версаля Глеб категорически отказался, заявив, что холодно и смотреть там особо нечего – фонтаны не работают.

Ужинали мы в том же ресторане, и всё повторилось: кормили непонятно чем из непонятно чего, и Глеб с Олегом тайны кланов сыновей Лизы мне не раскрыли.

Одеяло заменили. Я лежала на кровати и слушала, как

в соседней комнате Глеб в полголоса что-то обсуждал с Олегом. Мне было очень спокойно от этих голосов. Они решают какие-то свои важные мужские дела, не допуская меня до них просто потому, что я женщина и меня не следует ими беспокоить. В моей прошлой жизни я всё всегда решала сама, свои и чужие проблемы, и мужчины считали это совершенно нормальным. Вот это было одиночеством. А сейчас мужчины отбиваются от моего любопытства и решимости участвовать во всех делах. Я хрустальный сосуд, меня берегут, и счастливы только от того, что я есть, такая, какая даже сама не знаю.

Глеб нежно меня поцеловал, укладывая в постель, и сказал:

- Отдыхай, завтра поедem к Лизе, она ждёт тебя.
- Глеб, мне хорошо с тобой.
- Мы вдвоём, помни об этом всегда.

Ещё раз поцеловал, нежно-нежно, и ушёл.

Утро было ясным и светлым, каким-то совершенно прозрачным, так в большом городе бывает очень редко. Я стояла у окна, любовалась домами, солнцем и наблюдала за прохожими. Оказывается, мне очень не хватало во дворце Глеба этой возможности посмотреть из окна. Только сейчас я поняла – там я как в сейфе, не нужно даже никуда заходить отдельно, абсолютно закрытое пространство для меня. Мне стало грустно, с одной стороны, я к нему уже привыкла, но сейчас, вернувшись из Парижа, мне будет не хватать этой

простой возможности выглянуть в окно и посмотреть на сад или море.

В дверь постучали, и вошёл Глеб.

– Привет.

– Привет, тебя не было в доме?

– Я только вернулся. Хорошо спала? Ты бледная.

– Хорошо.

– Завтрак на столе и Олег уже заварил свой чай.

За завтраком Олег не сказал ни слова, только внимательно на меня смотрел. Энергией он наплатил меня сильно, но грустное настроение осталось. Неожиданно Глеб спросил меня:

– Катя, ты хочешь посмотреть на замок? Который подарил Олаф.

– Он же нам крепость подарил.

– Он имел в виду укрепленный замок, я видел его.

– Хочу. Когда мы сможем поехать?

– Завтра.

– Завтра? Мы туда поедем завтра? А твои дела в Италии?

– Дела делаются сами. Там Андрей, Виктор и Самуил, они всё сделают. Так ты хочешь в Норвегию?

Я только закивала головой, мне хотелось продолжить путешествие. Глеб посмотрел на Олега и тот только кивнул, значит, подготовка уже идёт. Мои грустные мысли сразу испарились, и я выпила ещё чашку удивительного чая Олега. Мы поедем в Норвегию, я увижу заливы и скалы, бушующее

море, я даже лихорадочно вздохнула от такой перспективы. Олег странно посмотрел на Глеба и что-то сказал, Глеб удивлённо поднял бровь и ответил несколько слов.

– Одевайся, мы тебя подождём.

Когда я вышла полностью одетая, они продолжали разговаривать, и Глеб выглядел поникшим.

– Глеб, что-то случилось?

– Нет, это так, дела.

Но в машине он был задумчив, поцеловал руку несколько раз, так и держал её всю дорогу в своих ладонях, слегка поглаживая. Олег ему что-то сказал и Глеба это расстроило. Мне они ничего не скажут, лучше не спрашивать.

Лиза ждала нас на лестнице, как в прошлый раз.

– Не обманул, приехали. Олег ты с Глебом сходи к моим, они опять натворили глупостей, вправьте им мозги, а я пока с Катей поболтаю в беседке. Ты, Глеб, молчи, я сама знаю о чём с ней говорить, не переживай, о твоих амурных делах ничего рассказывать не буду.

Она меня обняла и повела к беседке, хотя эта идея не очень понравилась Глебу. Сначала мы погуляли по саду вокруг беседки, и Лиза молчала. Я не стала ничего говорить, раз молчит, значит, думает, не будем прерывать её в тяжёлых мыслях, захочет, сама расскажет. А то, что мысли тяжёлые, было понятно по глазам. Наконец, Лиза вздохнула, и мы зашли в беседку.

– Катя, когда вы вернётесь в Италию, ты к Аарону пой-

дёшь?

– Мы сначала поедem в Норвегию и когда будем в Италии, я не знаю. Глеб обещал Аарону, что я встречусь с ним, но решать будет он.

Лиза кивнула, ничуть не сомневаясь в решении Глеба.

– Молодец, Глеб, развлекает тебя, вывозит, он думает о тебе постоянно, хочет тебе понравиться.

Она опять вздохнула и посмотрела на меня.

– Катя, скажи, а кровь ты сама Глебу предложила? Я ведь не поверила Самуилу, когда он это мне рассказал.

– Сама. Я не могла смотреть, как Глеб мучается, он отказывался, но потом Аарон его убедил, он ожерелье принёс для меня, а Глебу какой-то ободок на голову.

Лиза удивилась, но только покачала головой.

– И как Глеб тебя не убил? Почему?

– Они его держали сначала, а потом он ушёл.

– Да нельзя его было удержать, понимаешь – нельзя! Он и так был самый сильный, а после передачи в десять раз сильнее стал, нельзя такого удержать!

Она даже сникла после этого взрыва, взяла меня за руку.

– А ты, ты что чувствовала?

– Ничего, просто пришла в себя, это потом уже плохо было, когда мы с ним встретились.

– Что?!

– Я у Аарона была, а когда вернулась, мы с ним встретились. Когда он ушёл, тогда мне плохо и стало.

– Катя, этого просто не может быть, не могут они себя держать при человеке, если он жив остался, он всё равно должен был тебя убить. Это закон, он всегда работает, на всех.

Она даже меня за плечи встряхнула, потом опять сникла.

– Но Глеб смог. Он меня потом спасал, когда мне плохо было.

– Да, смог, это только он может. Он и сейчас может, даже целует тебя, я вижу, спокойно держится. Но как он сразу удержался, всё равно не понимаю.

– Он лабораторию Самуила в порошок разнёс, я видела, но ничего, лицо конечно, перекошенное, но не так уж и страшен.

– Ты что, видела его в этот момент? Как ты могла, ведь ты...

– Он мне запись показал.

А вот это Лизу добило. Она побледнела, потом покраснела, долго пыталась вздохнуть, широко открывая рот. Я даже испугалась за неё, но она взяла себя в руки и прошептала:

– Как запись? Тебе? Зачем?

– Когда я потеряла память, он решил меня отпустить от себя и долго доказывал, что он монстр и я свободна. Они мне все говорили, чтобы я ушла, и что они мне обеспечат безопасность от себя, даже Аарон.

– Этот... а он почему тебе... как Глеб мог допустить...

– Глеб надеялся, что, если я увижу Аарона, может смогу что-нибудь вспомнить. Аарон тоже говорил, чтобы я ушла.

– А ты? Почему не ушла? Почему осталась?

Она внимательно на меня смотрела, прямо в глаза заглядывала.

– Я, когда записи про себя смотрела, поняла, что любила Глеба таким, какой он есть, до потери памяти я же знала, кто он. Как я могла уйти? Мне только надо было эту любовь вспомнить, и я вспомнила всё.

Лиза молчала долго, казалось, то, что я ей рассказала, никак не укладывалось в её голове. Она погладила меня по руке, потом встала и походила, села и снова взяла меня за руки.

– Понимаешь, только Глеб это смог, можно уйти от человека, не убить, самому умереть. Но находиться рядом в агрессии... он долго держался, другие так не могли... и с тобой встречаться, когда он от одного запаха твоей крови с ума сходит, за сотни километров тебя чувствует, это тебе не понять никогда. А потом получить твою кровь и опять рядом быть, это...

Она махнула рукой, объяснить невозможно.

– А ты, ты как смогла остаться, когда всё произошло? И потом, когда всё вспомнила... он как смог тебе всё показать, почему не ушла, не понимаю.

Лиза качала головой, взмахивала руками, хлопала себя по коленям.

– А как ты боль эту выдержала? Столько дней выдержала, почему ты потом не ушла? Он богат, Глеб, у него дворцы и кланы.

– Я знаю, он по контракту чего-то там мне отписал, дворцы и счета.

Она смотрела на меня, не моргая, и качала головой.

– Это Глеб и ты, ты и Глеб. Только у вас, больше ни у кого, только вы.

Она помолчала несколько минут, я не решилась нарушить это молчание. Мне нечего было ей сказать, столько всего произошло за последнее время, что я уже не знаю, что на самом деле держит нас вместе с Глебом. Моя ли любовь, моё одиночество, энергия, или, может, одиночество самого Глеба в этой его мощи и в этом его мире. А то, что у нас получилось, о чём она мечтает для своих сыновей, пока невозможно для них, они ещё не прошли свой путь одиночества, они не готовы к нему. Заставить понимать то, что ты не понимаешь, не прошёл своей жизнью, своей болью, невозможно. А без этого понимания невозможно удержать таких как они, поэтому погибла эта девушка – Сергей не был готов к таким мукам, он не хочет менять свою сущность, она его вполне устраивает на данный момент.

Лиза тяжело вздохнула и попросила:

– Катя, ты к Аарону когда поедешь, Глеб раз пообещал ему, отвезёт, он слово всегда исполняет, посмотри как он держится. Ты человек, сразу поймёшь, это видно.

– Аарон всегда при мне держался, я его никогда не боялась.

– Это он сытый был настоящей кровью, а теперь он другой.

Вспомнив Лею, как она изменилась за сутки, я согласилась с Лизой.

– Может, я приеду к нему, но мне важно, что ты думаешь. Олаф у него ведь был?

– Был, Олег сказал, что Олаф ему сильно помог.

– Олаф да, он всё знает, только делать самому надо, а мои ничего делать не хотят, им и так весело жить. Ладно, пойдём обедать, да и Глеб уже круги нарезает, совсем сердитый.

Мы вышли из беседки, сразу ниоткуда появился Глеб, обнял меня и обратился к Лизе:

– Лиза, прости, но мы уезжаем, на обед не остаёмся.

На её удивлённый взгляд лишь сообщил:

– Мы завтра уезжаем в Норвегию, а у меня ещё дела в Париже.

Лиза пожала плечами, дела так дела, с Глебом не поспоришь. Она обняла меня и постояла так, ей действительно было тяжело оставаться со своими думами о несбыточном.

Олег уже сидел в машине и кивнул Глебу, что-то готово, я это поняла. И мы поехали неизвестно куда по делам. Это оказался ресторан на корабле, который медленно двигался по реке, можно было рассматривать красоты Парижа и обедать.

– У тебя встреча в ресторане?

– Нет, это для тебя. Тебе понравилось гулять по набережной, и я подумал, что обед на реке доставит тебе удовольствие.

Мы сидели в отдельной кабинке, со всех сторон окружённой стеклом и берега проплывали перед нами вместе с домами, дворцами и набережными. Иногда я даже забывала есть, так всё было красиво, с погодой благо повезло. Я впитывала все картинки и говорила себе – запоминай каждый дом, мостик, всё, будешь вспоминать, выглядывая в непрозрачные окна дворца.

Олег долго говорил по телефону и отчитался перед Глебом:

– Для поездки всё готово, самолёт ждёт, окна есть. Сопровождение прибывает паромом.

– Окна, это как?

Он посмотрел на меня, усмехнулся, но ответил:

– Ты можешь выбрать время отъезда. У нас есть три времени вылета для самолёта.

Я удивлённо посмотрела на Глеба, он улыбался почему-то немного грустно. Появившаяся утром грусть так и осталась в его глазах, хотя они были совершенно синими. Грусть, не гнев, не раздражение или недовольство, а именно грусть. Что так его волнует?

– Значит, я могу сейчас сказать «сезам» и мы полетим в Норвегию?

– Говори.

– А твои дела?

– Ты моё дело. Но у меня для тебя есть сюрприз, поэтому предлагаю вылететь ночью.

Вопрос был готов сорваться с губ, я широко открыла глаза, но решила ничего не спрашивать, пусть будет сюрприз. Мы долго плыли на корабле, и мне удалось увидеть много интересного, поэтому, когда стали причаливать, я даже грустно вздохнула – хотелось плыть и плыть, рассматривая красоты. Поднимаясь по трапу на берег, я поймала тревожный взгляд Олега, они переглянулись с Глебом и посмотрели на меня.

– Что, что-то не так?

– Тебе понравилось?

Вопрос Глеба застал меня врасплох, он спрашивал напряжённо, не так, как спрашивают после экскурсии.

– Очень, так бы и плыла, всё красиво, но почему ты спрашиваешь?

– Я рад, просто волновался, вдруг не понравится.

Он действительно улыбнулся и обнял меня, прижал к себе и в машине опять держал за руку. Мы ещё какое-то время кружили по городу. Мне было приятно, что не было тонировки на стеклах машины, и я могу увидеть прохожих, маленькие уличные сценки, даже уловить разговоры, и, хотя я их не понимала, но чувствовала тональность и почти догадывалась, о чём они говорят. Иногда я замечала, что Глеб внимательно на меня смотрит, но он ничего не говорил, и я тоже молчала, просто радовалась возможности понаблюдать за улицами Парижа.

Сюрприз меня поразил, никогда не могла себе представить, что можно такое изобразить огнём. Мы приехали на ка-

кую-то поляну, был поздний вечер и уже темнело. Олег поставил машину у дерева, и Глеб помог мне выйти из машины. Он никуда не пошёл, встал за моей спиной и обнял, как бы прикрыл меня собой. Олег встал рядом. Я показалась сама себе такой маленькой рядом с ними, как с тем деревом, у которого мы стояли. И почувствовала силу, которая исходила от них, они её кому-то демонстрировали специально. Может из-за темноты, а может, действительно среди тех, кто собрался на поляне есть их враги, но они стояли как два боевых танка, нет, что-то больше, крейсера. Какая темнота, они же всё видят.

На поляну вышли молодые девушки и парни с факелами в руках и началось. Всё сверкало и искрилось, факелы летали по всей поляне, крутились колесом и взлетали высоко вверх. Собравшаяся толпа вскрикивала и взрывалась аплодисментами, свистом и отдельными фразами. Потом они ушли и в центр поляны вышли рыцарь и принцесса. Они держали в руках какие-то цепи, на концах которых тоже был огонь. Я не поняла: то ли принцессе не нравился рыцарь, то ли рыцарю не нравилась принцесса, но они чуть не подожгли друг друга. Потом были всадники, едва удерживавшие своих коней, но очень красиво, какие-то композиции и всё с пылающим огнем. Я даже иногда не дышала от восторга, во мне всё трепетало от магии огня. Продолжалось это действие достаточно долго, и у меня начали замерзать руки, я попыталась их согреть, разминая пальцы, Глеб заметил мои

движения, завернул их в свои ладони, мне сразу стало тепло и спокойно. Неожиданно наступила темнота, и зрители не сразу поняли, что всё закончилось.

Олег сказал Глебу несколько слов и исчез. Мы продолжали стоять у дерева, Глеб даже не сделал попытки сесть в машину. Я не то, чтобы испугалась, чувствовала, что Глеб спокоен, но темнота давила и тревожили голоса.

– Олег уже идёт. Он уходил поздороваться со старыми знакомыми.

Интересно, это они им показали свою силу? Или они так приветствуют друг друга? Глеб погладил меня по плечам и тихо спросил:

– Тебе было хорошо в Париже?

– Очень, мне всё очень понравилось, и бал, и поездка по Сене, прогулка, а это действо с огнём просто поразило.

– Тебя привлекает огонь?

– Это что-то внутри меня, страсть к воде и огню. Огонь в костре всегда меня волновал, ты становишься не собой, кем-то древним, это уже не ты, а какая-то часть этого огня. Ещё ночь и темнота, что-то поднимается во мне и волнует неизвестностью. Смешно, да? Я и древний костер.

– Не смешно, это ты, в тебе осталась древнее чувство огня, ты его понимаешь, чувствуешь его энергию. Как чувствуешь море, слышишь его песню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.